

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Частных Валерий Владимирович

**ЖАНР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ БИОГРАФИИ В ТВОРЧЕСТВЕ
А.Н. ВАРЛАМОВА**

10.01.01 – Русская литература

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
д. филол. н., профессор
Скаковская Людмила Николаевна

Тверь – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА I. ГЕНЕЗИС И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ КНИГ СЕРИИ «ЖЗЛ» А.Н. ВАРЛАМОВА.....	13
1.1. Особенности реализации жанра писательской биографии в издательском проекте «ЖЗЛ».....	13
1.2. Принципы биографического метода А.Н. Варламова в историко-литературной и текстуальной взаимосвязи его произведений о писателях.....	31
ГЛАВА II. СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВЫХ ТРЕХ КНИГ СЕРИИ «ЖЗЛ» А.Н. ВАРЛАМОВА.....	53
2.1. «Пришвин»: структурно-композиционные особенности журнальной и книжной редакций.....	53
2.2. «Александр Грин»: проблема «автор – герой».....	66
2.3. Паратекстуальность «Алексея Толстого» как фактор критической интерпретации книги.....	77
ГЛАВА III. ФОРМАЛЬНЫЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ ПОСЛЕДНИХ ТРЕХ КНИГ СЕРИИ «ЖЗЛ» А.Н. ВАРЛАМОВА.....	94
3.1. «Михаил Булгаков»: художественная метафизика героя.....	94
3.2. «Андрей Платонов»: специфика репрезентации творчества.....	113
3.3. «Шукшин» как нарративный «мост» через художественно-документальное пространство пяти книг А.Н. Варламова.....	128
Заключение.....	143
Список использованной литературы.....	147

Введение

Популярность и востребованность жанра биографии в русском литературном процессе оспорить трудно. Постоянство неослабевающего читательского внимания к биографическому жанру подтверждает это. Однако несмотря на то что биографическая литература имеет длительную и насыщенную историю, результаты ее изучения в отечественной и мировой историко-литературной науке еще нуждаются в дополнении. В последнее время на фоне возврата к реализму в русской литературе (о чем свидетельствует развитие так называемого «нового реализма» и литературы нон-фикшн, попытки смены культурных алгоритмов, поиск в литературе различных идеологических точек опоры для сохранения пространства отечественной культуры и т.п.) возрастает значимость биографии писателя как источника для более полного и адекватного понимания смыслов произведения, что оспаривает положение постмодернизма, констатировавшего «смерть автора»¹.

Биография² в общезыковом понимании – это совокупность событий человеческой жизни. В этом отношении биография имеет неисчерпаемый выразительный потенциал. Она может являться источником сведений, на которых базируются научные и документальные тексты, и самим текстом, имеющим свою внутреннюю логику.

Долгое время биография не мыслилась как компонент художественной литературы и не вызывала пристального исследовательского интереса. Отдельные мнения, касающиеся ее жанровой природы, высказывались в основном самими биографами. Некоторая динамика в этом смысле наметилась только в первой половине XX в. В 1920—1930-х гг. вокруг биографического

¹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Текст] / Р. Барт. М.: Прогресс, Универс, 1994. С. 384–391.

² Терминологическая рецепция биографического жанра более подробно представлена в первой главе настоящей работы.

жанра развернулась горячая полемика¹, в которой главенствующая роль все же отводилась эмпирике. Однако обозначенный период оказался переломным в истории жанра биографии. За возрастающим читательским вниманием последовали серьезные качественные трансформации в восприятии жанра. Биографии XIX в. с такими определяющими признаками, как документальность, громоздкость, идеализация, напоминали подчас простой комментарий к фактам, или, образно говоря, акафист. В XX столетии важнейшими чертами жанра «новой» биографии² стали психологизм и лаконичность. Героика уступила место правдоподобию с характерным для него критическим подходом к данным. Внимание не сосредоточивалось теперь на фиксации внешних достижений человека, а перемещалось в сферу его внутренней жизни и творчества. Эти тенденции стали заметны в творчестве Б.К. Зайцева («Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов» и др.) и Н.Н. Берберовой («Чайковский», «Бородин», «Александр Блок и его время»), обращавшихся в том числе к жанру писательской биографии.

Сегодня к биографическому жанру причисляют помимо документальной также и документально-художественную литературу³. Двоякая специфика биографии, опирающейся на широко привлекаемый фактический материал, но являющейся открытым полем для интерпретаций, постулируется современным научным сообществом как органический атрибут жанра.

Автор жизнеописания (в словаре С.И. Ожегова слово дается как синоним биографии⁴) в процессе формирования общего замысла книги и системы

¹ Иванова Е.А. Жанр «новой биографии» в творчестве Эмиля Людвига: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Иваново, 2014. С. 9–10.

² Edel L. *Writing Lives: Principia biographica*. Norton, 1987. 270 p.; Holroyd M. *Lytton Strachey: the new biography*. New York, 1994. 600 p.; Иванова Е.А. Жанр «новой биографии» в творчестве Эмиля Людвига: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Иваново, 2014. 24 с.

³ Карпеева Т.А. Авторское «я» в биографическом повествовании // *Филология и культура*. 2012. № 3. С. 136–139.; Шарифова С.Ш. Типы документально-художественного романа // *Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского*. 2011. № 23. С. 271–277.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С.58.

образов обязательно отталкивается от своих представлений о мире. Все авторские интеллектуальные модели и принципы, способствующие организации разрозненных документов в законченное произведение, так или иначе находятся в локальной, хронологической и социокультурной связи. В напечатанном и изданном биографическом тексте содержится в том числе информация о восприятии изображаемых событий самим биографом. В современных образцах беллетризованной биографии (для этого жанра характерен интерес к личности выдающегося человека, импрессионистичность стиля, приоритет художественных принципов над когнитивными при отсутствии вымысла)¹ выдвижение автора в центр повествования случается все чаще, о чем свидетельствует внедрение в повествование размышлений о характере поисков сведений и возникавших при этом трудностях.

Таким образом, теоретическая значимость места и функций биографа совпадает со значимостью места и функций романиста, т.е., в обоих случаях при исследовании авторской позиции могут применяться одинаковые методы.

В работах Ш. Сент-Бева², С.С. Аверинцева³, В.С. Барахова⁴, И.Л. Беленького⁵, Г.О. Винокура⁶, Д.А. Жукова⁷, С.В. Панина⁸, Г.Е. Померанцевой⁹, Н.А. Рыбникова¹⁰, А.А. Сивогривовой¹¹ и др. рассматривался широкий диапазон проблем изучения жизнеописания.

¹ Громова А.В. Жанр беллетризованной биографии в литературе русского Зарубежья (произведения Б.К. Зайцева) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2008. № 2. С. 50.

² Сент-Бёв Ш. Литературные портреты. Критические очерки. М.: Художественная литература, 1970. 585 с.

³ Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография // Образ античности. СПб: Азбука-классика, 2004. С. 225–465.

⁴ Барахов В.С. Литературный портрет (истоки, поэтика, жанр). Л.: Наука, 1985. 312 с.

⁵ Беленький И.Л. Биография как историко-культурная проблема (К историографии темы в отечественной литературе) [Текст] / И.Л. Беленький // Ист. биография: Сб. обзоров: к XVII междунар. конгрессу ист. наук. М., 1990. С. 136–164.

⁶ Винокур Г.О. Биография и культура. М.: ЛКИ, 2007. 96 с.

⁷ Жуков Д.А. Биография биографии. Размышления о жанре. М.: Советская Россия, 1980. 135 с.

⁸ Панин С.В. Жанр биографии в русской литературе XVIII – первой трети XIX вв.: Истоки, формирование, типология: дисс. ... канд. филологических наук: 10.01.01. М.: РАН ИМЛИ им. М.Горького, 2002. 247 с.

⁹ Померанцева Г.Е. Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощение серии. М.: Книга, 1987. – 335 с.

¹⁰ Рыбников Н.А. Изучение биографии (темы семинария, указатель литературы). М.: Б. и., 1922. 14 с.

¹¹ Сивогривова А.А. Биографические жанры в литературе. История и теория: уч. пособие. Ростов н/Д.: РГПИ, 1989. 86 с.

Авторами соответствующих исследований двух последних десятилетий ставилось множество вопросов, касающихся жанровых характеристик биографии: обсуждались особенности автобиографической и мемуарной прозы¹, разновидности биографического романа², специфика факта в литературной и художественной интерпретации³, биографические и художественно-творческие параллели⁴ и др. Но при всем многообразии тем исследований остаются открытыми вопросы жанра, стиля и нарратологии биографии писателя и литературного портрета (этот жанр с особым типом повествования, соединяющий биографическое и автобиографическое начала, осмыслен В.С. Бараховым⁵, М.Г. Уртминцевой⁶ и др.); на периферии филологического исследования находятся вопросы изображения становления творческой личности в художественных биографиях, специфики образа художника в беллетризованных биографиях и т.п.

Жанр писательской биографии переживает сегодня второе рождение. Об этом свидетельствует новый виток читательского, исследовательского и творческого интереса к личности писателя и к литературным портретам уникального биографического и издательского проекта – серии «ЖЗЛ». В этой связи заслуживает серьезного научного внимания опыт А.Н. Варламова, за двенадцать лет создавшего шесть жизнеописаний значительных авторов XX в.: М.М. Пришвина, А.С. Грина, А.Н. Толстого, М.А. Булгакова, А.П. Платонова, В.М. Шукшина.

¹ Головина Т.И. Мемуары как источник культурологического исследования: автореф. дисс. ... канд. культурол. Наук. СПб: Санкт-Петербургская государственная академия культуры, 1998. 21 с.

² Волынская А. Г. Биографический дискурс в русской литературе XIX–XX веков (от реалистического романа к модернистскому): препринт WP20/2013/02. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 56 с.; Снигирева Т.А., Подчиненов А.В. Проект «ЖЗЛ» как опыт национально-культурного мифотворчества // Национальный миф в литературе и культуре: материалы всероссийской научной конференции, 4 – 7 мая 2009 г. Казань: ТГПУ, 2009. С. 76 – 87.

³ Холиков А.А. Биография писателя как теоретико-литературная проблема (на примере жизни и творчества Д.С. Мережковского с 1865 по 1919 год): автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. 22 с.

⁴ Казанцева Г.В. К проблеме «Автор – герой» в биографии писателя («Александр Сергеевич Пушкин» П.А. Плетнева и «Материалы для биографии Пушкина» П.В. Анненкова [Текст] / Г.В. Казанцева // Вестник Военного университета. 2011. № 2 (26). С. 58–64.

⁵ Барахов В.С. Литературный портрет (истоки, поэтика, жанр). Л.: Наука, 1985. 312 с.

⁶ Уртминцева М.Г. Литературный портрет в русской литературе второй половины XIX века: генезис, поэтика, жанр: монография. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2005. 232 с.

Степень научной разработанности проблемы

Специальных крупных научных исследований биографий, созданных А.Н. Варламовым для серии «ЖЗЛ», сегодня нет; существуют отдельные статьи о названных книгах и несколько рецензий. Статьи представляют собой по преимуществу аналитический разбор некоторых особенностей поэтики той или иной книги (А. Рясов¹), рецензии носят характер во многом описательно-нейтральный (П. Басинский², В. Бондаренко³, А. Гришин⁴), иногда агрессивно-наступательный (Н. Боровко⁵). Те же немногочисленные работы, которые ставят вопрос структурной общности нескольких книг А.Н. Варламова о писателях, на наш взгляд, отличаются некоторым схематизмом и лишь намечают вехи системного изучения книг автора (А. Сегень⁶ и др).

Заслуживает внимания монография об А.С. Грине Н. Орищук⁷ (Oryshchuk, 2006), одна из главок «Заключения» которой («Пример современной критической репрезентации: Жизнь замечательных людей») целиком посвящена второй книге-биографии А.Н. Варламова «Александр Грин». Исследователя главным образом интересует вопрос прикрепления автором своего героя к определенному литературному цеху (реалистов или модернистов) и «советские» интонации А.Н. Варламова в рассуждениях о модернистских тенденциях в творчестве А.С. Грина.

¹ Рясов А. Платонов: идеология, язык, бытие. // Новое литературное обозрение. 2002. № 1. С. 325-331.

² Басинский П. Шукшин, принц датский // Российская газета. 2015. № 235. С. 9.

³ Бондаренко В. Незаметный гений незаметно светит и после [Электронный ресурс] // Лики истории и культуры, 08.06.2011. Режим доступа: URL: http://www.library.ru/2/liki/sections.php?a_uid=154 (Дата обращения: 26.11.2019).

⁴ Гришин А. Тайна за семью печатями // Нева. 2011. № 8. С. 194-198.

⁵ Боровко Н. Бедный Платонов [Электронный ресурс] / Николай Боровко // Проза.ру, 10.08.2011. Режим доступа: URL: <http://www.proza.ru/2011/08/10/951> (Дата обращения: 26.11.2019).

⁶ Сегень А. «В них сила, хотя их и мало...». Книги серии «ЖЗЛ» о писателях [Электронный ресурс] // Столетие. – Режим доступа: URL: http://www.stoletie.ru/kultura/v_nih_sila_khota_ih_i_malo_2010-10-13.htm (Дата обращения: 26.11.2019).

⁷ Oryshchuk N. Official Representation of the Works by Alexander Grin in the USSR: Constructing and Consuming Ideological Myths. Canterbury: University of Canterbury, 2006. 298 p.

В целях обстоятельного осмысления методов и принципов, которыми руководствуется автор при написании биографий, помимо самих текстов о писателях мы обращаемся к интервью и беседам с А.Н. Варламовым, в достаточном количестве рассыпанным в пространстве «всемирной паутины» (весьма насыщен в этом плане его разговор с З. Прилепиным «Алексей Варламов. Нашему народу надо просить у Неба не справедливости, а милосердия»¹). В интервью нередко содержится ценная информация об особенностях творческого процесса автора биографий.

На данный момент предметом специальных диссертационных исследований становилось лишь небюграфическая проза А.Н. Варламова. Художественная проза писателя анализируется в работах Ю.А. Счастливецовой², Т.Н. Федоровой³, Т.О. Личмановой⁴, причем последней непосредственно рассмотрению варламовских произведений отдана лишь первая часть работы. Интересующая нас проблематика затронута в диссертациях только номинально.

Таким образом, обращаясь к анализу биографического жанра в творчестве А.Н. Варламова, мы фактически имеем дело с «научной целиной».

Актуальность диссертации определяется в первую очередь необходимостью комплексного аналитического изучения формального и содержательного своеобразия шести биографий писателей XX в., воссозданных А.Н. Варламовым и не только привлечших внимание читателей, но и отмеченных профессиональным сообществом как вершинные явления современной прозы. Доказательством этому служит присуждение писателю второй премии «Большая книга» за биографию «Алексей Толстой» в 2007 г. Отсутствие сколько-нибудь целостного исследования биографических книг

¹ Прилепин З. Алексей Варламов. Нашему народу надо просить у Неба не справедливости, а милосердия. Беседа Захара Прилепина с писателем [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/aleksej-varlamov-.html> (Дата обращения: 26.11.2019).

² Счастливецова Ю.А. Проза Алексея Варламова 1980–1990-х гг.: жанрово-стилевое своеобразие: дис. кандидата филол. наук. Магнитогорск, 2007. 184 с.

³ Федорова Т.А. Поэтика прозы Алексея Варламова: автореф. дис. канд. филол. наук. Астрахань, 2012. 17 с.

⁴ Личманова Т.О. Художественная концепция личности в прозе А.Н. Варламова, М.П. Шишкина, О.О. Павлова: дис. ... канд. филол. наук. Армавир, 2016. 175 с.

А.Н. Варламова обуславливает **новизну** нашей работы. В связи со всем вышесказанным можно констатировать, что многие аспекты, касающиеся поставленных проблем, ждут своего уточнения, систематизации. В работе впервые исследуется биографическая проза А.Н. Варламова, и производится попытка целостного литературоведческого анализа основных черт поэтики рассматриваемых книг.

Основным **материалом** работы стали шесть книг А.Н. Варламова о писателях: «Пришвин», «Александр Грин», «Алексей Толстой», «Михаил Булгаков», «Андрей Платонов», «Шукшин» – написанные им для серии «ЖЗЛ».

Объектом исследования являются жанровые особенности упомянутых биографических книг А.Н. Варламова.

Предмет исследования составила жанрово-стилистическая и нарративная специфика названных произведений.

Цель диссертации – исследовать жанровые, стилистические, структурные и нарративные особенностей указанных книг.

Цель конкретизируется в следующих **задачах**:

– уточнить некоторые терминологические и функциональные аспекты биографического жанра внутри издательского проекта «ЖЗЛ»;

– определить специфику авторского стиля и творческого метода А.Н. Варламова, представив обозначенные книги о писателях в их генетических и контекстуальных связях;

– проанализировать структурно-композиционные особенности журнальной и книжной редакций книги «Пришвин» в целях более четкого понимания характера исследовательского подхода А.Н. Варламова к воссозданию биографии писателя, включающего жесткую объективность точки зрения и приближение к абсолютной фактуальности;

– рассмотреть структуру повествования об А.С. Грине под углом проблематики «автор – герой», что позволит увидеть в действии нарративный метод совмещения описаний жизненного и творческого пути как целого,

обуславливающий различные способы интерпретации цитатного пространства книги;

- охарактеризовать функции паратекста (в широком смысле) в книге «Алексей Толстой» как связующего элемента произведения;

- обозначить концептуальные и мотивные грани книги «Михаил Булгаков», имеющие решающее значение для раскрытия образа писателя – героя биографии;

- дать объективную оценку критическим работам и рецензиям, посвященным книге «Андрей Платонов»;

- выявить ключевые критерии внутренней связи в книгах А.Н. Варламова о писателях на материале книги «Шукшин».

На защиту выносятся следующие положения:

1. Творчество А.Н. Варламова – создателя биографий писателей характеризуют следующие черты:

- 1) строгая фактографичность, скрупулезное исследование документального материала;

- 2) включение документального материала в текст произведения, подчиненное принципу сопоставления;

- 3) прямое хронологическое повествование;

- 4) наличие мотивно-тематического ядра, скрепляющего факты биографии;

- 5) воспроизведение портрета писателя на фоне эпохи, в окружении друзей, антагонистов, свидетелей событий, обеспечивающее представление о социальной и культурной детерминированности творчества;

- 6) наследование традициям русских реалистических биографических романов, сочетающееся с поиском собственной писательской стратегии.

2. Доработка книги «Пришвин» была направлена на усиление масштабности повествования, прояснение логической структуры книги и корректировку позиции автора. Это проявилось в добавлении в произведение третьей части, разделении крупных глав на более мелкие и тематически

завершенные; изменении порядка некоторых глав и фрагментов текста внутри них.

3. Метод анализа творчества А.С. Грина предоставляет возможность А.Н. Варламову (субъекту-реконструктору) организовать композицию биографии так, чтобы представить биографические события и факты творчества как неделимое целое. С этой целью нарративная стратегия книги построена на многообразном соотнесении «чужих голосов» с обязательным обозначением, «индикацией», каждого из них.

4. Главной функцией паратекста (исходное заглавие, названия глав, подписи к фотографиям и т.п.) в биографиях А.Н. Варламова является создание дополнительных структурных связей, экспликация значимых мотивов произведения. Анализ книги «Алексей Толстой» позволяет говорить, что заложенный в паратексте потенциал раскрывается на всем протяжении произведения.

5. Важным аспектом характеристики героев-писателей для А.Н. Варламова является их отношение к религии и церкви. Проблема веры и безверия неразделимы у А.Н. Варламова с мотивами судьбы и случая. Наиболее ярко эта связь реализуется в книге «Михаил Булгаков», в которой особое значение приобретает созданная биографом концепция «кода судьбы», связующая воедино мотивы тяготевшего над писателем рока и его вероотступничества.

6. Книга «Андрей Платонов» представляет собой своеобразный отход А.Н. Варламова от стремления рассмотреть личность и творчество писателя на максимально широком культурном фоне. Однако, будучи первым жизнеописанием А.П. Платонова, она является одним из актуальных источников постижения связей между жизнью и творчеством великого писателя XX в.

7. Последняя из написанных на сегодняшний день биографий А.Н. Варламова «Шукшин» позволяет четче увидеть внутренние связи пяти

книг, предваряющих ее, так как эксплицирует многие мотивы предыдущих произведения и содержит коллизии, представленные ранее.

Методологической основой работы являются литературоведческие и общенаучные методы исследования: биографический, структурный, культурно-исторический, хронологический, системно-аналитический, сравнительно-исторический, интерпретационный, компаративный, метод интертекстуального анализа.

Работа основана на трудах Б.В. Томашевского, Ю.М. Лотмана, И.Я. Лосиевского, Н.А. Рыбникова, Г.О. Винокура, А.А. Холикова, М.М. Бахтина, Л.Я. Гинзбург, Ю.Н. Тынянова, Д.С. Лихачева, посвященных биографическому жанру, жанровой специфике романа, литературному герою, а также общетеоретическим вопросам литературоведения.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения творчества А.Н. Варламова - биографа в формате фундаментальных исследований и стать основой для подготовки специальных учебных курсов по истории русской литературы.

Апробация материалов исследования осуществлена в процессе подготовки к изданию научных статей, три из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК. Важнейшие гипотезы и положения диссертации были изложены в виде докладов на научных конференциях: «Русская словесность в мировом культурном контексте» (Москва, 2016 г.), «Революционные биографии в XIX и XX столетии. Имперские – интер/национальные – деколониальные» (Москва, 2017 г.), «Особенности биографического метода писателя А.Н. Варламова» (Москва, 2017 г.), «Биография и автобиография в культуре Серебряного века» (Москва, 2018 г.), «Синтез документального и художественного в литературе и искусстве» (Казань, 2018 г.), «Проблемы развития современной прозы: национальные традиции и межлитературные связи» (Москва, 2018 г.), «Предел допустимого:

развитие темы «писатель и власть» в литературных биографиях Алексея Варламова» (Москва, 2019 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА I. ГЕНЕЗИС И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ КНИГ СЕРИИ «ЖЗЛ» А.Н. ВАРЛАМОВА

1.1. Особенности реализации жанра писательской биографии в издательском проекте «ЖЗЛ»

Прежде чем приступить к рассмотрению предмета данной главы, следует очертить терминологические границы нашего понимания биографического жанра как такового. Для этого обратимся к теоретическим вопросам его определения и наиболее значимым трудам, в центре внимания которых находится данный жанр.

Научный интерес к биографиям во всём их многообразии традиционен в России и мире с давних времен. Учеными, специализирующимися в разных областях знания и культурных практик, реализуются концептуальные подходы и взгляды на биографию индивида в ее междисциплинарном осмыслении. Дискурс тех или иных сфер науки предлагает свои способы интерпретаций биографических текстов и свой инструментарий для подхода к ним. По верному замечанию И.Я. Лосиевского, «Научное творчество биографа имеет междисциплинарный характер, но в зависимости от того, кто становится его героем, методологическое значение одной или нескольких дисциплин может возрастать»¹. Помимо ученых, имена которых указаны нами в предыдущей части работы, жанр биографии исследовали историки А.М. Нейман², В.И. Красноперов³, социологи Ю.М. Беспалова⁴, Н.Н. Козлова⁵, культурологи Т.И. Головина⁶, С.Н. Иконникова⁷, литературоведы М.М.

¹ Лосиевский И.Я. Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. Харьков: Крок, 1998. 424 с.

² Нейман А.М. Биография в истории экономической мысли и опыт интеллектуальной биографии Дж.М. Кейнса // Диалог со временем. 2002. №8. С. 330–368.

³ Красноперов В.И. Историческая наука и исторический портрет. Пермь: Слово, 1986. С. 6.

⁴ Беспалова Ю.М. Западносибирские предприниматели второй половины XIX – начала XX вв.: имена биографии, судьбы (качественные исследования в социологии культуры). Тюмень: ТюмГУ, 2002. 154 с.

⁵ Козлова Н.Н. Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования. 2004. № 1. С.14–26.

⁶ Головина Т.И. Мемуары как источник культурологического исследования: автореф. дисс. ... канд. культурол. Наук. СПб: Санкт-Петербургская государственная академия культуры, 1998. 21 с.

⁷ Иконникова С.Н. История культурологических теорий. СПб: Питер, 2005. 474 с.

Бахтин¹, И.Я. Лосиевский², Л.Я. Гинзбург³, Ю.М. Лотман⁴, И.Н. Розанов⁵, Н.М. Малыгина⁶ и др. Большую работу по уточнению феномена биографии проделали современные представители научного сообщества В.Б. Голофаст⁷, А.А. Холиков⁸, Е.А. Иванова⁹, А.Г. Волынская¹⁰, А.Ф. Подчиненов, Т.А. Снигирева¹¹ и др.

Не ставя себе задачи подробного теоретического осмысления жанровых черт биографии, тем более что ее «жанровая история <...> насчитывает несколько тысячелетий»¹², а ее осмыслению посвящено немалое количество трудов, мы ограничимся в этом плане представлением только той дефиниции биографии, на которой базируются наши дальнейшие постулаты.

Нам наиболее близок междисциплинарный подход к определению жанра известного социолога Валерия Голофаста, репрезентирующего биографическое пространство в виде треугольника. В его вершину он помещает автобиографии и «так называемые личные документы» (дневники, мемуары, письма, различного рода альбомы, и т.п., включая всевозможные «технические формы»: видео-, фото-, магнитофонные записи). Этот пласт биографий исследователь обозначает, как сформированные самим человеком

¹ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений в 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов / М.М. Бахтин. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. С. 69–264.

² Лосиевский И.Я. Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии Харьков: Крок, 1998. 424 с.

³ Гинзбург Л. О психологической прозе. О литературном герое СПб.: Азбука, 2016. 704 с.

⁴ Лотман Ю.М. Биография живое лицо // Новый мир. М., 1985. №2. С. 228–236; Лотман Ю.М.

Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1986. Вып. 683. С. 106–121.

⁵ Розанов И.Н. Литературные репутации. М.: Советский писатель, 1990. 485 с.

⁶ Малыгина Н.М. Андрей Платонов и литературная Москва. М; СПб: Нестор – История, 2018. 592 с.

⁷ Голофаст В.Б. Концепции индивида и пространство биографий // Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. Чтения памяти Вениамина Иофе. СПб.: Норд-Вест 2003. С. 5–17.

⁸ Холиков А.А. Биография писателя как жанр: учебное пособие. М.: Либроком, 2010. 96 с.; Холиков А.А. Биография писателя как теоретико-литературная проблема (на примере жизни и творчества Д.С. Мережковского с 1865 по 1919 год): автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. 22 с.

⁹ Иванова Е.А. Теоретические основы и актуальные проблемы жанра биографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2012. № 3. С. 43–49.

¹⁰ Волынская А. Г. Биографический дискурс в русской литературе XIX–XX веков (от реалистического романа к модернистскому): препринт WP20/2013/02. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 56 с.

¹¹ Подчиненов А.В., Снигирева Т.А. Литературная биография: Документ и способы его включения в текст // Филология и культура. 2012. №4 (30). С. 152–155.

¹² Галич А.А. Современная художественная документально-биографическая проза. Проблемы развития жанров: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Донецк: Донецкий государственный университет, 1984. С. 11.

в ответ на внимание к его жизни со стороны других людей – ученых, составителей сборников и др. В качестве второго угла треугольника В. Голофаст называет «биографические интервью», появившиеся в процессе перехода от закрытых типов опроса к открытым, т.е. поднимающим тематику, ранее считавшуюся непубличной; знаменующие поворот к такой нарративной практике, которая активизируется заинтересованным лицом и сосредоточивается на особых исторических моментах, страницах биографии или на жизненном пути в целом. Наконец, третий угол треугольника – это воссозданные биографии, т.е. написанные профессионалами или непрофессионалами при использовании материалов, полученных из первых двух источников – «углов треугольника». Среди них могут быть выделены коммерческие, литературные, официальные, исторические биографии, некрологи, статьи энциклопедий и т.п.¹

Мы относим жанр биографии к «автономным жанрам»², представляющим историю жизни индивида с точки зрения третьего лица, при этом в тексте объективируются жизненные вехи известных людей. В центре внимания настоящего исследования находится жанр литературной биографии, в частности, биографии писателя.

Говоря о способах и перспективах трактовки сущности писательской биографии, исследователь А.А. Холиков утверждает невозможность дать какую-то точную и завершённую ее дефиницию. Он предлагает следующую формулировку: биография писателя – «один из способов познания и реконструкции творческой личности в ее становлении и развитии»³.

Литературная биография формируется в XIX в. и полагается на методы и достижения «биографической школы», господствовавшей в этот период.

¹ Голофаст В.Б. Концепции индивида и пространство биографий // Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. Чтения памяти Вениамина Иофе. СПб.: Норд-Вест 2003. С. 5–17.

² Волынская А. Г. Биографический дискурс в русской литературе XIX–XX веков (от реалистического романа к модернистскому): препринт WP20/2013/02. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С/ 51.

³ Холиков А.А. Биография писателя как теоретико-литературная проблема (на примере жизни и творчества Д.С. Мережковского с 1865 по 1919 год): автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. С. 7.

Убеждение, что историческая личность литератора выступает доминантой относительно его произведений, подталкивало исследователей к предположениям, что сквозь призму исторического описания жизни художника брезжит разгадка тайны его творений.

Жанровые черты литературной (писательской) биографии нередко выделяют в ряде монографических изысканий академического советского литературоведения и рассматривают структуру научного исследования как возникающую на базе событийной хронологии с постоянным обращением к жизненным фактам. Попытка трансформации принципов биографического литературоведения предпринималась в 1920-е гг. Н. Пиксановым, предложившим концепцию «творческой истории», заключающуюся в замене «истории жизни» писателя на более точно отвечающую специфике литературоведческого анализа «историю написания им своего произведения» (так называемое генетическое литературоведение)¹. В целом, можно считать такой аналитический метод своего рода книговедением, обращенным к решению теоретических задач в изучении литературы и применяемым, например, при подготовке к выходу в свет полного собрания сочинений или летописи жизни и творчества писателя. Подобно сравнительно-историческому, метод литературных биографий используется в академических институтах при составлении библиографий писателей, в последнее время с применением специальных компьютерных программ (например, библиография А.С. Пушкина в ИРЛИ РАН – плод коллективной работы научных сотрудников Пушкинской группы и компьютерной фирмы «Альт-Софт»).

Среди примеров литературных биографий в чистом виде можно назвать летописи жизни и творчества писателей (в частности, весьма успешные – А.С.

¹ Пиксанов Н.К. Творческая история «Горя от ума». 2-е изд. М.: Просвещение, 1971. С. 23.

Пушкина¹, Ф.М. Достоевского², Л.Н. Толстого³, а также книги знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» (например, о Ф.М. Достоевском⁴). По мысли А.В. Подчиненова и Т.А. Снигиревой, последняя наиболее показательно свидетельствуют о жанровых и репрезентативных модификациях литературной биографии в России, в том числе об особенностях ее документальной основы (т.е. раскрывает целеполагание биографа, специфику взаимодействия автора и героя, авторскую жанровую стратегию)⁵.

Биографическая серия «Жизнь замечательных людей», учреждённая в 1890 г. Флорентием Павленковым, пережившая вынужденное затишье в революционный период начала XX столетия (с 1915 до 1924 г. осуществлялись лишь переиздания книг) и возобновленная в 1933 г. Максимом Горьким, сегодня представляет собой единственную российскую книжную серию, существующую более века. По словам Валентина Юркина, возглавляющего выпускающее эти книги издательство «Молодая гвардия», такая жизнеспособность серии и не ослабевающая популярность книг в читательской среде обусловлена, прежде всего, многочисленностью и значительностью фамилий, выгравированных на корешках томов «ЖЗЛ». Это фамилии ученых, трудившихся в самых разнообразных отраслях науки – от точных до гуманитарных, философов всех течений – от схоластики до постструктурализма, знаменитых политиков разных времен, стран и убеждений – от крайних монархистов до теоретиков и практиков анархических идей, отечественных и зарубежных писателей и поэтов любого литературного направления – от классицизма до постмодерна. Российскую и

¹ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: В 4 т. / Сост.: М.А. Цявловский, Н.А. Тархова. М.: СЛОВО/SLOVO, 1999. 660 с.

² Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: 1821–1881: В 3 т. / Сост. Якубович И.Д., Орнатская Т.И. СПб: Академический проект, 1993. 563 с.

³ Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. В двух книгах. 1828–1890. М.: Гослитиздат, 1958. 1600 с.

⁴ Гроссман Л. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1962. 543 с.; Селезнев Ю.И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1981. 543 с.

⁵ Подчиненов А.В., Снигирева Т.А. Литературная биография: Документ и способы его включения в текст // Филология и культура. 2012. №4 (30). С. 152.

мировую историю, науку, культуру и литературу невозможно представить себе без Александра Суворова, Наполеона, Шарля де Голля, Алексея Лосева, Сергея Рахманинова, Александра Пушкина, Николая Гоголя, Людвиг Бетховена, Мигеля Сервантеса. Читая и изучая эти книги, можно последовательно воссоздать историю и культуру человечества последних пяти тысяч лет – от китайских и античных философов, египетских фараонов до наших современников. В процессе своего жизненного пути серия модифицировалась и преобразовывалась, эволюционируя «от скромных павленковских брошюр до тысячестраничных томов, вбирающих весь современный литературный, научный опыт этого старейшего жанра»¹.

Появление данного книжного феномена именно в России обуславливает численный перевес биографий отечественных замечательных людей – героев серии над иностранными. Но, как заметил Валентин Юркин, на соответствующем моменту этапе на карте мира невозможно отыскать страны, известные и прославленные представители которых не возникли бы в качестве центральных персонажей на страницах «ЖЗЛ».

Широкая востребованность книг «ЖЗЛ» во многом определяется и тем, что в число их авторов входят выдающиеся деятели науки и искусства настоящего, привнесшие в серию элементы увлекательности и «живой страсти»², характерные для литературы non-fiction, вызывающей сильнейший интерес современного российского читателя. К пополнению серии активно привлекаются известные писатели и исследователи Дмитрий Быков, Захар Прилепин, Павел Басинский, Людмила Сараскина, Валерий Попов.

В то же время неизменно вызывают живое внимание аудитории классики – авторы «ЖЗЛ»: Михаил Булгаков, Юрий Лотман, Владимир Обручев, Рита Райт-Ковалева, Константин Паустовский. Валентин Юркин подчеркивает, что какой бы то ни было системности или преференциальности

¹ Юркин В. Интеллектуальный феномен [о серии «Жизнь замечательных людей»] // Студенческий меридиан. 2005. № 2. С. 70–73.

² Там же. С. 71.

при отборе персоналий для биографических описаний в серии не существует, как нет и очередности или упорядоченности в выпуске книг. Например, тома об участниках «белого движения» могут соседствовать с томами о Несторе Махно, Льве Троцком, Иосифе Сталине. При этом нельзя говорить о сумбурности или спорадичности выбора имен, этот выбор приобретает весьма значимые общественные функции. Такая близость порой диаметрально противоположных по многим чертам персонажей способствует разностороннему восприятию читателем мировой культуры, истории и науки, разноплановости интеллектуального и духовного развития общества. Таким образом, значение слова «замечательный», применяемого в качестве определения для героя книги, по мысли главного издателя «Молодой гвардии», совпадает с определением лексемы в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля: «Замечательный, стоящий замечания, внимания, примечательный, необычайный или удивительный»¹. В зависимости от исторического, культурного или лексического контекста она может приобретать положительные или отрицательные коннотативные свойства.

Писатель и кинодраматург Александр Сегень в статье, посвященной книгам серии «ЖЗЛ» о писателях, отмечает, что они «выходят, пожалуй, чаще, чем о ком-либо ещё»². Показательно в этом смысле, что в год учреждения серии, 1890-й, вышло две книги: об основателе ордена иезуитов Игнасио Лойоле³ и о выдающемся писателе-романтике Викторе Гюго⁴.

А.В. Подчиненов и Т.А. Снигирева выделяют в каждом временном отрезке существования «ЖЗЛ» свой доминирующий жанровый тип литературной (писательской) биографии в зависимости от авторской

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 кн. Кн. 1. М.: Дрофа, 2011. С. 203.

² Сегень А. «В них сила, хотя их и мало...». Книги серии «ЖЗЛ» о писателях [Электронный ресурс] // Столетие. – Режим доступа: URL: http://www.stoletie.ru/kultura/v_nih_sila_khota_ih_i_malo_2010-10-13.htm (Дата обращения: 26.11.2019).

³ Быков А.А. И. Лойола: Его жизнь и общественная деятельность. СПб: типография товарищества «Общественная Польза», 1890. 106 с.

⁴ Паевская А.Н. Виктор Гюго: Его жизнь и литературная деятельность СПб: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1890. 96 с.

стратегии, при этом различные формальные признаки этих биографий могут присутствовать на любом этапе функционирования серии¹.

1. «Жизнеописание», тип, предполагающий крайнюю степень объективности автора по отношению к герою («Жизнеописание Михаила Булгакова» М. Чудаковой² или «Александр Твардовский. Труды и дни» Р. Романовой³ – примеры А.В. Подчиненова и Т.А. Снигиревой).

2. «Жизнь и творчество», гармонизирующий вариант экспликации жизненных и творческих, бытовых и бытийных взаимосвязей писательской судьбы (книги «ЖЗЛ» о Ф. М. Достоевском⁴).

4. «Литературная монография, выходящая под видом литературной биографии», представляет собой жанровую подмену биографии очередным литературоведческим исследованием («Мандельштам» О. Лекманова⁵, «Анна Ахматова» С. Коваленко⁶).

5. «Литературоведческий роман», в основе которого задача воссоздания и изучения «биографии души» путем использования сюжетных и композиционных романских приемов и средств литературоведческого анализа. Примыкает к «роману-дешифровке» В. Ходасевича⁷ и «роману-реконструкции» Ю. Лотмана⁸ (книги А. Варламова, П. Басинского, Д. Быкова, З. Прилепина, С. Пинаева, вышедшие в издательстве «Молодая гвардия»)⁹.

¹ Подчиненов А.В., Снигирева Т.А. Литературная биография: Документ и способы его включения в текст // Филология и культура. 2012. №4 (30). С. 152-153.

² Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова М.: Книга, 1988. 672 с.

³ Романова Р.М. Александр Твардовский: труды и дни. М.: Водолей Publishers, 2006. 764 с.

⁴ Гроссман Л. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1962. 543 с.; Селезнев Ю.И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1981. 543 с.; Сараскина Л.И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011. 824 с.

⁵ Лекманов О.А. Осип Мандельштам. М.: Молодая гвардия, 2004. 255 с.

⁶ Коваленко С.А. Анна Ахматова. М.: Молодая гвардия, 2009. 344 с.

⁷ Ходасевич. В.Ф. Державин. М.: Книга, 1988. 385 с.

⁸ Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л.: Просвещение, 1983. 274 с.

⁹ Варламов А.Н. Алексей Толстой. М.: Молодая гвардия, 2006. 591 с.; Варламов А.Н. Александр Грин. М.: Молодая гвардия, 2008. 591 с.; Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. 840 с.; Варламов А.Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2008. 548 с.; Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. 546 с.; Варламов А.Н. Шукшин. М.: Молодая гвардия, 2015. 400 с.; Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. 546 с.; Басинский П. Горький [Текст] / П. Басинский. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 464 с.; Быков Д.Л. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2011. 896 с.; Прилепин З. Леонид Леонов. М.: Молодая гвардия, 2010. 569 с.; Пинаев С. Максимилиан Волошин. М.: Молодая гвардия, 2005. 672 с.

б. «Биографический литературный роман», в котором «чужая литературная биография ... становится автометафорой»¹; ключ к нему – в самоидентификации автора через героя и художественное пространство («Жизнь господина де Мольера» М.А. Булгакова²).

Дополним данную классификацию собственным комплексным аналитическим комментарием.

Конец XIX в. ознаменовался небывалым подъемом в книгоиздании, особым разнообразием отличались всевозможные книжные серии: «Библиотека знаменитых писателей», «Народная библиотека», «Путешествия» и др. Однако цикл «Жизнь замечательных людей» сразу после своего появления занял достойное место среди этого множества и быстро приобрел своих искренних сторонников. Хрестоматийными для любителей серии стали слова о ней выдающегося русского книговеда, библиографа и издателя Николая Рубакина: «Ни одно из Павленковских дел, по моим наблюдениям, не может сравниться с тем огромным влиянием, которое оказывало на русских читателей всех слоев, классов, рангов изданная Павленковым и почти законченная (если ее только можно закончить) «Биографическая библиотека», или «Жизнь замечательных людей»³. Николай Рубакин, как увидим далее, оказался провидцем в отношении судьбы «ЖЗЛ».

Статистический анализ процентного соотношения книг серии «ЖЗЛ» мог бы показать, что писательские биографии занимают весьма существенную часть от общего числа выпущенных томов. Например, издательством Ф.Ф. Павленкова в 1902 г. было опубликовано семь книг, из которых три посвящены литераторам, а выпуск 1903 г. состоял лишь из двух книг, и обе – о писателях⁴. Подобная тенденция сохранилась и позднее: порядка 30 – 40 %

¹ Подчиненов А.В., Снигирева Т.А. Литературная биография: Документ и способы его включения в текст // Филология и культура. 2012. №4 (30). С. 153.

² Булгаков М.А. Жизнь господина де Мольера. М.: Молодая гвардия, 1980. 175 с.

³ Юркин В. Интеллектуальный феномен [о серии «Жизнь замечательных людей»] // Студенческий меридиан. 2005. № 2. С. 72.

⁴ Анненская А.Н. Н.В. Гоголь: Его жизнь и литературная деятельность. СПб: тип. Ю.Н. Эрлих, 1903. 79 с.; Вейнберг П.И. Генрих Гейне: Его жизнь и литературная деятельность. СПб: типография Ю.Н. Эрлих, 1903. 112 с.

ежегодного книжного тиража «ЖЗЛ» отдавалось под биографии авторов художественных произведений. Дореволюционные книги выпускались огромными тиражами, были небольшими по объему и стоили очень дешево. Общий тираж этих изданий насчитывает около полутора миллионов экземпляров, при этом, например, книга о М.Ю. Лермонтове А.М. Скабичевского¹, вышедшая в 1891 г., стоила всего двадцать пять копеек, то есть была доступна практически всем. Жанровое своеобразие этой книги определяется как «биографический очерк», потому она не так велика по объему, как сегодняшние издания (например, без малого девятисотстраничная книга «Пастернак» Д.Л. Быкова). Биография снабжена гравированным портретом и многочисленными рисунками, иллюстрирующими жизненный и творческий путь поэта. Вообще, и эта, и другие книги серии, вышедшие в XIX в., обеспечивались разного рода пояснительным материалом, портреты замечательных людей появлялись в оттисках лейпцигского мастера гравера И. Гедана. Еще раз подчеркнем, что внимание авторов биографической библиотеки Ф.Ф. Павленкова фокусировалось при этом только на жизнеописании героя: в этом главное отличие принципов изображения персонажа в этот период от последующих, освещающих «жизнь и творчество» (см. ниже).

Надо заметить, что в «павленковское» время авторами писательских биографий чаще были также писатели, тогда хорошо знакомые широкому кругу читателей, а сегодня, по всей вероятности, известные в основном специалистам. Среди создателей этих произведений детская писательница, супруга знаменитого поэта И.Ф. Анненского, А.Н. Анненская: из-под ее пера вышли очерки о Н.В. Гоголе, Чарльзе Диккенсе, Франсуа Рабле, Жорж Санд, Оноре Бальзаке; поэтесса Н.В. Ватсон, написавшая биографии Данте, Фридриха Шиллера; поэт П.Ф. Якубович с очерком о Н.А. Некрасове; писатель Е.А. Соловьев – автор книг об И.С. Тургеневе и Ф.М. Достоевском.

¹ Скабичевский А.М. М.Ю. Лермонтов: Его жизнь и литературная деятельность. СПб: тип. газ. «Новости», 1891. 100 с.

Выпуск новых книг серии прекращался в 1911, 1916, 1918–1922 и 1923 гг. Последний переизданный том, посвященный А.С. Пушкину, появился в 1924 г. По окончании Гражданской войны предпринималось несколько попыток реанимировать публикацию «ЖЗЛ», но только к первой половине 1930-х гг. Советский Союз нарастил достаточно высокий исследовательский и издательский потенциал для возобновления выхода книг в «Журнально-газетном объединении» по инициативе М. Горького. Максим Горький еще в 1916 г. пытался отрегулировать выпуск этой биографической библиотеки, разработав план, включающий более 300 наименований книг, беседуя и переписываясь с видными отечественными и зарубежными мыслителями как потенциальными авторами текстов серии. Прорывным стал 1933 г., когда великий пролетарский писатель предложил идею издания «ЖЗЛ» генеральному секретарю ЦК ВЛКСМ Александру Косареву. Выход первых новых произведений относится к 1933 г.: «Генрих Гейне» А.И. Дейча, «Наполеон» академика Е.В. Тарле, «Марко Поло» В.Б. Шкловского и т. д. После выхода книг под условными номерами 127–128 в 1938 г. и до сегодняшнего дня подготовка и печать биографий «ЖЗЛ» производится издательством «Молодая гвардия». В этой связи важно подчеркнуть, что сотрудники издательства «Молодая гвардия» с самого начала старались не поддаваться никакому политическому давлению, поэтому вне зависимости от исторической ситуации авторы «ЖЗЛ» писали о людях, придерживавшихся различных политических взглядов. Сама серия остается уникальной в своем роде и близкой различным читательским группам. С другой стороны, существует вполне оправданное мнение о том, что биографический жанр в любом случае подвержен влиянию политической конъюнктуры¹. Так, в советский период огромная доля издательской продукции отдается авторам биографий революционеров, ученых-бунтарей и т.п. (А.К. Воронский

¹ Борисов Н.С. Отечественная традиция исторической биографии // Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г / Под ред. Д. Ю. Арапов, Н. С. Борисов, Л. Н. Вдовина и др. Т. 4. Москва, 2015. С. 153–162.

«Желябов», Ц. Фридлянд «Дантон», З. Цейтлин «Галилей», К.Л. Баев «Коперник»).

«Горьковская» веха в развитии серии знаменуется жанровым поворотом от исключительно биографических описаний к характеристикам «жизни и творчества» писателей. Ее хронологические рамки исследователи предлагают определять 1930–1980 гг.¹ В 1930-е гг. авторами писательских биографий в основном являются литераторы и литературные критики (а также политические деятели), акцент при выборе литературных персоналий ставится на особенности гражданской позиции кандидата. Так, для этого периода типичны издания, посвященные писателям сатирического и социально-критического направления: А.Н. Радищеву², Н.Г. Чернышевскому³, М.Е. Салтыкову-Щедрину⁴, Дж. Свифту⁵, Мольеру⁶ и др. В то же время продолжается выпуск книг о классиках русской и зарубежной литературы А.С. Пушкине⁷, М.Ю. Лермонтове⁸, Н.В. Гоголе⁹ (не вышла, основная часть тиража уничтожена), А.П. Чехове¹⁰, а также о Ж. Санд¹¹, Оноре Бальзаке¹², Байроне¹³, Марке Твене¹⁴ и др.

Специфичным способом подачи модифицированного документального материала в книгах о писателях, начиная с XIX в. (как уже указывалось), наряду с вербальным, становится визуальный, причем последний всегда обязателен в русле «жизни и творчества». При поиске деталей этого

¹ Подчиненов А.В., Снигирева Т.А. Литературная биография: Документ и способы его включения в текст // Филология и культура. 2012. №4 (30). С. 153.

² Жижка М.В. Радищев. М.: Молодая гвардия, 1934. 204 с.

³ Каменев Л.Б. Чернышевский. М.: Журнально-газетное объединение, 1933. 193 с.

⁴ Эльсберг Я.Е. Салтыков-Щедрин. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. 203 с.

⁵ Дейч А.И., Зозуля Е.Д. Свифт. М.: Журнально-газетное объединение, 1933. 166 с.

⁶ Мокульский С.С. Мольер. М.: Журнально-газетное объединение, 1936. 366 с.

⁷ Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. М.: Журнально-газетные объединения, 1936. 398 с.; Гроссман Л.П. Пушкин. М.: Молодая гвардия, 1939. 648 с.

⁸ Иванов С.В. Лермонтов. М.: Молодая гвардия, 1938. 344 с.

⁹ Воронский А.К. Гоголь. М.: Молодая гвардия, 1934. 416 с.

¹⁰ Соболев Ю.В. Чехов. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. 336 с.

¹¹ Венкстерн Н.А. Жорж Санд. М.: Журнально-газетное объединение, 1933. 136 с.

¹² Сухотин П.С. Бальзак. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. 368 с.

¹³ Виноградов А.К. Байрон. М.: Журнально-газетное объединение, 1936. 302 с.

¹⁴ Мендельсон М.О. Марк Твен. М.: Журнально-газетное объединение, 1939. 272 с.

компонента естественен учет авторской сверхзадачи и стратегии¹, а также следование законам жанровых тенденций. Так, например, книга Михаила Жижки об Александре Радищеве² изобилует разного рода гравюрами, иллюстрирующими знаменательные моменты жизни писателя, в частности период его пребывания за границей – обучения в Лейпцигском университете, портретами философов и литераторов разных времен (Гельвеция, Ж.-Ж. Руссо, и др.), влиявших не только на Радищева, но и на многих нетривиально мыслящих людей Российской империи. С 1930-х гг. тексты писательских биографий серии «ЖЗЛ» получают в целом все формальные композиционные характеристики, которые присущи им и сегодня. Так, в рассматриваемой книге («Радищев») присутствует обязательный для всех последующих жизнеописаний авторов художественной литературы, и не только их, библиографический компонент, содержащий основную часть так или иначе использованных автором печатных трудов; список произведений писателя (встречается реже); именной указатель, включающий весь спектр имен знаменитых исторических лиц, политических деятелей, людей искусства, имевших отношение к герою (также не стабильное звено). В хрестоматийной для исследователей биографической библиотеки «ЖЗЛ» монографии публициста и книговеда Г.Е. Померанцевой «Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии»³ в подробностях прослеживаются стадии трансформации серии во времени, в том числе и структурное видоизменение книг.

Во время Великой Отечественной войны выпуск жизнеописаний выдающихся людей продолжался: в 1943–1944 гг. вышло 14 биографических повествований под грифом «Великие люди русского народа», в 1944–1945 гг. – также 14 книг с общим наименованием «Великие русские люди». Среди этих биографий 9 посвящено писателям и публицистам: А.С. Пушкину, В.В.

¹ Подчиненов А.В., Снигирева Т.А. Литературная биография: Документ и способы его включения в текст // Филология и культура. 2012. №4 (30). С. 152.

² Жижка М.В. Радищев. М.: Молодая гвардия, 1934. 204 с.

³ Померанцева Г.Е. Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощение серии. М.: Книга, 1987. 335 с.

Маяковскому, А.Н. Радищеву, К.Д. Ушинскому, Л.Н. Толстому, М.Ю. Лермонтову, В.Г. Белинскому, Н.В. Гоголю, И.А. Крылову. Отличительной чертой этих книг стало возвращение к малому (до сотни и чуть более страниц) объему и формату, что обуславливается, по всей вероятности, невозможностью выпуска полноценных многостраничных экземпляров в суровые военные годы. Некоторые из этих биографий были объединены впоследствии в сборник «Великие русские люди», вышедший в 1984 г., а также выпускались после войны в других издательствах в переработанном и дополненном виде¹.

Серия «ЖЗЛ» вновь занимает значимое место в культурной жизни в 1960–1970-е гг. Если в момент своего очередного расцвета в первое двадцатилетие после возобновления в 1933 г. в серии ежегодно выходило 3–5 новых книг, то в эпоху «оттепели» и «застоя» эта цифра постепенно достигла 55 томов в год. Хотя сегодня это может считаться спорным, на наш взгляд, предложение написать биографию того или иного замечательного человека для любого автора является признанием его профессионализма. С нашей точки зрения, три основных принципа, которыми мог руководствоваться биограф, приступая к созданию книги для «ЖЗЛ»: научная точность, значительный литературный уровень и увлекательность. В сочетании исследовательского и писательского подходов к подготовке биографий содержится главный критерий при поиске автора очередного текста. В это время к совместной работе с издательством «Молодая гвардия» активнее стали привлекаться зарубежные авторы, в первую очередь для подготовки писательских биографий. Так, книгу о Шандоре Петёфи (1949 г.) написал известный венгерский поэт и прозаик Антал Гидаш, в серии «ЖЗЛ» была опубликована биография Мигеля Сервантеса немецкого писателя Бруно Франка (1956 г.), книга об американском писателе-аболиционисте Фредерике Дугласе принадлежала перу его соотечественницы – писателя Грэхем Шерли (1959 г.);

¹ Например, Гудзий Н.К. Лев Толстой: критико-биографический очерк. М.: Художественная литература, 1960. 215 с.

появляются «Джек Лондон» Ирвинга Стоуна (1960 г.), «Бальзак» Стефана Цвейга (1961 г.), «Три Дюма» Андре Моруа (1962 г.), «Кастро Алвес» Жоржи Амаду (1963 г.), «Гёте» Эмиля Людвига (1965 г.) и многие другие. Нужно, однако, уточнить, что некоторые из названных книг были опубликованы «Молодой гвардией» уже после смерти их авторов (произведения Стефана Цвейга, Бруно Франка, Эмиля Людвига), а большинство текстов «ЖЗЛ» зарубежных авторов представляют собой беллетризованные биографии, нарративная специфика которых сближается с жанром «биографического литературного романа»¹.

Стоит отметить, что новой тенденцией в 1980 гг. в серии «ЖЗЛ» становятся так называемые «коллективные биографии» – «Правофланговые комсомола» (1982 г.), «Советские олимпийцы» (1982 г.), «Первопроходцы» (1983 г.), упоминавшиеся «Великие русские люди» (1984 г.) и др.

В начале 1990-х гг. в связи с общим тяжелым экономическим положением в стране тиражи «ЖЗЛ» резко снизились, сильно сократилось число новых книг (с 1992 по 1995 гг. их выход единичен). Несмотря на все трудности этого времени, издательство «Молодая гвардия» сохранило уникальную национальную серию. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. «ЖЗЛ» в полной мере возвратилась к читателю, каждый год стало появляться около 40 изданий. В 2001 г. было принято решение о выпуске экземпляров серии с присвоением двойных номеров, то есть к номерам книг, изданных «Молодой гвардией» в количестве 799, присоединили 200 павленковских; поэтому биография В.И. Вернадского, принадлежащая перу Г.П. Аксёнова, вышла как выпуск 1000 (800). Это событие было отмечено выставкой томов «ЖЗЛ» в здании Государственной Думы, сопровождавшейся выступлением и поздравлением Президента Российской Федерации. На сегодняшний день вышло более ста миллионов экземпляров книг серии. Только в 2015 г. увидели свет порядка 40 фундаментальных изданий, среди которых «Валентин

¹ Подчиненов А.В., Снигирева Т.А. Литературная биография: Документ и способы его включения в текст // Филология и культура. 2012. №4 (30). С. 153.

Распутин» А.Г. Румянцева, «Игнатий Лойола» А.Н. Ветлугиной, «Бродский» В.Г. Бондаренко, «Веласкес» А.К. Якимович, «Ференц Лист» М.К. Залесской¹.

Особенностью функционирования серии «ЖЗЛ» в постсоветскую эпоху стало, прежде всего, возвращение широкому читателю замечательных имен, находившихся под запретом в советский период и принадлежащих главным образом писателям и поэтам. В настоящее время издан большой корпус книг, посвященных некогда табуированным, преданным забвению, полностью или частично «убранным» из русского литературного процесса авторам. Вышли в свет биографии В.В. Набокова², Гайто Газданова³, И.А. Бродского⁴, С.Д. Довлатова⁵ и др. Распространенным явлением стало издание переведенных на русский язык жизнеописаний зарубежного авторства: «Артюр Рембо» Пьера Птифиса (2000 г.), «Франц Кафка» Давида Клода (2008 г.), «Лопе де Вега» Сюзанн Варга (2008 г.) и др.

По мнению А. В. Подчиненова и Т. А. Снигиревой, в настоящее время наиболее распространенным видом литературной биографии в рамках «ЖЗЛ» является «литературоведческий роман». Вербальная документация может быть представлена в таком тексте достаточно широко: от исторически достоверных сведений до мемуарных, т.е. чаще всего выражающих сугубо субъективный взгляд на героя. Визуальный элемент (портреты, фотографии, зарисовки разных периодов жизни писателя, портреты его родственников, друзей, ближайшего и дальнего окружения; визуализация обстановки, в которой жил писатель, предметов, профессиональных атрибутов и т.п.) приобретает дополнительную к вербальному тексту функцию. Например,

¹ Интересные факты о серии книг «Жизнь замечательных людей» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://diletant.media/articles/28697779/> (Дата обращения: 26.11.2019).

² Зверев А. Набоков. М.: Молодая гвардия, 2001. 453 с.

³ Орлова О.М. Газданов. М.: Молодая гвардия, 2003. 275 с.

⁴ Лосев Л.В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2006. 446 с.

⁵ Попов В.Ф. Довлатов. М.: Молодая гвардия, 2010. 368 с. Это единственная книга серии «ЖЗЛ», вышедшая без портрета героя на лицевой стороне обложки и без традиционных документальных фото-вкладок, полнее раскрывающих его жизненный и творческий путь. На месте канонической фотографии на обложке имеется надпись: «Здесь должен был быть портрет С. Довлатова». Наследники и «ревнители» творчества писателя категорически запретили публиковать любые письма Сергея Довлатова и фотографии, где он присутствует (подробнее: Бабицкая В. Валерий Попов. Довлатов [Электронный ресурс]// OpenSpace.ru, 05.10.2010. Режим доступа: URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/18107/> (Дата обращения: 26.11.2019).

даже подпись к портрету или к фотографии в «литературоведческих романах» не ограничивается констатацией факта, например «В. Шукшин, 1969 год». Авторы в таких случаях дают обширную цитату из высказываний современников или самого героя, нередко здесь возникает и собственное суждение биографа. Так, дискурс отдельных авторских примечаний к иллюстрациям в книге Павла Басинского «Горький» (2006 г.) характерен своей оценочностью и эмотивностью: «Лев Толстой и молодой Горький. (Старик суров; Горький немного похож на Чаплина)», «Горький начал писать книгу о Сталине (чего так хотел вождь), но не смог», «Обезьянки, которые стоят на писательском столе. Одна закрывает глаза, вторая – уши, третья – рот (“Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу”))» и т.п.¹

Установленный объем и границы диссертации не предоставляют возможности дать исчерпывающий анализ всего многообразия сферы бытования писательских биографий пределах серии «ЖЗЛ» и тем более в русском литературном пространстве XX – XXI вв. в целом, приняв во внимание также аспекты сосуществования биографических моделей в художественной литературе. Экзистенциальные и жизненные модели в прозе становятся культурными эталонами, на которых основывается вариативность избрания и функционирования соответствующих жизненных сюжетов, т.е. в биографическом материале в отличие от небюграфического хранится определенный культурный код². Жанровая специфика биографии писателя как биографии выдающегося человека содержит условные нормативные и социальные критерии (критерий объективности, лингвистический и нарративный критерии, исторический критерий и т.д.) обуславливающие истинность предназначенного ему жизненного пути, а жизнеописание героя в художественной литературе эксплицируется в виде модели рассуждения о

¹ Басинский П. Горький. М.: Молодая гвардия, 2006. Фотокладка.

² Лотман Ю.М. Биография живое лицо // Новый мир. 1985. №2. С. 228–236.

человеке (подробнее в работе А.Г. Волынской¹). Она неизменно коррелирует с мировосприятием обычного человека в ту или иную эпоху.

1.2. Принципы биографического метода А.Н. Варламова в историко-литературной и текстуальной взаимосвязи его произведений о писателях

Книги «ЖЗЛ» – это, прежде всего, воссоздание портретов исторических деятелей. Научная и искусствоведческая сферы также имеют немалое значение. Но особое место в библиотеке биографий, как мы увидели, занимают литературные портреты известных писателей, нередко создаваемые собратьями по перу. «Маяковский» и «Пастернак» Дмитрия Быкова, «Катаев» Сергея Шаргунова, «Леонов» и «Непохожие поэты» Захара Прилепина, «Сергей Есенин» Станислава Куняева, «Хемингуэй» Максима Чертанова (Марии Кузнецовой) – вот далеко не полный перечень сравнительно недавних выпусков о писателях, подготовленных писателями. Одним из наиболее плодовитых и талантливых авторов «ЖЗЛ» является и Алексей Варламов.

В беседах с Алексеем Варламовым не единожды звучал вопрос о том, почему в последние годы всё популярнее у читателей становится документальная проза, а именно повествования о конкретных исторических личностях. В первую очередь, это объясняется стремлением любителей литературы «знать правду о том, что с нами было»², поскольку, считает писатель, долгое время истинное положение вещей в стране и мире замалчивалось и информация, предоставляемая аудитории, была искажена. Самого Алексея Варламова всегда притягивала русская история в ее первозданном виде, проясняемая через человеческие судьбы, в частности через судьбы русской творческой интеллигенции, судьбы авторов

¹ Волынская А. Г. Биографический дискурс в русской литературе XIX–XX веков (от реалистического романа к модернистскому): препринт WP20/2013/02. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 56 с.

² Алексей Толстой серии ЖЗЛ [Электронный ресурс] // Эхо Москвы, Книжное казино, ведущий К. Ларина. 02.12.2007. Режим доступа: URL: <http://echo.msk.ru/programs/kazino/56740/> (Дата обращения: 26.11.2019).

художественных произведений. Наблюдая за жизненными коллизиями, анализируя особенности мировоззрения, погружаясь в атмосферу будней и изучая окружение своего героя-писателя, Алексей Варламов глубже проникает в смысл происшедшего и происходящего в России, что позволяет ему выявить причины важнейших поступков избранного персонажа биографии: «Его [*Пришвина* – В. Ч.] дневники 1917 года похожи на дневники Бунина, они даже в одном месте живут, описывают одно и то же очень похожими словами, потом другой остается здесь, другой уходит в эмиграцию. Почему так складывается? Что двигало людьми? Это главное в моих книгах»¹. На вопрос о критериях выбора того или иного исторического лица в качестве центрального в повествовании (наиболее частотен по отношению к фигуре Григория Распутина, ставшего героем книги «Григорий Распутин-Новый») Алексей Варламов отвечает с позиции лексиколога. Слово «замечательный» как критерий выбора изображаемой личности понимается в его исходном значении и указывает на человека замеченного, выделенного на фоне современников (иное восприятие у В. Юркина²). Так, Распутин, несмотря на ореол домыслов, гипотез и непроверенных фактов, на основе которых сформировалось мнение о нем неискушенного читателя, предстает в книге Варламова иначе, с непривычной для обывательского сознания стороны. Писатель видит своего героя сквозь призму общероссийской трагедии военного и предреволюционного периода, то есть как личность, которая была порождена самой непростой эпохой и возникла бы в любом случае. Но эта закономерность появления не перечеркивает одаренности и неординарности, оказывавших влияние на различные общественные слои. Алексей Варламов выводит Григория Распутина как исторический и культурный, в том числе и литературный, феномен, «потому что уже при его жизни им интересовался Блок, Розанов, Андрей Белый говорил, что он сфантазировал своего столяра

¹ Там же.

² Юркин В. Интеллектуальный феномен [о серии «Жизнь замечательных людей»] // Студенческий меридиан. 2005. № 2. С. 70–73.

Кудеярова из “Серебряного голубя” до того, как появился Распутин. Клюев очень интересно писал о Распутине, до революции – одно, после революции – другое. <...> Михаил Булгаков собирался написать пьесу о Распутине, но Толстой его опередил. Ахматова интересовалась этим человеком. Гумилев написал великое стихотворение “Мужик”»¹. В другой беседе о героях «ЖЗЛ» Варламов расставляет акценты приблизительно так же, говоря, вслед за Лермонтовым в предисловии к «Герою нашего времени», что не так важно, насколько может быть выдающимся магистральный герой книги, всякая жизнь интересна и замечательна, ибо несет в себе возможность интерпретации мотивов, причин и следствий определенных человеческих поступков, способов влияния в этой связи мистических и метафизических аспектов на быт и бытие человека². Тем не менее, утверждает автор текстов «ЖЗЛ» о Михаиле Булгакове, Андрее Платонове, Александре Грине, Алексее Толстом, Василии Шукшине, Михаиле Пришвине, писательская жизнь в этом смысле более наглядна и впечатляюща.

Проблема соотношения факта и вымысла для Алексея Варламова – создателя биографических произведений для серии «ЖЗЛ» – решается в пользу первого; биографический жанр, по мысли писателя, исключает всякое домысливание. Художник идет от факта, причем такие повествования не могут быть диалогичными, ни в форме «автор–читатель», ни в форме «герой–герой» (по нашим дальнейшим наблюдениям, на практике получается не совсем так).

Специфика документальной книги определяется жесткими канонами, и каждый биограф очерчивает для себя рамки «дозволенного», легитимизирует пространство своего замысла. Так, в книге «Мольер» Михаила Булгакова, входящей в серию «ЖЗЛ», вымысел доминирует над фактом, чего нельзя

¹ Алексей Толстой серии ЖЗЛ [Электронный ресурс] // Эхо Москвы, Книжное казино, ведущий К. Ларина. 02.12.2007. Режим доступа: URL: <http://echo.msk.ru/programs/kazino/56740/> (Дата обращения: 26.11.2019).

² Прилепин З. Алексей Варламов. Нашему народу надо просить у Неба не справедливости, а милосердия. Беседа Захара Прилепина с писателем [Электронный ресурс]. Р ежим доступа: URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/aleksej-varlamov-.html> (Дата обращения: 26.11.2019).

сказать о книге Варламова, посвященной автору «Мольера». Справедливо замечая, что «булгаковедение» – одна из наиболее разработанных сфер в истории русской литературы, Варламов скрупулезно следует за реальными событиями жизни Булгакова, ссылаясь на труды исследователей-предшественников и вступая с некоторыми из них в осторожную полемику, в частности с известным литературоведом, автором «Жизнеописания Михаила Булгакова» Мариэттой Чудаковой¹. Главный, на наш взгляд, свой постулат при работе над писательской биографией Алексей Варламов эксплицирует именно в тексте о Михаиле Булгакове: «Доверять, строго говоря, нельзя ничему: ни письмам, ни дневникам, ни воспоминаниям, ни показаниям, ни стенограммам, ни телеграммам, ни протоколам – доверять можно только той информации, которая подтверждается из двух, а лучше из трех или четырех независимых источников»².

В преамбуле к беседе с Алексеем Варламовым коллега по литературному цеху Захар Прилепин называет его самым разносторонним современным писателем, обладающим «отменным литературным багажом», включающим, помимо большого массива художественных произведений, семь книг в жанре non-fiction. Не имея возможности разобраться, «к добру ли случился уход отличного мастера художественной прозы в нон-фикшн, или не к добру»³, критики сходятся в едином мнении о высокой квалификации Алексея Варламова как биографа, отмечают его умение работать с фактическим материалом, библиографическими ресурсами; приветствуют его как знатока литературного и исторического контекста. Всегда базируясь в своих выводах на нескольких проверенных независимых источниках, он видит недостатки неакадемических исследований, близких эссеистике, и указывает

¹ Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. 672 с.

² Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. 840 с.

³ Прилепин З. Алексей Варламов. Нашему народу надо просить у Неба не справедливости, а милосердия. Беседа Захара Прилепина с писателем [Электронный ресурс]. Р ежим доступа: URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/aleksej-varlamov-.html> (Дата обращения: 26.11.2019).

на них, тем самым обозначая собственное стремление к беспристрастности и объективности.

Жизнеописание другого героя Алексея Варламова – Андрея Платонова – также максимально точно, фактологично и непредвзято (хотя существуют совершенно «разгромные» рецензии на книгу, пример тому – отзыв Н. Боровко о главах, напечатанных в «Новом мире» за 2010 г.¹). Тем не менее, как подчеркивает рецензент книги о Платонове Валерий Бондаренко, «для Алексея Варламова атеист, революционер, видевший в революции мистирию планетарного, если не космического масштаба, Андрей Платонов – как бы антагонист»², т.е. биограф не придерживается идеологии своего персонажа³. Это, конечно, в некоторой степени отражается на самом тексте. Литературовед Е.А. Яблоков не без оснований указывает на то, что Варламов неверно интерпретирует личное деятельное участие и присутствие Платонова внутри эпохи: он изображает его не как непосредственного ее творца, демиурга, а как ее творческую эманацию⁴. Так, знаковое для Платонова, имеющее философское понимание в его творчестве понятие «народ» эксплицируется в тексте книги А.Н. Варламова только с социально-исторической и этнографической точки зрения без раскрытия трансцендентного, мистического его планов, столь присущих мировоззрению Платонова. Потому в свою очередь В. Бондаренко обращает пристальное внимание на нарочитую аккуратность Варламова в изложении системы взглядов Платонова-

¹ Боровко Н. Бедный Платонов [Электронный ресурс] // Проза.ру, 10.08.2011. Режим доступа: URL: <http://www.proza.ru/2011/08/10/951> (Дата обращения: 26.11.2019).

² Бондаренко В. Незаметный гений незаметно светит и после [Электронный ресурс] // Лики истории и культуры, 08.06.2011. Режим доступа: URL: http://www.library.ru/2/like/sections.php?a_uid=154 (Дата обращения: 26.11.2019).

³ Наше мнение по поводу «атеизма» Андрея Платонова не так категорично. Подробный анализ его текстов, на наш взгляд, приводит к противоположному мнению: рассмотрение особенностей организации художественного пространства писателя, системы образов и т. д. позволяет сделать вывод об особом восприятии устройства мироздания у Платонова, близком к апокрифическим, гностическим и языческим представлениям (см., например, книги М. Геллера (Геллер М.Я. Андрей Платонов в поисках счастья. Париж: Умса Press, 1982. 408 с.), Х. Гюнтера (Гюнтер Х. По обе стороны утопии: контексты творчества А. Платонова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 216 с.) и др.).

⁴ Яблоков Е. Алексей Варламов. Андрей Платонов [Электронный ресурс] // OpenSpace.ru, 16.03.2011. Режим доступа: URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/21142/?expand=yes#expand> (Дата обращения: 26.11.2019).

революционера и «мутноватость»¹, непроясненность в оценке позиции мемуаристов, очерняющих сына Платонова и выставяющих того предателем.

Возникает вопрос о критериях выбора писателей – героев биографических повествований. Книга о Михаиле Пришвине, полагаем, должна была появиться в любом случае: этот писатель увлек Алексея Варламова с самого начала – его докторская диссертация, и до некоторой степени кандидатская, посвящены автору «Кладовой солнца», «Мирской чаши» и «Голубиной книги»². По утверждению самого Варламова, огромную роль в выборе Пришвина в качестве героя первой биографической книги сыграло изучение дневника писателя, поразившего его глубоким, вдумчивым, детальным анализом русской жизни, своего рода исследовательским и в то же время живым подходом к изображению истории «в лицах и повседневных событиях»³. На первый взгляд, никак не связанные между собой центральные герои последующих трех документальных повествований – Александр Грин, Алексей Толстой и Михаил Булгаков – были предложены Алексею Варламову уже издательством.

Наметившаяся серийность выхода в свет биографий, созданных А.Н. Варламовым, в одном издательстве позволяет поставить вопрос о том, можно ли считать его сотрудничество с «Молодой гвардией» проектом. В современной литературной ситуации частота употребления слова «проект» гораздо выше стремлений к осмыслению самого феномена. Универсальное толкование ему стремится дать Ю.В. Мальцева, определив следующие «сущностные черты “литературного проекта”»: ориентация произведения на восприятие представителями определенной социальной, гендерной или иной

¹ Бондаренко В. Незаметный гений незаметно светит и после [Электронный ресурс] // Лики истории и культуры, 08.06.2011. – Режим доступа: URL: http://www.library.ru/2/like/sections.php?a_uid=154 (Дата обращения: 26.11.2019).

² Варламов А.Н. Апокалиптические мотивы в русской прозе конца XX века: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 16 с.; Варламов А.Н. Жизнь как творчество в дневнике и художественной прозе М.М. Пришвина: дисс. ... доктора филол. наук. Москва, 2003. 424 с.

³ Прилепин З. Алексей Варламов. Нашему народу надо просить у Неба не справедливости, а милосердия. Беседа Захара Прилепина с писателем [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/aleksej-varlamov-.html> (Дата обращения: 26.11.2019).

группы; создание и поддержание определенного имиджа автора, его узнаваемость; определенная цикличность выхода автора к публике»¹. Эти черты, безусловно, присущи отмеченной серии книг. Однако следует учитывать и наметившееся в среде профессиональных литературоведов и критиков негативное отношение к феномену проекта, который связывается с просчитанностью результатов работы, с некоторой коммерциализацией деятельности пишущего². Вероятно, со стороны издательства заказ новых биографий А.Н. Варламову, действительно, можно рассматривать как проект. Не случайно появление этих биографий породило высказывание упоминавшегося нами ранее критика В. Бондаренко о том, что «Молодая гвардия» «уворовала у русской литературы отличного реалиста, настоящего художника»³. В принципе, соглашаясь с этим заявлением, писатель всё же воспринимает работу над текстами «ЖЗЛ» как занятие интереснейшее, а этих очень разных художников, о которых пишет, он объединяет в том смысле, что им довелось жить в самый трагический период истории Отечества и их различное и в чем-то схожее понимание событий сложной эпохи позволяет взглянуть на факты достаточно объективно.

Идея книги об Андрее Платонове возникла у Алексея Варламова, судя по содержанию интервью с Захаром Прилепиным, в 2007 г. Писатель тогда заметил, что «до сих пор не написан ни в «ЖЗЛ», ни в какой другой биографической серии самый великий русский писатель XX века – Андрей Платонов»⁴.

¹ Мальцева Ю.В. Попытка дефиниции современного «литературного проекта» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Филология. Журналистика. 2016. №3. С. 66.

² Бендерский Я. М. Борис Акунин – литературный проект или ловкая мистификация [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://world.lib.ru/b/benderskij_j_m/yakov_be.shtml; Губайловский В. Формула Мандельштама // Арион. 2002. № 4. С. 34-47; Шайтанов И.О. Современный эрос, или Обретение голоса // Арион. 2005. № 4. С. 45-47.

³ Прилепин З. Алексей Варламов. Нашему народу надо просить у Неба не справедливости, а милосердия. Беседа Захара Прилепина с писателем [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/aleksej-varlamov-.html> (Дата обращения: 26.11.2019).

⁴ Там же. Любопытно, что здесь же Варламов вскользь говорит и о необходимости написания книги о Леониде Леонове. Вероятно, этот совет послужил тогда в какой-то мере отправной точкой для начала ее подготовки самим интервьюером.

Последняя на сегодняшний день книга, созданная Алексеем Варламовым для «ЖЗЛ» – о Василии Шукшине. «Я не очень хотел писать книгу о Шукшине <...>, так как он фактически наш современник, а это и без того ограничивает свободу автора»¹, – признается писатель. Однако в процессе работы над текстом обнаружилось, что личность героя таит в себе множество загадок, неясностей и тайн. Потому подготовка Варламовым биографии Шукшина приобрела характер дешифровки: его дневниковых и рабочих записей, высказываний, судьбы в целом. Жизненные противоречия, двойственность позиции в сопричастности к окружающему миру явились причиной непростых отношений героя с эпохой. Именно темы «Шукшин и власть», «Шукшин и государство» становятся стержневыми в книге, по словам автора².

Весьма важна в биографическом произведении проблема соприкосновения и различения точек зрения разных авторов на одного и того же героя. Ранее мы отмечали, что труд Варламова был непрост ввиду наличия первопроходцев и предтеч, создавших свои версии биографий Булгакова, Грина, Толстого. Сравнительному анализу книг А.Н. Варламова и его предшественников будет отведено в работе свое место, пока же назовем основные, наиболее значительные и дискуссионные предшествующие жизнеописания.

Специально для серии «ЖЗЛ» о тех же писателях до Алексея Варламова не писал никто. В 1967 г. «Молодая гвардия» под своим логотипом издала сборник очерков Константина Паустовского «Близкие и далекие»³, в который помимо прочих вошли короткие эссе об Александре Грине («Жизнь Александра Грина», 1939–1956 гг.) и Алексее Толстом («Алексей Толстой», 1939 г.).

¹ Алексей Варламов: «От первого лица» [Электронный ресурс] // ЛитИнститут, 16.09.2015. Режим доступа: URL: <http://new.litinstitut.ru/content/aleksey-varlamov-ot-pervogo-lica> (Дата обращения: 26.11.2019).

² Алексей Варламов: «От первого лица» [Электронный ресурс] // ЛитИнститут, 16.09.2015. Режим доступа: URL: <http://new.litinstitut.ru/content/aleksey-varlamov-ot-pervogo-lica> (Дата обращения: 26.11.2019).

³ Паустовский К.Г. Близкие и далекие. М.: Молодая гвардия, 1967. 400 с.

О Василии Шукшине написал в начале 1980-х писатель и литературный критик В.И. Коробов, но также не для «ЖЗЛ». Эта биография, выпущенная издательством «Современник» в 1984 г., появилась в серии через пятнадцать лет без сокращений¹.

Количество биографических и исследовательских текстов о шести писателях доварламовского авторства, не выходявших в «Молодой гвардии», достаточно велико и неравнозначно по разным формальным показателям, начиная от ценности и достоверности материала и заканчивая квалификацией создателей или составителей.

Книга об Александре Грине вышла в свет в 2005 г. Базовый пласт информативных источников, на которые опирался Алексей Варламов, был опубликован в 60–80-х гг. прошлого столетия². Отдельный блок составляют прижизненные работы о писателе; довольно много текстов вышло в современной Грину периодике³. Материалы конца XX века и начала нового тысячелетия, так или иначе фиксирующие вехи жизненного и творческого пути Грина, представлены единичными публикациями⁴.

Советскими филологами факты биографии Александра Грина рассматривались без отрыва от анализа его художественного творчества. Специализированной подготовкой литературной биографии Грина не занимались в силу разных причин: сначала из-за неактуальности выпуска жизнеописания здравствующего писателя, позже, в конце жизни, оттого, что он подвергся социальному ostracismu и на переиздание его произведений было наложено табу. Для понятийного аппарата и в целом теоретического

¹ Коробов В.И. Шукшин: Веще слово. М.: Молодая гвардия, 2009. 420 с.

² Харчев В.В. Художественные принципы романтики А.С. Грина // Ученые записки Горьковского государственного педагогического института. 1966. Вып. 54. С. 42–59. Прохоров Е.П. Александр Грин. М.: Просвещение, 1970. 119 с.; Михайлова Л. Александр Грин: Жизнь, личность, творчество. М.: Художественная литература, 1972. 192 с.

³ Савинич Б. Литературные течения: А. С. Грин // Утро России. 1915. 25 апреля; Степанович С. Рец. на кн.: Грин А.С. Позорный столб. Собр. соч.: В 3 т. СПб, 1913. Т. 3. // Новая жизнь. 1914. № 3. С. 152–153; Роскин А.И. Судьба писателя-фабулиста // Художественная литература. 1935. № 4. С. 4–9; Шагинян М.С. А.С. Грин // Красная новь. 1933. № 5. С. 171–173.

⁴ Вдовин А. Миф Александра Грина (К 120-летию со дня рождения) // Урал. 2000. № 8. С. 56–64.; Метелева Н. Романтизм как признак инфантильности: Попытка литературного психоанализа личности Александра Грина // Бинобль: Вятский культурный журнал. 2000. № 6. С. 54–60.

контекста советского литературоведения было характерно наличие множества не рекомендуемых к использованию или запрещенных терминов и концепций. Например, жанровая классификация текстов Александра Грина в рамках русской романтической и неоромантической литературы была крайне усложнена. Обзор и оценка модернистских течений в советском литературоведении относились к рискованной тематике, т. к. понятие социалистической литературы было жестко противопоставлено модернизму как буржуазному литературному направлению. Большинство авторов 1910–1930-х гг. руководствовались в своих рассуждениях о Грине конъюнктурными ограничениями, однако их тексты содержат важные биографические факты о писателе, имевшие безусловную ценность для Алексея Варламова в процессе подготовки книги.

В эпоху «оттепели» творчество Александра Грина, несмотря на многие трудности и определенный методологический беспорядок, было официально признано советской идеологией и включено в контекст социалистического искусства, что воплотилось в работах В.В. Харчева, Е.П. Прохорова, Л. Михайловой¹.

В начале 2000-х наблюдался некоторый всплеск интереса к жизни и произведениям Грина в ученой и читательской среде; в первом случае ввиду 120-летия со дня рождения писателя, во втором – в связи с новым витком его популярности. Литературоведческих исследований тем не менее появилось немного, наиболее значительные из них включены Варламовым в библиографический список к жизнеописанию.

Книга Алексея Варламова в некоторой степени послужила своеобразным импульсом к созданию других биографических произведений об Александре Грине. Так, в 2013 г. в серии «В помощь школе» вышло учебное пособие Е.А.

¹ Харчев В.В. Художественные принципы романтики А.С. Грина // Ученые записки Горьковского государственного педагогического института. 1966. Вып. 54. С. 42–59. Прохоров Е.П. Александр Грин. М.: Просвещение, 1970. 119 с.; Михайлова Л. Александр Грин: Жизнь, личность, творчество. М.: Художественная литература, 1972. 192 с.

Яблокова «А.С. Грин в жизни и творчестве»¹, насыщенное иллюстративным материалом и выстроенное как подспорье учащимся в подготовке сочинений, докладов, других самостоятельных заданий. В сборнике «Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками» (2012 г.)² представлена автобиографическая проза писателя и воспоминания его современников – родственников, друзей, журналистов, издателей, литераторов. В том же году был выпущен его полный эпистолярный – 222 письма, 136 из которых напечатаны впервые («Александр Грин. Я пишу вам всю правду. Письма 1906 – 1932 годов»³).

В 2008 г. издательство «Молодая гвардия» публикует книгу Алексея Варламова «Пришвин». Исследовательскую литературу о Пришвине условно можно разделить на две группы по годам выхода в свет: изданная в 1960–1980-х гг.⁴ и в 1990-е гг.⁵ Автор книги во «Вступлении к теме» говорит о том, что задача, взятая им на себя, непроста, поскольку сам персонаж сложен в силу разных причин, и, «куда заведет» он биографа, сразу сказать невозможно. С другой стороны, Варламов рассуждает о достаточном количестве источников, посвященных Пришвину, главные из которых мы назвали: книга воспоминаний о писателе, несколько книг его жены, тексты критиков, литературоведов, русских и советских поэтов и прозаиков – преимущественно его современников. Но наибольший вес для понимания всех черт и деталей, из которых складывается биография художника, как кажется Варламову, имеет его непосредственное восьмитомное собрание, значительную часть которого

¹ Яблоков Е.А. А.С. Грин в жизни и творчестве. М.: Русское слово, 2013. 112 с.

² Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками. Феодосия: Коктебель, 2012. 560 с.

³ Грин А. Я пишу вам всю правду. Письма 1906 – 1932 годов / А. Грин. сост. Л. Варламова, Н. Ялова. Феодосия: Коктебель, 2012. 224 с.

⁴ Мотяшов И.П. Михаил Пришвин: Критико-биографический очерк.. М.: Советский писатель, 1965. 248 с.; Пахомова М.Ф. Михаил Михайлович Пришвин. Л.: Просвещение, 1970. 128 с. Ершов Г.А. Михаил Пришвин: Жизнь и творчество. М: Художественная литература, 1973. 189 с.; Курбатов В.Я. Михаил Пришвин: Жизнеописание идеи. М.: Советский писатель, 1986. 222 с.

⁵ Михаил Михайлович Пришвин // Из Русской думы. Т. 2. / Сост. Ю.И. Селиверстов. М.: Роман-газета, 1995. 512 с.; Михаил Пришвин и русская культура XX века: Сб. науч. ст. Тюмень: Вектор Бук, 1998. 189 с.; Пришвин М.М. Дневник. Т. 1. 1914–1917 гг. М.: Московский рабочий, 1991. 432 с.; Пришвин М.М. Дневник. Т. 2. 1918–1919 гг. М.: Московский рабочий, 1994. 383 с.; Воспоминания о Михаиле Пришвине / Сост. Я.З. Гришина, Л.А. Рязанова. М.: Советский писатель, 1991. 368 с.; Пришвин М.М., Пришвина В.Д. Мы с тобой. Дневник любви / Подгот. текста и коммент. Л. Рязановой. СПб: Росток, 2003. 256 с.

составляют автобиографические книги; и в первую очередь четыре тома его дневников, охватывающие события с 1914 по 1925 гг. и изначально задуманные в количестве двадцати пяти. Весь этот архив был под рукой писателя, готовившего книгу о выдающемся русском прозаике, родившемся в 70-е гг. позапрошлого века и умершем в 50-е прошлого. Важно заметить, что, по словам Алексея Варламова, биографические тексты, не принадлежащие перу самого Михаила Пришвина, содержат весьма противоречивые сведения.

Об А.Н. Толстом А.Н. Варламов, по собственному утверждению, имел достаточно характерное и расхожее в среде непрофессионалов – любителей литературы – мнение. «Рабоче-крестьянский граф», как его именовали в Советском союзе, представал перед ним в соответствии с распространенной точкой зрения: «То, что я о нем знал до этого, было шумным и бестолковым, он казался мне существом малосимпатичным, продажным советским писателем, хоть и талантливым»¹. Однако в процессе работы над книгой Варламову открылись ранее неизвестные факты происхождения Толстого, его участия в литературной жизни Серебряного века, скандалов и дуэлей, в которых фигурировал писатель. Произошел пересмотр взглядов, в личности Толстого обозначились новые грани, и основной задачей Варламова при написании книги стало избавить читателя от таких же предубеждений, показать «либерально мыслящему интеллигенту», что жизненный и творческий образ «красного графа» гораздо сложнее привычного, связанного с его политиканством и перебежничеством.

Таким образом, можно говорить о том, что авторы выходявших в свет в разные периоды исследовательских материалов о жизни и творчестве Алексея Толстого находились в прямой зависимости от официальных оценок личности и творчества писателя. В советскую эпоху он был введен в плеяду главных писателей страны, в перестроечное и постперестроечное время его, напротив,

¹ Маслаков Д. Алексей Варламов: «В либеральной ассоциации я готов занимать правое место, в патриотическом объединении – левое» [Электронный ресурс] // Гильдия словесников, 12.04.2016. Режим доступа: URL: <https://slovesnik.org/kopilka/intervyu/aleksej-varlamov-v-liberalnoj-assotsiatsii-ya-gotov-zanimat-pravoje-mesto-v-patrioticheskom-ob-edinenii-levoe.html> (Дата обращения: 26.11.2019).

порицали и обвиняли в предательствах, беспринципности, цинизме, конъюнктурности, участии в травле Осипа Мандельштама и т.д. – соответствующей направленности были и посвященные ему книги¹. Алексей Варламов, в свою очередь, осуществил попытку показать личность писателя многогранной, объективно и подробно охарактеризовав вехи его жизненного и творческого пути.

Особое значение Алексей Варламов во время работы над биографией А.Н. Толстого придавал книге «Дёготь и мёд: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917 – 1923)», написанной внучкой писателя, профессором Иерусалимского университета Еленой Толстой². По его словам, ее труды оказались серьезным фундаментом, на котором базировались его собственные построения. Варламов называет Е.Д. Толстую своим единомышленником, очень верно расставляющим акценты в отношении своего знаменитого деда, вводящим в научный оборот отдельные сведения, относящиеся к малоисследованному периоду жизни писателя, 1917–1923 гг.

О М.А. Булгакове, кроме упомянутой нами М.О. Чудаковой³, в разное время писали историк и филолог Б.В. Соколов⁴, литературовед и литературный критик В.В. Петелин⁵, ученый-текстолог Л.М. Яновская⁶ и др. Естественно, бóльшая часть критической и научной литературы о Булгакове начала издаваться в перестроечное время, что отражено в библиографии к книге Варламова.

¹ Акимов Ю. Алексей Николаевич Толстой. М.: Знание, 1954. 40 с.; Агатов Ю.М. Алексей Толстой. Об авторах ваших книг. М.: Молодая гвардия, 1972. 654 с.; Боровиков С. Алексей Толстой. Путь к народу. М.: Советская Россия, 1980. 512 с. Баранов В. Революция и судьба художника. А. Толстой и его путь к социалистическому реализму. М.: Советский писатель, 1983. 456 с.; Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2-х т. Т. I. М.: Республика, 1994. 589 с.; Воронцова Г.Н. Алексей Николаевич Толстой // Литература в школе. 2003. № 6. С. 22–27.

² Толстая Е.Д. Дёготь и мёд. М.: РГГУ, 2006. 696 с.

³ Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. 672 с.

⁴ Соколов Б. Булгаковская энциклопедия. М.: Локид; Миф, 1996. 586 с.; Соколов Б.В. Три жизни Михаила Булгакова. М.: Эллис Лак, 1997. 549 с.

⁵ Петелин В.В. Жизнь Булгакова. М.: Центрополиграф, 2000. 766 с.

⁶ Яновская Л.М. Творческий путь Михаила Булгакова. М.: Советский писатель, 1983. 455 с.; Яновская Л.М. Записки о Михаиле Булгакове. М.: Текст, 2007. 416 с.

«Жизнеописание Михаила Булгакова» М.О. Чудаковой было опубликовано в рамках знаменитой серии «Писатели о писателях», выходившей в издательстве «Книга» в 1984–1991 гг. На момент публикации, в конце 1980-х гг., этот труд стал первой научной биографией М. Булгакова. Яркая и доступная широкому кругу читателей форма изложения надолго сделали книгу популярной. Однако, как увидим далее, с точки зрения А. Варламова, она содержит ряд спорных биографических подробностей.

В 1997 г. Б.В. Соколовым в книге «Три жизни Михаила Булгакова» была предпринята попытка нового научного осмысления жизненного и литературного пути Михаила Булгакова. Автор ряда спорных с точки зрения объективности исторических работ, названный академиком РАН, социологом Г. Осиповым «самым неутомимым “профессиональным” фальсификатором»¹, Б. Соколов демонстрирует оригинальный авторский взгляд на жизнь и творческое наследие Булгакова во второй в истории (после «Лермонтовской») энциклопедии такого рода – собственной «Булгаковской энциклопедии»².

Книга Виктора Петелина «Жизнь Булгакова» также богата документальными подробностями биографии писателя, рассматриваемыми на фоне социальных трансформаций в России начала и середины XX в. Аналогично книге Бориса Соколова, здесь также отчасти воспроизводится процесс прототипизации действующих лиц произведений Булгакова, т. е. показано, как создавались персонажи, кто из окружения автора являлся их прообразом, как на основе событий жизни писателя формировались художественные модели его романов, рассказов и повестей.

Сборник «Записки о Михаиле Булгакове» Лидии Яновской, состоящий из малоизвестных булгаковедческой аудитории работ, представляет значительный интерес в плане текстологических изысканий автора и ввиду многолетней ее дружбы с вдовой писателя.

¹ Осипов Геннадий. Правда о наших потерях в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] // Око планеты, 27.04.2010. Режим доступа: URL: <https://oko-planet.su/history/historysng/print:page,1,36759-pravda-o-nashix-poteryax-v-velikoj-otechestvennoj.html>. (Дата обращения: 26.11.2019).

² Соколов Б. Булгаковская энциклопедия. М.: Локид; Миф, 1996. 586 с.

Судя по названиям работ, внесенным в краткую библиографию книги об Андрее Платонове, Алексея Варламова в первую очередь интересовали архивные биографические материалы, недавно открывшиеся факты из жизни писателя, его записные книжки, воспоминания современников, новейшие на момент подготовки текста источники и исследования¹.

Несмотря на большой объем документов и сведений об одном из самых загадочных и сложных русских писателей XX в., творчество которого в последние 25 лет вызывает непреходящий исследовательский интерес, до Варламова никто из ученых не решался на создание полноценной биографии талантливейшего автора. В обозначенных нами трудах о Платонове зримый уклон делается в сторону творчества, причем определяющие и наиболее значительные по объему и содержанию работы датируются концом XX в.. В 2000-х гг. появлялись издания², содержащие новые, доселе не доступные массовой аудитории данные. Критики и ученые были настроены весьма скептически относительно возможности написания законченной научной биографии Андрея Платонова. Рецензент варламовской книги Александр Гришин приводит несколько причин тому, среди которых главные –

¹ Чалмаев В.А. Андрей Платонов: К сокровенному человеку. М.: Советский писатель, 1989. 144 с.; Лангерас Томас. Андрей Платонов: Материалы для биографии 1899–1929 гг. Амстердам: Пегасус, 1995. 354 с.; Свительский В.А. Андрей Платонов вчера и сегодня: Статьи о писателе. Воронеж: Русская словесность, 1998. 216 с.; Корниенко Н.В. Пролетарские писатели А. Платонов и Д. Бедный // Кипарисовый ларец: альманах. М., 2012. С. 257–312.; Малыгина Н.М. Андрей Платонов и литературная Москва. М.; СПб: Нестор – История, 2018. 592 с.; Малыгина Н.М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения». М.: ТЭИС, 2005. 336 с.; Малыгина Н.М. Он знает, что похож на деда. Малоизвестные факты из жизни семьи Андрея Платонова // Литературная газета. 2009. № 47–48; Васильев В.В. Андрей Платонов. Очерк жизни и творчества / В.В. Васильев. М.: Современник, 1982. 230 с.; Архив А.П. Платонова. Кн. 1. / Под ред. Н. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 709 с.; Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. / Сост. Н.В. Корниенко, Е.Д. Шубина. М.: Современный писатель, 1994. 497 с.; Андрей Платонов. Мир творчества / Сост. Н. Корниенко и др. М.: Современный писатель, 1994. 432 с.; Андрей Платонов: Исследования и материалы / Сост. В.А. Никонова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. 193 с.; Андрей Платонов. Мир творчества / Сост. Н. Корниенко и др. М.: Современный писатель, 1994. – 432 с.

² Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. СПб.: Наука, 2000–2008. Вып. 2–4.; «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000–2005. Вып. 4–6; Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 426 с.; Корниенко Н.В. «Сказано русским языком...» Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в русской литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 533 с.; Булыгин А., Гуцин А. Плач об умершем Боге. Повесть-притча Андрея Платонова «Котлован». Москва–Мюнхен: «Im werden Verlag», 2004. 145 с.; Дырдин А.А. Горизонты странствующего духа. Андрей Платонов и апокрифическая традиция [Электронный ресурс] // Русская национальная философия в трудах ее создателей. Режим доступа: URL: http://www.hrono.ru/proza/platonov_a/dyrdin4.html (Дата обращения: 26.11.2019); Казаркин А.П. Демиурги и апокалиптики А. Платонова (к проблеме «Платонов и гностицизм») // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. 3 (12). с. 31–47.

существование огромного корпуса текстов Платонова, лишенных научного комментария, т.е. не осмысленного даже специалистами, и малое количество воспоминаний о писателе¹ (в отличие от объема мемуарной прозы, посвященной, например, Горькому или Пастернаку)². В 1927 году в письме жене Андрей Платонов сообщает: «Истинного себя я еще никогда и никому не показывал и едва ли когда покажу»³. По справедливому мнению А. Гришина, личность самого таинственного советского писателя остается во многом загадочной для читателя и спустя 65 лет со дня его смерти. Приоткрывает завесу этой тайны книга Алексея Варламова, явившаяся первой в своем роде экспериментальной, «черновой»⁴ (А. Гришин), моделью биографии Платонова.

Достаточно объемный корпус литературы о Василии Шукшине представлен в основном посмертными изданиями⁵. По мнению критика Сергея Мизеркина, Алексей Варламов в своей книге опять-таки не стремится вскрывать недостатки предшественников, хотя и подчеркивает, что, невзирая на существование многочисленных и общедоступных сведений о жизни писателя, никто из прежних биографов Шукшина не обратил надлежащего внимания на такой важный экзистенциальный факт как неоднократная смена им фамилии: «был Шукшин – стал Попов, потом опять стал Шукшин»⁶. Этот аспект влечет за собой ряд других вопросов, связанных с проблемой

¹ В последние годы, уже после выхода в свет биографии А.Н. Варламова и цитируемой рецензии А. Гришина, этот пробел стал восполняться, в частности благодаря выходу в свет книги Платонов А. «... Я прожил жизнь». Письма, 1920-1950 гг./ Сост. и вступ. ст. Н. Корниенко. Москва: Астрель, 2014. 685 с. В названном издании опубликовано 350 писем Платонова, большое количество архивных фотографий и материалов.

² Гришин А. Тайна за семью печатями // Нева. 2011. № 8. С. 194–198.

³ Архив А.П. Платонова. Кн. 1. / Под ред. Н. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 467.

⁴ Гришин А. Тайна за семью печатями // Нева. 2011. № 8. С. 194.

⁵ Аннинский Л. Путь Василия Шукшина // Тридцатые – семидесятые. М.: Современник, 1978. 234 с.; Толченева Н. Слово о Шукшине. М.: Современник, 1982. 160 с.; Гришаев В. Несколько строк в биографию Шукшина // Сибирские огни. 1983. №4. С. 165–175; Боровиков С. Шукшин минус Шукшин: Литературная критика // Волга. 1989. №12. С. 177–187; Горн В.Ф. В. Шукшин: Штрихи к портрету. М.: Просвещение, 1993. 129 с.; Далеко раздвигался горизонт: воспоминания о В. М. Шукшине / Сост. И.Ф. Шевцова. Бийск: АСТ, 1995. 64 с.; Шукшин В.М. Из рабочих записей // Смена. 1980. № 16; Фокина Н. О В.М. Шукшине // Искусство кино. 2003. №11. С. 56–64.

⁶ Мизеркин Д. «ЖЗЛ»: Василий Шукшин – вождь несостоявшегося крестьянского восстания [Электронный ресурс] // Пиши-читай, 29.10.2015. Режим доступа: URL: <http://write-read.ru/news/4485>. (Дата обращения: 26.11.2019).

«социализации» сына «врага народа», ставшего впоследствии писателем и кинорежиссером. Найденные Варламовым ответы на них позволяют увидеть Шукшина в ином свете. «То, что очевидно сегодня, было не совсем очевидным при жизни Василия Макаровича»¹, – утверждает Варламов.

Критик Лев Пирогов предполагает, что Алексей Варламов втайне не признает за своим героем великого таланта: «Главная ошибка Варламова – он пишет о Шукшине с бережной и уважительной интонацией. А так обычно пишут о писателях умеренного таланта. Вероятно, Варламов втайне полагает талант Шукшина, этой священной коровы всех тех, кто “думает о России”, умеренным»². Писательский талант Василия Шукшина Алексей Варламов, возможно, не считает за пределами (о чем далее), но в остальном, с его точки зрения, «Шукшин – действительно талант. Он был русским крестьянином, русским рабочим, русским интеллигентом, актером, писателем, режиссером – это и есть тот поразительный русский человек, который вобрал в себя все бездны, все провалы и все высоты, все достижения своего времени...»³

Как уже было сказано, работая в документалистике, Алексей Варламов полностью отдает себе отчет в том, что «факт – король биографии»⁴. Потому, по собственным словам писателя, вполне естественно, что после долгой и кропотливой работы над жизнеописаниями возникает тяга к созданию художественного произведения, в котором вымысел абсолютно закономерен⁵. Документальная проза предполагает наличие строгих правил и ограничений, сковывающих свободу автора, в определенный момент приходящего к мысли

¹ Алексей Варламов: «Без Василия Шукшина сегодня невозможно представить русскую картину мира» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края, 26.07.2014. Режим доступа: URL: http://www.altairegion22.ru/region_news/aleksei-varlamov-bez-shukshina-segodnya-nevozmozhno-predstavit-russkuyu-kartinu-mira_356071.html (Дата обращения: 26.11.2019).

² Пирогов Л. Живые позавидуют мёртвым [Электронный ресурс] / Л. Пирогов // Свободная пресса, 04.03.2014. Режим доступа: URL: <http://svpressa.ru/culture/article/81676/> (Дата обращения: 26.11.2019).

³ Алексей Варламов: «Без Василия Шукшина сегодня невозможно представить русскую картину мира» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края, 26.07.2014. Режим доступа: URL: http://www.altairegion22.ru/region_news/aleksei-varlamov-bez-shukshina-segodnya-nevozmozhno-predstavit-russkuyu-kartinu-mira_356071.html (Дата обращения: 26.11.2019)

⁴ Варламов А. Чистить мысли, как зубы, надо ежедневно // Аргументы Недели. 2015. № 30. С. 5.

⁵ Слепнева И. От первого лица: Алексей Варламов [Электронный ресурс] // Культура Москвы. Режим доступа: URL: <http://litinstitut.ru/content/aleksey-varlamov-ot-pervogo-lica> (Дата обращения: 26.11.2019).

о необходимости привнести в строгий фактический текст что-то свое, – диалог, пейзаж и т.п., т. е. удалиться в поле художественной формы. И в этом основное отличие художественной формы от документальной: в документалистике необходимо отделять факты от вымысла, а в задачи художественного произведения, как известно, входят достижение убедительности и увлекательности. В известном смысле последний на сегодняшний день роман Алексея Варламова «Мысленный волк» явился квинтэссенцией биографических текстов с главными действующими лицами, которых объединяло время и место – Россия на пороге глобальных перемен 1917 года и переход в новое состояние: «Вопросы, сомнения, догадки, предположения росли, как туман, который стелился над жесткой почвой документальных фактов, становясь все более волглым, плотным, концентрированным. И в какой-то момент я стал понимать, что это выльется в отдельную художественную книгу»¹. Действие «Мысленного волка» происходит сто лет назад – с 1914 по 1917 гг., причем в текстуальное пространство проникают и некоторые герои его книг серии «ЖЗЛ»: Григорий Распутин, Александр Грин, Михаил Пришвин. Концепция произведения перекликается с авторской позицией, проявившейся в биографических текстах. Алексей Варламов и здесь и там подходит к анализу эпохальных событий начала XX века через изображение личности в них, оценку ее восприятия и ощущения истории, пытаюсь разобраться в причинах и следствиях постоянных метаний русского сознания из одной крайности в другую и предостерегая от опасностей, связанных с этими метаниями. Центральная метафора романа, заимствованная из молитвы Иоанна Златоуста, в которой есть слова: «От мысленного волка звероуловлен буду», – это персонификация греховных помыслов людей. С этими одолевающими их дурными намерениями борются и герои «Мысленного волка», и, в некотором роде, персонажи биографий.

¹ Слепнева И. От первого лица: Алексей Варламов [Электронный ресурс] // Культура Москвы. Режим доступа: URL: <http://litinstitut.ru/content/aleksey-varlamov-ot-pervogo-lica> (Дата обращения: 26.11.2019).

Выводы главы

Ю.М. Лотман в значимой для нас работе «Литературная биография в историко-культурном контексте» подчеркивает, что «понятие “биография писателя” <...> не извечно, а обладает исторической и биографической конкретностью»¹. Проведенный им краткий, но содержательный обзор генезиса и формирования жанра именно писательской биографии на русской почве позволяет нам, опираясь на его идеи, сделать ряд принципиально важных для нашего исследования выводов:

1. К XIX в. «биография автора становится постоянным – незримым или эксплицированным – спутником его произведений»². По мысли Ю. М. Лотмана, в сравнении с самой литературой она приобретает в это время еще более емкое содержание, оказывается в определенной степени важнее, чем творчество писателя. Биография долгое время служит специфическим рецептивным средством по отношению к творчеству, обращение к изучению жизненного пути автора расширяет исследовательские возможности при анализе произведений. Корреляция этапов писательской биографии и его текстов направляет как обыкновенного читателя, так и исследователя в их более глубинном восприятии произведения и является важнейшим элементом постижения его сути. Такое положение вещей царил в литературоведении вплоть до середины XX в. Научный угол зрения сместился после появления в 1967 году ключевого для постструктурализма эссе Ролана Барта «Смерть автора», в котором утверждается мысль о том, что произведение и создатель не имеют взаимосвязи, а принцип рассмотрения художественного текста с позиций влияния на процесс его создания личностных и биографических характеристик автора в корне не верен и ограничивает интерпретационный и

¹ Лотман Ю.М. Биография живое лицо [Текст] / Ю.М. Лотман // Новый мир. – 1985. – №2. – С. 228.

² Там же. С. 229.

перцепционный потенциал текста¹. Безусловно, это эссе не привело к пересмотру позиций науки о литературе в целом, однако, получив широкую известность, укрепило склонность многих непрофессиональных читателей современности не придавать большого значения авторству произведений художественных, а тем более авторству биографий.

2. Критерий доверия к истинности биографических данных попадает в прямую зависимость от доверия к личности создателя текста: к его культурному, социальному и профессиональному статусу, и в то же время к тому, насколько автор авторитетен в глазах читателя, насколько он отвечает идеальному образу, сформированному в сознании читателя. Тем не менее, здесь также следует учитывать обозначенный нами выше фактор «смерти автора», снимающий вопрос о влиянии на читателя авторитета пишущего².

3. Биография и физическое существование писателя нередко осознаются как понятия неодинаковые и противоречивые, открывающие возможность создания мнимой биографии, преувеличения определённых биографических событий при отсутствии фактических жизненных перипетий или актуализации мифотворчества на фоне реально происходившего.

Изучение особенностей функционирования жанра литературной (писательской) биографии в рамках серии «ЖЗЛ», анализ жанровых классификаций и учет зависимости биографии от авторских стратегий и характера используемой вербальной и визуальной документации позволяет говорить о преобладании разных типов жанров на том или ином отрезке существования данного издательского проекта. Выявление специфических формальных признаков, доминирующих в биографическом тексте в определенный исторический и культурный отрезок времени подтверждает принцип известного подчинения авторского замысла господствующей

¹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391. Отметим, что сама идея Барта не была принципиально нова и, по его собственному признанию, стала развитием мыслей А. Потебни, да и современниками, а тем более последователями не принималась безапелляционно.

² Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.

идеологии (несмотря на изначальное стремление издательства «Молодая гвардия» быть вне конъюнктуры).

Рефлексия собственного творческого метода, представленная Алексеем Варламовым в интервью и беседах, приводит к возможному заключению, что авторской сверхзадачей при подготовке той или иной биографии является стремление «показать, как было на самом деле, опираясь на письма, дневники, документы»¹, что вводит тексты А. Варламова в российскую традицию соотношения документа и художественного вымысла, от статей и книг Ю. Тынянова до произведений Л. Юзефовича, т. е. основополагающей и важнейшей его целью становится тщательное приближение к факту, «некоей правде» о писателе. Кроме того, очевидно, что личность, о которой пишет биограф, не находится в изоляции, т.е. она подвержена разнообразным влияниям. Потому, как мы упоминали ранее, автор жизнеописания, с одной стороны, визуализирует героя, используя прием «репрезентативного портрета», раскрывая образ через окружающие предметы и атрибуты. С другой стороны, необходимость создания коллективного портрета требует умения биографа охарактеризовать главного персонажа – писателя среди прочих лиц без риска потерять на общем фоне своего героя. Для Алексея Варламова в первую очередь актуален вопрос о роли писем, дневников, мемуаров или воспоминаний при воссоздании личности писателя и вопрос о согласовании противоречивых источников. И здесь мы обращаемся к одному из выводов, сделанных нами на основе работы Ю.М. Лотмана «Литературная биография в историко-культурном контексте»² – о частотности фактора мифологизации реальной биографии писателя. Помимо проблемы разграничения мифа и факта, возникает вопрос о способности правильной дифференциации других уровней осмысления личности творца, сочетания общего и крупного планов ее изображения, преобладания использования в

¹ Слепнева И. От первого лица: Алексей Варламов [Электронный ресурс] // Культура Москвы. Режим доступа: URL: <http://litinstitut.ru/content/aleksey-varlamov-ot-pervogo-lica> (Дата обращения: 26.11.2019).

² Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1986. Вып. 683. С. 106–121.

жизнеописании того или иного элемента эпистолярного наследия писателя и т. п.

Таким образом, среди принципов биографического метода А.Н. Варламова можно назвать следующие:

1. Скрупулезное изучение жизненного и творческого пути автора, повышенное внимание к фактам, создание исследовательского инструментария.

2. Работа с разного рода документами, их анализ, сопоставление и способы внедрения в текст произведения.

3. Строгое следование хронологии реально происходившего.

4. Актуализация единого тематического пространства биографий.

5. Воспроизведение портрета писателя на фоне эпохи, в окружении друзей, антагонистов, свидетелей событий – исследование влияния среды.

6. Повествование является продолжением традиций русских реалистических биографий, что сочетается с новаторством автора.

ГЛАВА II. СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВЫХ ТРЕХ КНИГ СЕРИИ «ЖЗЛ» А.Н. ВАРЛАМОВА

2.1. «Пришвин»: структурно-композиционные особенности журнальной и книжной редакций

Вышедшая в 2008 г. книга серии «ЖЗЛ» «Пришвин» стала важным достижением деятельности А.Н. Варламова как историка литературы.

В аннотации к первому изданию и к переизданиям неизменно указывается, что перед нами «первая подробная биография Пришвина»¹. Действительно, как было показано в предыдущей главе, до этого литературного портрета М.М. Пришвина, воссозданного А.Н. Варламовым, пришвиноведение исчерпывалось разрозненными краткими биографическими данными об участнике Императорского географического общества, советском орденоносце и знатоке сектантства; а в большей степени – хрестоматийными и однобокими текстами, часто заключающими неверные гипотезы и выводы в области изучения творческого наследия известного писателя и этнографа (отмеченные нами книги И.П. Мотяшова, М.Ф. Пахомовой, Г.А. Ершова, В.Я. Курбатова²). И в этой связи стоит напомнить, что А.Н. Варламов при написании своего произведения руководствовался прежде всего различного рода мемуарами (не всегда, как известно, отличающимися объективностью), дневниками, сохраняющими наиболее точные сведения о М.М. Пришвине (факт художественно-дневниковой рецепции М.М. Пришвина А.Н. Варламовым неоднократно подчеркивается, в частности, в диссертации

¹ Варламов А.Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2008. 548 с.

² Мотяшов И.П. Михаил Пришвин: Критико-биографический очерк. М.: Советский писатель, 1965. 248 с.; Пахомова М.Ф. Михаил Михайлович Пришвин. Л.: Просвещение, 1970. 128 с. Ершов Г.А. Михаил Пришвин: Жизнь и творчество. М.: Художественная литература, 1973. 189 с.; Курбатов В.Я. Михаил Пришвин: Жизнеописание идеи. М.: Советский писатель, 1986. 222 с.

О.Н. Денисовой «Метафизика любви в дневниковом и художественном дискурсе М.М. Пришвина»¹).

Можно говорить об обширной и кропотливой работе, проделанной А.Н. Варламовым при подготовке книги. Работа по уточнению фактов биографии М. Пришвина продолжена автором и после выхода издания в серии «ЖЗЛ», о чем свидетельствует появление в печати таких статей, как «Висельная дорога Михаила Пришвина»² и «Михаил Пришвин: жив человек»³, хотя и знаменующих определенные памятные вехи (к 140-летию со дня рождения писателя), но представляющих новый взгляд на «героя» – через десятилетие со времени выхода основного варламовского жизнеописания М.М. Пришвина.

Для нас весьма интересна история создания данной книги, явившейся в значительной степени квинтэссенцией всего написанного А.Н. Варламовым о М.М. Пришвине. Наиболее важным в этой связи можно считать то, что ее текстуальная основа, помимо прочих работ, это опубликованное в первом и втором номерах журнала «Октябрь» за 2002 г. «Биографическое повествование» «Пришвин, или Гений жизни»⁴. Заметим также, что докторская диссертация «Жизнь как творчество в дневнике и художественной прозе М.М. Пришвина», защищенная после выхода рассматриваемого издания, по нашим наблюдениям (см. ниже), готовилась параллельно с ним⁵.

Текст «Пришвин, или Гений жизни» вполне можно считать черновой (и неполной) версией канонической редакции произведения, выпущенного «Молодой гвардией», при анализе которого вырисовывается весь ход работы над окончательным и известным широкому читателю вариантом. В первую очередь обращает на себя внимание разница названий текстов. Первоначальный двойной заголовок несет в себе два условных аспекта темы:

¹ Денисова О.Н. Метафизика любви в дневниковом и художественном дискурсе М.М. Пришвина: диссертация ... канд. филол. наук: 10.01.01. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2015. 188 с.

² Варламов А. Висельная дорога Михаила Пришвина [Электронный ресурс] // Топос, 06.02.2013. Режим доступа: URL: <http://www.topos.ru/article/711> (Дата обращения: 26.11.2019).

³ Варламов Алексей. Михаил Пришвин: жив человек // Фома. 2013. 2. С. 66–71.

⁴ Варламов А. Пришвин, или Гений жизни. Биографическое повествование // Октябрь. 2002. № 1 – 2.

⁵ Варламов А.Н. Жизнь как творчество в дневнике и художественной прозе М.М. Пришвина: диссертация ... доктора филол. наук: 10.01.01. Москва, 2003. 424 с.

во-первых, номинация основного героя, во-вторых, раскрывающая или уточняющая его характеристика, возникшая, по всей вероятности, в процессе работы над докторской диссертацией, в которой рассматривается т.н. «жизнетворческая стратегия»¹ М.М. Пришвина. Таким образом, благодаря двухчастной структуре заглавия в читательское восприятие включается метатекстовая составляющая «поведенческой стратегии»² М.М. Пришвина, внедренной им в собственные литературные произведения. С другой стороны, в каноническом варианте название редуцируется до обозначения фамилии героя из-за композиционных и сюжетных модификаций текста, который, наоборот, укрупняется и содержательно видоизменяется так, что «Гений жизни» становится заголовком его первой части. Номинация «Пришвин» уже не нуждается в детализации и ограничительных словесных спецификациях, определяя вполне конкретного героя произведения, показанного автором подробно и многогранно. М.М. Пришвин предстает на фоне динамичной истории первой половины XX века, среди разнопланового окружения, изображен человеком порывистым, экспрессивным, ищущим; так или иначе в книге реконструируются «текстовые и внетекстовые составляющие пришвинского творческого поведения»³, или жизнетворчества. Жизнетворческие интенции в истории русской литературы, по мысли Е.А. Худенко, получают свою экспликацию в эпоху романтизма (в случае К. Батюшкова, В. Жуковского) и символизма (А. Белый, А. Блок), в советскую эпоху наиболее отчетливо воплощались у О. Мандельштама, М. Зощенко и М. Пришвина, влияли на идеи искусства как активной силы в строительстве нового общества, высказываемые Пролеткультом. Само же жизнетворчество существует на стыке «творческого и человеческого начал в границах одной личности»⁴. Особенно важно в этом то, что «художник «обречен» заниматься

¹ Худенко Е.А. Жизнетворчество Мандельштама, Зощенко, Пришвина 1930–1940-х гг. как метатекст: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01 [Текст] / Е.А. Худенко. – Барнаул: Алтайский государственный ун-т, 2012. С. 7.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 23.

⁴ Там же. С. 4.

и жизненным, и эстетическим творением одновременно, преодолевать онтологическую конфликтность искусства и действительности»¹. А.Н. Варламов подчеркивает в своей книге: «Михаил Михайлович относился к своей жизни как к объекту творчества. Он творил ее (недаром житнетворчество было одним из ключевых для него понятий) <...>»².

Названия частей журнальной и книжной редакций книги «Пришвин» также отличаются друг от друга. Заголовок первой части книжного варианта, повторим, звучит как «Гений жизни», журнального – «Испорченный пан». Журнальный вариант названия апеллирует к конкретному литературно-биографическому аспекту пришвинского житнетворчества, мимоходом запечатленному в Дневнике писателя, на что обращает внимание А.Н. Варламов: «Второй день Пасхи. Читаю Бунина – малокровный дворянский сын, а про себя думаю: я потомок радостного лавочника (испорченный пан)»³. Важно подчеркнуть, что, по словам А.Н. Варламова, здесь имеется в виду «пан» не как титул, но как обозначение древнегреческого бога пастушества и скотоводства: «<...> Неслучайно одна из первых критических статей, которая была посвящена творчеству Пришвина, называлась “Великий Пан” [статья В.Р. Иванова-Разумника, опубликованная в 1922 г. – В.Ч.]. <...> это определение себя через гамсуновского героя, оно в пришвинской судьбе, в культуре Серебряного века чрезвычайно важно»⁴. Ценность такого внешнего самоопределения М.М. Пришвина заключается не только и не столько в живой увлеченности российских авторов начала XX в. (в т.ч. и центрального персонажа варламовской биографии) творчеством выдающегося норвежского писателя, а больше в так называемой «тематической привязке» его произведений к миру природы, при том, что он «вовсе не “этнограф”, вовсе не объективный наблюдатель, вовсе не “эпик”,

¹ Там же. С. 4.

² Варламов А.Н. Пришвин [Текст] / А.Н. Варламов. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 76.

³ Варламов А. Пришвин, или Гений жизни. Биографическое повествование [Текст] / А. Варламов // Октябрь. 2002. № 1. С. 56.

⁴ Гамсун и Пришвин [Электронный ресурс] // Непрошедшее время, Эхо Москвы, 09.08.2009. Режим доступа: URL: <http://echo.msk.ru/programs/time/609682-echo/?=top> (Дата обращения: 26.11.2019).

наоборот, он интимнейший лирик, он субъективнейший из поэтов – и притом поэт космического чувства, поэт вселенского чувства, призванный бард светлого бога, Великого Пана»¹. Заметим, что название «Испорченный пан» при таком понимании образа Пана вряд ли могло точно отражать содержание и концепцию первой части анализируемой книги, хотя в ней и говорится о творческих начинаниях М.М. Пришвина как писателя (в главе «Первая книга», «Религиозно-философское общество» и др.). «Паном» именуется писателя в своей статье критик Р.В. Иванов-Разумник, но прямых смысловых связей с его концепцией и варламовской интерпретацией, озвученной на радио «Эхо Москвы»², в произведении не найдено, хотя взаимоотношения писателя и критика посвящена глава «Разумник» второй части, также Р.В. Иванов-Разумник появляется в качестве «второстепенного персонажа» отдельных глав (например, в упомянутой «Религиозно-философское общество»).

Одновременно с такой трактовкой, полагаем, целесообразно рассматривать и «статусное» значение лексемы «пан» в приведенном контексте (тем более что в Дневнике М.М. Пришвин пишет «пан» со строчной буквы, что может указывать как на нарицательность имени, так и на иной смысл слова). А.Н. Варламов, цитируя в названии первой части дневниковые записи своего героя, имеет в виду подобное бунинскому известное «неверие» М.М. Пришвина в то, что поэтические эксперименты авторов Серебряного века базируются на прочном историческом и теоретическом фундаменте, и подчеркивает большую последовательность в этом отношении позиции И.А. Бунина. Причина определенной пришвинской нечеткости в отрицании эстетических поисков начала XX в., по мысли А.Н. Варламова, кроется в купеческом происхождении М.М. Пришвина, в отличие от бунинского дворянского. Здесь же уточняется: «Отказаться разом от своих друзей Пришвин не мог, никого в союзники, как Бунин – Алексея Константиновича

¹ Иванов-Разумник Р.В. Великий Пан // Творчество и критика. Статьи критические 1908–1922. Пг.: Колос, 1922. С. 11–24.

² Гамсун и Пришвин [Электронный ресурс] // Непрошедшее время, Эхо Москвы, 09.08.2009. Режим доступа: URL: <http://echo.msk.ru/programs/time/609682-echo/?=top> (Дата обращения: 26.11.2019).

Толстого, брать не собирався, а искал непроторенный путь»¹. Специфика исходного названия отсылает также к некоторым моментам истории создания текста, как мы уже отмечали ранее. В первоначальном выборе заголовка можно увидеть особенности авторского подхода к изучению материала, заключающегося в нахождении соответствий между достаточно разными, как может казаться, и даже полярными в области своих творческих исканий писателями – М.М. Пришвиным и И.А. Буниным. А.Н. Варламов усматривает в наличии многочисленных совпадений в их дневниках за 1917 г., в частности в отношении к народу и революции, предпосылки последующей эмиграции одного и принятия нового советского уклада другого. В отличие от И.А. Бунина М.М. Пришвин пытался найти в тех обстоятельствах положительный ответ на вопрос о значении истории, и если автор «Окаянных дней» утверждал: «Когда совсем падешь духом от полной безнадежности, ловишь себя на сокровенной мечте, что все-таки настанет же когда-нибудь день отмщения и общего, всечеловеческого проклятия теперешним дням»², – то М.М. Пришвин, осведомленный о его тезисах, в нелегкий для России период вступал с ним в спор: «Личная задача: освободиться от злости на сегодняшний день и сохранить силу внутреннего сопротивления и воздействия»³. В итоге М.М. Пришвин, не покинув Отечество, остался т.н. «испорченным паном» и по роду, и по внутреннему мироощущению, в то время как И.А. Бунин, условно говоря, сохранил свой дворянский титул до конца, уехав из страны.

Биографические параллели дневников писателей обнаруживает исследователь М.К. Шемякина: «Безусловным объединяющим началом, на наш взгляд, служит и сама авторская установка понимания жизни как высшей ценности и божественного дара. Спасение же жизни от тлена и забвения оба видят в памяти, чувстве и слове»⁴. В приведенной цитате содержится, на наш

¹ Варламов А. Пришвин, или Гений жизни. Биографическое повествование // Октябрь. 2002. № 2. С. 76.

² Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Советский писатель, 1990. С. 123.

³ Пришвин М.М. Дневник. Т. 2. 1918–1919 гг. М.: Московский рабочий, 1994. С. 156.

⁴ Шемякина М.К. Человек и мир в дневниках И.А. Бунина и М.М. Пришвина: дисс. ... канд. филол. наук. Белгород: Белгородский государственный университет, 2004. С. 216.

взгляд, посыл, примиряющий пришвинскую и бунинскую точки зрения на важный этап русской истории XX в.

Заметим здесь же, что количество частей в первом и втором варианте «Пришвина» неодинаково. Биография значительно увеличивается в объеме за счет включения в книгу третьей части, обозначенной парафразом известного труда Фридриха Ницше «По эту сторону добра и зла» (у Ницше – «По ту сторону...»), довершающей картину жизни и творчества писателя (в журнале все заканчивается 1930-ми – началом 1940-х гг., знаменующими его взаимоотношения с критиком В.Р. Ивановым-Разумником). Число глав первой части в обеих редакциях также различно: семь в журнале и десять в книге. В основном, заглавия их совпадают, кроме второй главы, в журнале именуемой «Розанов», в книге – «Отрочество». Прежде всего, изменение названия очевидно вызвано необходимостью усиления генерализирующего компонента. Несмотря на то что значительная часть главы посвящена В.В. Розанову и в центре ее – взаимоотношения с ним юного М.М. Пришвина, автор приходит к выводу о некорректности заголовка в том числе и по той причине, что заглавие «Розанов» не в полной мере отражает суть этого раздела, привлекая внимание читателей исключительно к фигуре знаменитого русского религиозного философа.

Три добавочные главы называются «Юность», «Первая любовь», «Конец света», из чего сразу можно сделать предварительный вывод о перенесении в окончательной редакции нарративного акцента в более интимную плоскость жизнетворчества М.М. Пришвина. Такая транспозиция обусловлена опять-таки стремлением А.Н. Варламова к повествовательной всеохватности в репрезентации персонажа, попытке всестороннего осмысления его жизнетворчества.

В книжном варианте А.Н. Варламов разделяет журнальную главу «Розанов» на две: «Отрочество» и «Юность», меняя их структуру и композицию, отбрасывая отдельные цитируемые фрагменты Дневника М.М. Пришвина (а также мемуаров лиц из его окружения) и добавляя другие.

В журнальной главе во множестве могут быть представлены разного рода объемные цитации из тех или иных источников, тогда как в книжных главах они могут отсутствовать, либо значительно купироваться, и наоборот. Так, писатель все же приводит в итоговой версии небольшой пришевский пассаж (в первой редакции его нет) из истории знакомства с В.В. Розановым, снижающий образы обоих: «<...> Этот рыжий человек с красным лицом, с гнилыми черными зубами сидит на кафедре и, ровно дрожа ногой, колышет подмости и саму кафедру»¹. В этом вновь видится особенность художественного целеполагания А.Н. Варламова, в документалистике верящего только фактам и старающегося погрузить читателя в атмосферу конкретики и реально произошедших событий, несмотря на определенные трудности, связанные с актуализацией роли образов действующих субъектов. Стоит заметить, что инцидент с т.н. «Мишиным бегством»² – первой частью «пришевско-розановской гимназической истории с заступничеством учителя за ученика, подстрекательством к бегству и пророчеством о его необыкновенном будущем»³ – в журнале сразу сопровождается цитированием докладной записки В.В. Розанова руководству гимназии, в которой он обрисовывает возникшую конфликтную ситуацию с учащимся Пришвиным, предваряющую знаменитый в пришевиноведении эпизод с исключением будущего автора «Кашеевой цепи» из елецкой гимназии. В книге же эти отрывки значительно отстоят друг от друга в текстуальном пространстве, поскольку А.Н. Варламов в подробностях уточняет причины, по которым дневниковый рассказ об азиатском побеге можно смело считать мистификацией М.М. Пришвина. Причем если в журнале эти причины лишь слабо очерчены (указано только, что «спасти» от отчисления в год побега, 1885 г., В.В. Розанов никого не мог, т.к. поступил на службу в елецкую гимназию только в 1887 г.), то в окончательной редакции писатель

¹ Варламов А.Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 20.

² Там же. С. 26.

³ Там же. С. 26.

скрупулезно исследует весь временной промежуток, касающийся инцидента, критикуя работы ученых и литераторов, не обративших внимание на данный факт временного несоответствия. Однако необходимо заметить, что в обеих редакциях первой части повествование выстроено не столько хронологически, сколько тематически: детально исследуется одна из проблем, например, «Пришвин и Розанов» или «Пришвин и религиозно-философское общество и др. Такая архитектура характерна для всего текста: в других частях также можно выделить отдельные предметные области: «Пришвин и его женщины», «Пришвин и сектанты» и т.п. В ряде случаев при акцентуации внимания на таких тематических вопросах главный герой и в журнальной, и в книжной версиях в некотором роде «выпадает» из нарратива, и отдельные важные факты его биографии пропускаются или упоминаются вскользь. Так, в более ранней главе «Красное колесо», которая в книжном варианте разделяется на две (добавляется «Пришвин в 1918 году», где и описывается следующий эквивалентный журнальному эпизод) А.Н. Варламов отмечает, что в самом начале 1918 г. М.М. Пришвин был вторично в своей жизни ненадолго арестован «как редактор литературного отдела газеты партии правых эсеров “Воля народа”»¹. Достаточно детально останавливаясь на некоторых моментах заключения, автор опускает подробности, связанные с обвинением, допросами, причинами освобождения. Бегло коснувшись факта обучения на агрономическом отделении Лейпцигского университета, А.Н. Варламов лишь эпизодически вставляет в текст замечания о довольно длительной работе М.М. Пришвина агрономом², а затем сотрудником лаборатории в Петровской сельскохозяйственной академии в Москве³, хотя эти биографические данные, по всей вероятности, могли бы явиться объяснением его хорошего практического знания ведения сельского хозяйства, знакомства с особенностями сельского быта, наличия определенного исследовательского

¹ Варламов А.Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 164.

² Варламов А.Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 63, 90, 187, 207, 221, 223.

³ Там же. С. 90.

навыка. К тому же названные аспекты не могли не оказать влияния на дальнейшую литературную деятельность М.М. Пришвина.

Известно о встречах и долгих беседах М.М. Пришвина с М.И. Калининым (о чем есть воспоминания второго¹); в книге указывается на это, но мимоходом: «[в журнале: нечастное] дружеское, но большей частью бесполезное общение [в журнале: и обращение за советами] со всесоюзным старостой Михаилом Ивановичем Калининым в 40-е годы»². То, что впоследствии «убрано» в книжном варианте (дано в цитате в квадратных скобках) свидетельствует о пересмотре автором значимости подобных, все-таки не рядовых с нашей точки зрения, фактах биографии писателя.

С другой стороны, А.Н. Варламов, сам будучи писателем, перемежает повествование пространным рассказом о литературном творчестве М.М. Пришвина, иногда в ущерб изложению некоторых биографических событий. Нужно помнить, что А.Н. Варламова как исследователя интересует в первую очередь житетворчество персонажа, т.е. во многом отражение его «поведенческой стратегии»³ в произведениях. Как биограф, он находится в прямой зависимости от факта, о чем не раз говорил сам и что неоднократно подчеркивалось нами в настоящей работе. В то же время, основываясь на дневниковых записях М.М. Пришвина, автор книги в одной из глав делает существенное уточнение: «Пришвинский Дневник вообще так устроен, что при желании из него можно надергать, искусственно подобрать каких угодно цитат и представить Пришвина великим борцом с системой, конформистом, писателем-христианином, пантеистом, язычником или даже богоборцем, последовательным реалистом или модернистом, а то и постмодернистом, патриотом, русофобом. Многое тут зависит от выбора позиции читателя и исследователя, и поэтому воистину у каждого из нас – свой Пришвин»⁴. В

¹ Калинин М.И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1975. 448 с.

² Варламов А.Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 293.

³ Худенко Е.А. Житетворчество Мандельштама, Зощенко, Пришвина 1930–1940-х гг. как метатекст: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01 Барнаул: Алтайский государственный ун-т, 2012. С. 5.

⁴ Варламов А.Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 208–209.

журнале после этого фрагмента следуют две противоречивые цитаты М.М. Пришвина о русском народе и их анализ. В книге же перед цитатами имеется недостающее звено, абстрагирующее А.Н. Варламова от предыдущего высказывания о том, что «у каждого из нас – свой Пришвин»¹: «Автор данной книги, при наличии собственных убеждений и симпатий, проницательному читателю очевидных, пытается остаться объективным, ничего не затенять и не выпячивать, Пришвина не идеализировать и почем зря не хулить <...>»². Тем самым еще раз акцентируется стремление к беспристрастности суждений и попытка максимального приближения к реально происходившему, пусть и при отсутствии некоторых штрихов к портрету М.М. Пришвина. К тому же особый подход к жизни и творчеству автора не по отдельности, а вкуче, к *жизнетворчеству*, обуславливает некое сопряжение «истории жизни отдельной личности <...> с литературным и историческим контекстом своего времени»³ и произведениями писателя.

Вторая часть канонического варианта носит то же название, что и первоначального – «Чан». Его можно интерпретировать с различных позиций, прежде всего сквозь призму созданного М.М. Пришвиным образа «кипящего чана» как образа истории. Этот образ под пером своего автора и в новом видении А.Н. Варламова приобретает поистине универсальный смысл: становится «революционным чаном»⁴, «крестьянским чаном»⁵, «сектантским чаном»⁶. Так, в первой главе второй части «Красное колесо» (название взято из почитаемого А.Н. Варламовым А.И. Солженицына, в чьем одноименном романе-эпопее исследуется эпоха Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций 1917 г.) осмысливается *жизнетворческая стратегия* М.М. Пришвина на фоне ключевых и поворотных для России XX века исторических событий. В начале данной главы во второй редакции

¹ Там же. С. 209.

² Там же. С. 209.

³ Варламов А. Пришвин, или Гений жизни. Биографическое повествование // Октябрь. 2002. № 1–2.

⁴ Варламов А.Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 166.

⁵ Там же. С. 174.

⁶ Там же. С. 322.

А.Н. Варламов вводит несколько важных новых абзацев, где речь идет о существенном противоречии в понимании и восприятии М.М. Пришвиным революции. Уже на этих страницах в повествование введена фигура А.А. Блока: различие в рецепции новой реальности с последним исключительно значимо в биографии героя. Автор книги постепенно создает образ Пришвина – противника революции и потому антагониста Блока; хотя Пришвин затем «частично» принимает революцию, но взаимопонимания с Блоком все же не находит: «Он не мог, как Блок, стоически относиться к тому, что у него сожгли библиотеку, и оправдывать народное злодеяние тем, что на милых барскому сердцу усадьбах пороли и насиловали»¹. Журнальная версия варламовского «Красного колеса» подобного вступления не содержит, в главе поднимается проблема взаимоотношений М.М. Пришвина и «коллег по литературному цеху», в том числе и А.А. Блока, ставится акцент на том, что до 1917 г. «Блока Пришвин не просто уважал, но в отличие от всех без исключения декадентов отзывался о нем почти неизменно высоко»². Далее рассматриваются различные аспекты начавшегося после революции т.н. «конфликтного» периода в жизни двух художников. Анализируемая глава второй редакции аналогично упомянутым и некоторым другим отдельным главам не эквивалентна по объему той же главе первой редакции и композиционно разделяется на две более структурированные и завершенные в концептуальном и проблемном плане: собственно, «Красное колесо» и «Пришвин в 1918 году». Именно в последней, с достаточно прозрачной аллюзией заглавия на известный кинофильм М.И. Ромма («Ленин в 1918 году», Мосфильм, 1939 г.), присутствует обращенный к А.А. Блоку отрывок из статьи М.М. Пришвина с образом «кипящего чана» революции, «на самый край» которого «приглашает ... интеллигентов» адресат³.

¹ Там же. С. 152.

² Варламов А. Пришвин, или Гений жизни. Биографическое повествование // Октябрь. 2002. № 1. С. 45.

³ Варламов А.Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 165–166.

Финал журнального варианта главы «Красное колесо», вторая половина которой стала основой «Пришвина в 1918 году», представляется несколько свернутым, хотя и подытоживающим всё сказанное о революции и М.М. Пришвине в ней, взиравшем «с холодной головой <...> на кипение стомиллионного крестьянского чана»¹. В книге же далее следует несколько страниц, на которых А.Н. Варламов представляет объективный анализ пришвинского восприятия революционных событий, подкрепленный цитатами из Дневника М.М. Пришвина и другими материалами. Судьба Отечества и русского народа, брошенных «на истязание темной силы»², волнуют героя, занявшего позицию сопряжения двух идей: большевизма и выражающих его национальных форм, подобных двум пластам коммунистической идеологии («разрыва с отцами» и «западными идеями»)³.

Таким образом, можно отметить, что масштабность повествования второй редакции «Пришвина» значительно усиливается и формально, и содержательно: увеличивается объем и оптимизируется структура произведения (происходит разделение крупных глав на более мелкие и тематически завершенные; добавляются новые главы в связи с появлением третьей части) и совершенствуется композиция материала (меняется порядок следования некоторых глав; внутри глав возникают текстуальные перестановки), унифицируется стиль и синтаксис. Кроме того, при сохранении магистральной точки зрения на описываемые события отношение к некоторым фактам корректируется. Очевидны объективность, аналитический подход и стремление к фактографичности творческой биографии М.М. Пришвина, достигнутые за счет обращения к первоисточникам.

2.2. «Александр Грин»: проблема «автор – герой»

¹ Варламов А. Пришвин, или Гений жизни. Биографическое повествование // Октябрь. 2002. № 1. С. 46.

² Варламов А.Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 175.

³ Там же. С. 182.

В процессе изучения жизни и творчества писателя понятие «образ автора» становится базовым. Все компоненты анализа того или иного литературного текста в конце концов переносятся в соответствующую исследовательскую плоскость. «Образ персонажа (подобно всем иным звеньям словесно-художественной формы) предстает как воплощение писательской концепции, идеи, т. е. как нечто целое, пребывающее, однако, в рамках иной, более широкой, собственно художественной целостности»¹. Н.Д. Тамарченко внутри родового понятия персонаж, особо выделяет гипоним «герой», именно применительно к этому понятию говоря об особой связи с авторской концепцией: «Словом герой обычно обозначают главное действующее лицо, носителя <...> значимой для автора-творца точки зрения на действительность, на самого себя и других персонажей...»². В нашем случае мы имеем дело с так называемой документальной литературой. По Л.Я. Гинзбург, «документальная литература – промежуточная ступень между эстетикой социальных, исторических, психологических представлений и спецификой художественной литературы. <...> Документальное произведение не всегда отличается достоверностью, но это всегда произведение, к которому требование достоверности, критерий достоверности может быть применен»³.

В этой связи апелляция к двум указанным центральным терминам историко- и теоретико-литературного познания при рассмотрении художественных биографий А.Н. Варламова вполне объяснима. Категория «автора» открывает возможности толкования их текстуальной природы, поскольку она концентрирует в себе мировоззренческие, методологические и стилевые предпочтения писателя. Кроме этого, по мысли Л.Я. Гинзбург, «литературный герой был бы собранием расплывающихся признаков, если бы

¹ Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Академия, 2009. С. 192.

² Теория литературы: учеб. пособ. в 2 т. Т.1. / Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман; под ред. Н.Д.Тамарченко. М.: Академия, 2004. – С. 249.

³ Гинзбург Л. О психологической прозе. О литературном герое. СПб.: Азбука, 2016. С. 5.

не принцип связи – фокус авторской точки зрения...»¹. Рассмотрение проблемы «автор – герой» способствует верной аргументации принципов воссоздания образов писателей в биографиях А.Н. Варламова, определению жанровых характеристик текстов и их композиционного своеобразия. Её изучение важно как для осмысления писательской индивидуальности А.Н. Варламова, так и для фиксации его вклада в процесс жанровой эволюции писательской биографии в литературе XXI века.

Не ставя перед собой цели провести исчерпывающее исследование фундаментальной проблемы воплощения в писательской биографии корреляции «автор – герой», проследим, каким образом особенности такого соотношения реализуются в книге А.Н. Варламова «Александр Грин» серии «ЖЗЛ».

Весьма интересный и структурированный подход к оценке организации субъектно-объектных отношений в биографических текстах предлагает в своей статье Ю.З. Бобкова: «Под субъектом-реконструктором нами подразумевается личность биографа, т.е. реальный автор как субъект творчества. В свою очередь под субъектом-реконструктором понимается переосмысленное автором и воплощенное в тексте “Я” реальной исторической биографической личности, ограниченное пространственно-временной перспективой текстового целого, в то время как субъект-прототип – это реальная историческая личность, служащая объектом познания для субъекта-реконструктора, чье “Я” он и пытается реконструировать в биографическом произведении»². Терминология исследователя в таком понимании актуальна для нас и будет применяться в данной подглаве.

В работе «К проблеме “автор–герой” в биографии писателя (“Александр Сергеевич Пушкин” П.А. Плетнева и “Материалы для биографии Пушкина”

¹ Там же. 89–90.

² Бобкова Ю.З. Особенности субъектно-речевой структуры художественной биографии // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 1. С.45–46.

П.В. Анненкова)»¹ Г.В. Казанцева указывает на интересующие нас аспекты взаимосвязи авторского «я» с образом «другого писателя». Она предполагает возможность отношений «понимания (непонимания), притяжения (непритяжения), согласия (несогласия)»²; соотнесение характеристик творческого процесса и внутреннего мира субъекта-реконструктора с опытом субъекта-реконструктора; взаимодействие на уровне «слово автора-писателя – слово героя-писателя»; т.е. сложный феномен присутствия в пространстве биографического текста «чужого слова», принадлежащего стоящему за героем субъекта-прототипа. Безусловно, все выявленные ученым компоненты теснейшим образом взаимодействуют друг с другом и рассматриваются во взаимной соотнесенности.

Обозначенный спектр возможностей взаимодействия между автором биографии и личностью «портретируемого» писателя обретает воплощение в книге А.Н. Варламова об А.С. Грине. В этой книге субъект-реконструктор выступает в роли не только нарратора-биографа, но и литературного критика, исследователя «чужого» творчества, не связанного методами оформления биографических сведений о субъекте-прототипе. Роль компонентов художественного творчества субъекта-реконструктора в структуре жизнеописания А.С. Грина обладает своей спецификой. Несмотря на характерную для А.Н. Варламова сосредоточенность на документально подтвержденных сведениях, во второй книге, написанной им для «Молодой гвардии», видна несколько иная перспектива в выборе повествовательных и изобразительных принципов.

В 2005 году, к 125-летию со дня рождения А.С. Грина, одновременно с книгой А.Н. Варламова «Александр Грин» из печати вышло еще одно крупное издание: «Воспоминания об Александре Грине» вдовы писателя Н.Н. Грин. На этот факт обращает пристальное внимание в своем отзыве о варламовской

¹ Казанцева Г.В. К проблеме «Автор – герой» в биографии писателя («Александр Сергеевич Пушкин» П.А. Плетнева и «Материалы для биографии Пушкина» П.В. Анненкова) // Вестник Военного университета. 2011. № 2 (26). С. 58–64.

² Там же. С. 59.

книге ученый и критик Е.Ю. Скарлыгина. Отдав должное свойственной А.Н. Варламову добросовестной скрупулезной работе с фактами при написании текста, Е.Ю. Скарлыгина подчеркивает очевидную, с ее точки зрения, неспособность субъекта-реконструктора «органично войти в мир Александра Грина, в мир его души, его героев»¹. «Мрачный, нелюдимый алкоголик – и “упертый романтик”»: два облика, две сущности писателя, которые А.Варламов пытается совместить на протяжении всей монографии»² – такой вердикт выносит Е.Ю. Скарлыгина в своей рецензии. Она приводит противоположные примеры из книги Н.Н. Грин, демонстрирующие умение ее автора полностью разобраться в подобных вопросах, подчеркивая, что у читателя обоих текстов может сложиться ощущение повествования о разных героях в том и другом случае. Исследователь особо отмечает также более избирательный подход А.Н. Варламова к рассказу о жизни и творчестве А.С. Грина по сравнению с представленным в его книге о М.М. Пришвине. Рецензент указывает на частотность разного рода упреков А.Н. Варламова в адрес А.С. Грина, как относительно его творчества («упертый романтик»), так и жизни (особенно нередки ссылки на известный тяжелый недуг писателя – алкоголизм), и делает вывод о явной недостаточности у субъекта-реконструктора столь необходимых для авторов «ЖЗЛ» такте, чувстве меры, а также понимании и принятии биографом творческого метода избранного писателя. В книге о М.М. Пришвине все это было, считает Е.Ю. Скарлыгина, А.С. Грину «в этом отношении не повезло»³. Показательно следующее высказывание А.Н. Варламова: «Пришвин был умница и счастливчик, его жизнь – изумительный пример жизнетворчества, ему удалось то, чего не удалось в Серебряном веке никому. <...> Грин, напротив, фигура очень трагическая и несчастная.

¹ Скарлыгина Е.Ю. Рецензия на книгу: Варламов А.Н. Александр Грин (ЖЗЛ) // Новое литературное обозрение. 2006. № 78. С. 432.

² Там же. С. 434.

³ Там же. С. 433.

Жизнетворчество наоборот»¹. В этом утверждении присутствует определенная оценочность, что позволяет заметить разницу в отношении биографа к обоим писателям.

Тем не менее наши наблюдения над данной биографией всё же показывают, что, например, использование художественного творчества А.С. Грина в плане цитации и анализа фрагментов его произведений необходимо А.Н. Варламову прежде всего для констатации различных черт внутренней жизни субъекта-реконструкта. Хронологически размещая в книге отрывки, иллюстрирующие внешние события жизни А.С. Грина, автор выстраивает его биографию через литературное и критическое постижение его художественного мира, а также осмысление самим персонажем окружающего. В самом начале жизнеописания А.Н. Варламов делает продолжительный экскурс в детство героя, подробно останавливаясь на эпизоде первого стихотворного опыта будущего писателя, случившегося с ним в десятилетнем возрасте, когда он был воспитанником вятского земского Александровского училища. Речь идет о подражании пушкинским шуточным стихам, названном «Собрание насекомых», которое под пером юного Грина превратилось в своеобразный памфлет на преподавателей². Этот рифмованный текст переходил в училище из рук в руки и в итоге стоил мальчику продолжения обучения в заведении. А.С. Грин был отчислен, и поводом к отчислению стало именно «пасквильное стихотворение».

В дальнейшем, пытаясь раскрыть читательской аудитории все парадоксальные свойства натуры субъекта-реконструкта, А.Н. Варламов стремится приблизиться не только к внешнему, но и к внутреннему сходству его с субъектом-прототипом. Готовность внедриться в причудливую эмоциональную среду и осознать весь спектр духовной деятельности А.С. Грина приводит автора к погружению в непосредственную

¹ Прилепин З. Алексей Варламов. Нашему народу надо просить у Неба не справедливости, а милосердия. Беседа Захара Прилепина с писателем [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/aleksej-varlamov-.html> (Дата обращения: 26.11.2019).

² Варламов А.Н. Александр Грин. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 13.

профессиональную сферу героя. Повторим, что такое погружение происходит с включением в текст повествования собственных оценок.

Помимо привлечения текста «Автобиографической повести», воспоминаний окружения А.С. Грина, мемуаров Н.Н. Грин и Ю. Первой, нескольких изданных ко времени написания книги писем самого субъекта-прототипа и т.п., А.Н. Варламов апеллирует к живому слову произведений А.С. Грина. Нередко та или иная жизненная коллизия героя находит объяснение через его произведения. А.Н. Варламов подчеркивает, что ранние «скитания» А.С. Грина (матросская служба в Одессе, работа на рыбных промыслах в Баку, в железнодорожных мастерских Вятского депо, на уральских приисках, торфяниках и домнах и т.д.) почти не отразились в его художественных текстах, если не считать «Автобиографической повести», небольших сатирических рассказов о Вятке и некоторых поздних романов с мотивами, нарочито противопоставленными, по мысли биографа, реальному житейскому опыту субъекта-прототипа¹. Прямое выражение в прозе А.С. Грина получили его солдатские будни. В качестве примеров А.Н. Варламов называет рассказы «Заслуга рядового Пантелеева», «Слон и Моська», «Тихие будни» и подробно разбирает наиболее «современный» и «злободневный», с его точки зрения, рассказ «История одного убийства»². При этом автор именно здесь, в самом начале жизнеописания, раскрывает свою позицию по отношению к герою-писателю и к его произведениям, которую верно интерпретировала Е.Ю. Скарлыгина, сделав акцент на заведомом неприятии автором творчества Грина-романтика. А.Н. Варламов, кратко охарактеризовав сюжет последнего рассказа, пишет: «И что бы ни говорили и ни писали о будущих достижениях Грина-романтика, жаль, что он с этого пути [реализма – В.Ч.] свернул. Из Грина вышел бы первоклассный писатель-реалист»³. На протяжении жизнеописания автор еще не раз высказывается по

¹ Там же. С. 5–28.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 30.

этому поводу, при этом создается впечатление, что романтизм, в его понимании, «легковесное», второразрядное направление литературы. По мнению Н. Орищук, такой угол зрения на нереалистические жанры традиционен для советского литературоведения (см. предыдущую главу)¹. Возникает ощущение, что А.Н. Варламов так же, как и советские историки литературы, повторяет сложившуюся ранее идеологическую оценку с присущим ей неприятием некоторых особенностей стиля А.С. Грина, делающего писателя малопонятным для многих читателей и критиков. Это позволяет исследователю определить А.Н. Варламова как автора, находящегося «в поле притяжения некоторых советских мифов о Грине»². На наш взгляд, дело здесь не только в определенном существующем влиянии на субъекта-реконструктора советской литературоведческой школы, но и в собственных авторских реалистических установках и предпочтениях. Любопытно при этом, что А.Н. Варламов опасается взяться за решение проблемы жанрового своеобразия творчества А.С. Грина, останавливаясь лишь на использовании достаточно расплывчатой дефиниции «писатель-романтик». С этой точки зрения, вряд ли можно говорить о том, что автор идет до конца в своем стремлении непредвзято воссоздать образ героя – субъекта-прототипа.

Отмечая первоначальное тяготение А.С. Грина-писателя к сюжетам с убийствами, А.Н. Варламов выделяет неспособность героя к революционной деятельности и отсутствию желания ею заниматься (герой был близок к партии социалистов-революционеров, и его даже готовили к «акту») по причине осознания самого важного в терроре: «подсознательного патологического нежелания жить»³. В то же время субъект-реконструктор говорит об определенной заслуге эсеров в избрании А.С. Грином стези сочинительства ввиду раннего уяснения им «метафизической ценности и связи жизни и

¹ Oryshchuk N. Official Representation of the Works by Alexander Grin in the USSR: Constructing and Consuming Ideological Myths. Canterbury: University of Canterbury, 2006. pp. 269–274.

² Idem. P. 269.

³ Варламов А.Н. Александр Грин. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 35с.

смерти»: «Эсеры подарили ему биографию, точнее, завершили ее, подведя беглого солдата к границе жизни и смерти, а значит – к литературе»¹. Рассказывая о том, что явилось основанием для предпочтения субъектом-реконструктором литературы революционной борьбе, А.Н. Варламов вновь ссылается на тексты произведений А.С. Грина. Автор обращается к двум рассказам героя – «Марат» и «Карантин» – и сопоставляет на их фоне судьбы и творчество двух писателей-эсеров – А.С. Грина и Б.В. Савинкова. Метод сопоставления применяется автором и в других книгах серии «ЖЗЛ» (так, в его первой биографии выстроена параллель «Пришвин – Блок – Бунин»), благодаря чему рельефнее и ярче проступают черты облика центральных персонажей. Обычно А.Н. Варламов сопоставляет героев, основываясь на кажущемся незначительным сходстве внешних и внутренних сторон их судеб, основная же жизненная философия таких персонажей порой диаметрально противоположна. Так, чуждым для А.С. Грина является провозглашаемый Б.В. Савинковым и И.П. Каляевым (также знаменитым эсером, завуалированный портрет которого представлен в гриновском рассказе «Марат») и воплощаемый в терроре культ смерти. Тема террора у Грина и Савинкова перекликается в отдельных текстах с темой женской любви, но связующим звеном у первого становится идея Эроса, у второго всё замыкается на Танатосе. Рассказы революционной тематики вошли в дебютную книгу А.С. Грина «Шапка-невидимка» (1908), не имевшую успеха у читателя, в отличие от повести «Конь бледный» и мемуаров «Воспоминания террориста» Б.В. Савинкова, ставших событием в литературной жизни того времени. В этом контексте приоткрывается другая сторона отношения А.Н. Варламова к А.С. Грину. Автор старается быть объективным и адресует герою слова сочувствия: «с точки зрения истории литературы и исторической справедливости надо сказать, что именно Грин хронологически был первым в теме террора, как художник Савинкова намного превосходил, и то, что его книга почти не

¹ Там же. С. 35.

прозвучала в тогдашней литературе, и странно, и обидно, и нелепо»¹. А дальнейшее сравнение А.С. Грина с Н.В. Гоголем и Н.А. Некрасовым, решающего подобно им забыть свой литературный дебют, свидетельствует все же не об абсолютной «нравственной глухоте»² автора по отношению к герою³.

Отношение к революции и к особенностям жизни в молодой Советской республике субъектов-прототипов и его репрезентация в биографиях – фактор для А.Н. Варламова знаменательный и учтенный во всех книгах «ЖЗЛ» его авторства. Тем более важен этот мотив в «Александре Грине» ввиду негативного, как считает автор, отношения героя к данной тематике и всему, что с ней связано. Биограф отталкивается от современной ему культурной парадигмы: он отвергает любые социально-политические устремления А.С. Грина. Октябрьские события 1917 г. получают у самого субъекта-реконструктора четкую интерпретацию: «Это была трагедия уничтожения не только интеллигенции, но и всех слоев тогдашнего российского общества: дворянства, офицерства, священства, крестьянства... Это страшная катастрофа в истории России. В этом смысле у меня к революции однозначное отношение как к событию ужасному. И, не дай Бог, чтобы что-то подобное в нашей или любой другой стране повторилось»⁴. Авторская оценка восприятия героем революции идет вразрез со стереотипом, господствовавшим в литературоведении советского времени: «<...> Грин честно пытался войти в человеческое сообщество и не смог. Революция похоронила эти попытки и расставила все по местам. Она не просветлила его творчества, как наперебой писали современники, а затем почтенные литературоведы <...>, но освободила Грина от обязанности в этом обществе жить: со строящим

¹ Там же. С. 45.

² Скарлыгина Е.Ю. Рецензия на книгу: Варламов А.Н. Александр Грин (ЖЗЛ) // Новое литературное обозрение. 2006. № 78. С. 432–435.

³ Варламов А.Н. Александр Грин. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 45с.

⁴ Писатель Алексей Варламов – о феномене русского XX века [Электронный ресурс] // Литературная премия «Ясная Поляна», 20.12.2015. Режим доступа: URL: http://www.yppremia.ru/novosti/pisatel_aleksey_varlamov_o_fenomene_russkogo_xx_veka/ (Дата обращения: 26.11.2019).

социализм народом ничего общего у него быть не могло»¹. Глава «Покушение на революцию» посвящена рассмотрению тенденций, обусловивших неприятие революции А.С. Грином и бегства писателя от всего связанного с ней. Большое место уделено в ней взаимоотношениям героя с социалистом-революционером Н.Я. Быховским, ставшим его политическим наставником и первым заметившим его литературный талант. С подачи Н.Я. Быховского А.С. Грин начинает агитационно-пропагандистскую деятельность в пользу эсеров, из-за чего около двух лет проводит в заключении в различных тюрьмах. Оба биографических факта занимают внимание автора, который **признает** их решающую роль в отходе А.С. Грина от эстетики социального бунта, привлекая, в основном, «Воспоминания об Александре Грине» (1972) с представленными там мемуарными очерками журналиста Эдгара Арнольди, писателей И.С. Соколова-Микитова и Н.К. Вержбицкого, революционера Н.Я. Быховского и др. (также в сборник включена «Автобиографическая повесть» А.С. Грина).

Многократная цитация ностальгического нарратива позволяет автору резко и отчетливой воспроизвести все особенности одного из самых трудных периодов в жизни героя – 1900–1906 гг. Так, если приводить отдельные фразы из воспоминаний окружавших тогда А.С. Грина людей, мы можем увидеть монолитную картину происходящего с А.С. Грином на данном временном отрезке (примеры выборочно):

«Я знал, что Грин был активным участником революционного движения <...>» (Э. Арнольди)²;

«При всей своей мрачности Грин бывал озорным, дерзким, но, как мне подчас казалось, не слишком смелым» (И.С. Соколов-Микитов)³;

«Долговязый оказался неоценимым подпольным работником <...>» (Н.Я. Быховский)⁴;

¹ Варламов А.Н. Александр Грин. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 662 с.

² Цит. по Варламов А.Н. Александр Грин. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 48.

³ Там же С. 49.

⁴ Там же. С. 51.

«Гм... гм... А знаешь, Гриневский, мне кажется, из тебя мог бы выйти писатель» (Н.Я. Быховский)¹;

«<...> Так глубоко вошла в меня тюрьма! Так долго я был болен тюрьмой...» (А.С. Грин, «Автобиографическая повесть»)².

Вообще, проблема использования «чужого» слова в писательской биографии в целом, и в «Александре Грине», в частности, для субъекта-реконструктора становится магистральной, и ее решение подчинено задачам описания своеобразия изображаемой личности.

С революционной тематикой в жизни А.С. Грина напрямую связана проблематика взаимодействия героя с властью, которая тоже находится в поле зрения автора-биографа. Тема революции в исследуемой биографии (имеет ли он отношение к т.н. «террористам», к которым примыкал герой поначалу, или касается событий октября 1917 г.) связана в сознании А.Н. Варламова с отрицанием Грином советской власти в принципе. Автор приходит к подобному выводу аналитическим путем, рассуждая о гриновской рецепции этого плана сквозь призму его высказываний и специфичности статей: «Если вчитаться в этот текст, можно констатировать полное отсутствие восторга и приседания перед новой властью, даже скорее некий вздох или пожатие плечами: из всех зол выбирается меньшее»³.

Таким образом, в завершение подглавы мы можем сделать несколько кратких выводов, касающихся реализации категории «автор – герой» в контексте книги «Александр Грин».

Метод анализа творчества А.С. Грина предоставляет возможность субъекту-реконструктору организовать композицию биографии так, чтобы магистральным нарративным направлением в ней стал литературно-критический угол рассмотрения, когда биографические события и факты творчества осознаются как неделимое целое. Данное отличие обуславливает в

¹ Там же. С. 52.

² Там же. С. 55

³ Варламов А.Н. Александр Грин. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 153 с.

итоге обширную и многообразную индикацию «чужого» слова в тексте биографии писателя и его трактовки. Пространство цитирования в ней соприкасается как с сюжетно-композиционной составляющей, обычно зависимой от авторской концепции линейного повествования, так и с ее идейно-тематической базой – с проблемой реконструкции монолитного образа героя-писателя.

2.3. Паратекстуальность «Алексея Толстого» как фактор критической интерпретации книги

В настоящее время существует немало доказательств того, что паратекст в произведении не выполняет лишь вспомогательную функцию¹. Элементы паратекста (заглавие, подзаголовок, эпиграф, предисловие, послесловие и примечания) в современной литературе (особенно в постмодернистской) нередко играют едва ли не бóльшую роль, чем основной корпус текста, вступая с его непосредственными компонентами в системные отношения диалога. В документалистике, литературе non-fiction паратекстуальность может становиться эффективным средством конструирования авторского пространства, основанного на рецепции факта и документа.

Паратекстуальность обуславливается диалогической природой текста и его критическим осмыслением. Потенциал текстового обрамления реализуется на начальной и последующих стадиях восприятия произведения аудиторией: явное или имплицитное воздействие паратекста на читателя

¹ Кроме исследования Ж. Женетта (Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation / trans. by J.E. Lewin. Cambridge, 1997. 427 p.), которому принадлежит сам термин укажем на работы осмысляющие функцию заглавия, эпиграфа, предисловия и послесловия и т.д., т.е. тех элементов, которые совокупно и были названы паратекстом: Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностраный язык в школе. М.: Просвещение, 1978. №4. С. 24–70; Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества М.: Искусство, 1979. 421 с.; Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.; Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931. 36 с.; Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Структура и семиотика художественного текста: труды по знаковым системам. М.: Гнозис, 1992. С. 3–7; Тюпа В. И. Художественный дискурс. Введение в теорию литературы. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 80 с.

происходит в процессе формирования и модификации оценки книги во время ее активного прочтения.

Французский литературовед Жерар Женетт трактует паратекст шире внутритекстовых отношений, разграничивая перитекст («вокруг текста») и эпитекст («вокруг книги»). Перитекст содержит компоненты, непосредственно примыкающие к произведению (имя автора, заголовок, подзаголовки, эпиграф, предисловие, посвящение и пр.). Эпитекст маркирует речевые жанры, располагающиеся вне рамок книги, но коррелирующие с ней интертекстуально. Это публицистический (издательский) эпитекст (интервью и беседы по поводу изданной книги и пр.) и частный эпитекст (переписка, личный дневник)¹.

На наш взгляд, паратекст в литературных писательских биографиях А.Н. Варламова приобретает высокую актуальность в связи с характерными внутренними законами этих книг, проистекающих из специфики серии «ЖЗЛ» и особенностей нарратологии их автора. Так, ранее уже указывалось, что структурно-композиционная часть исследуемых текстов издательства «Молодая гвардия» отличается наличием таких паратекстуальных составляющих, как «Примечания» и «Основные даты жизни и творчества», а важной чертой именно варламовского дискурса является интертекстуальность названий произведений и их глав. Категории перитекста и эпитекста получают концептуальное решение в книге «Алексей Толстой», определяя ее репрезентационный и рецепционный аспекты.

Одним из значимых компонентов в структуре паратекста является имя создателя произведения. Однако, как мы уже отмечали в первой главе диссертации, в серии «ЖЗЛ» имя биографа не становится определяющим и первичным фактором, вызывающим читательский интерес. На формально-содержательном уровне произведения имя «замечательного человека» выходит на первый план, т.е. на ведущих позициях здесь остается заглавие. В

¹ Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation / trans. by J.E. Lewin. Cambridge, 1997. P. 36.

то же время существенное значение имеет и имя биографа, расширяющее пространство текста и составляющее с ним неразрывное целое.

Если говорить о заголовочном комплексе «Алексея Толстого», то для интерпретации текста важен первоначальный вариант его названия, сохранившийся в журнальной версии – «Красный шут. Биографическое повествование об Алексее Толстом». Исходные текстовые варианты биографий А.Н. Варламова имеют двучастную заголовочную форму. В данной биографии перед читателем две номинации: наиболее точно выражающая, с авторской точки зрения, образ героя и возникающая как маркер жанровой специфики (тот же принцип в выборе заглавий доминирует, как мы видели, в книге «Пришвин»).

Одновременно с перитекстным анализом специфики названия можно проводить эпитекстный анализ ввиду существования нескольких рецензий, авторы которых обращают внимание на первую часть заголовочного комплекса – «Красный шут».

Исследователь А. Немзер нашел название «Красный шут» удачным в силу собственных резко критических оценок жизни и творчества А.Н. Толстого: «Многим ли хуже в “чисто художественном” плане откровенно холуйский “Хлеб” прикровенно лакейской трилогии? – пусть разбираются любители “чистого искусства”, замешанного на натуральной грязи. Подлецами все-таки именуют отнюдь не тех людей, что злодействуют без перерыва на обед и выходных дней и ни за какие коврижки не согласятся совершить что-то доброе, – подлецами называются подлецы»¹. Противовесом такой оценке звучит мнение: «Называть свою книгу о фактическом классике “Красный шут” – это уж слишком, это за гранью литературоведческих приличий»². Исследователь творчества А.Н. Толстого С.Г. Боровиков подчеркивает, что такое название представляет собой хрестоматийный и

¹ Цит. по Боровиков С. Алексей Варламов. Красный шут. Биографическое повествование об Алексее Толстом // Знамя. 2006. № 9. С. 221.

² Там же. С. 222.

слишком очевидный перифраз определения «красный граф», прозвучавшего в речи В.М. Молотова, иронически контаминировавшего прилагательное и существительное в этом словосочетании. Тот же исследователь справедливо замечает, что заглавие «Красный шут» мало связано с самим текстом, т.к. у А.Н. Толстого и в дооктябрьский период творчества было достаточно юмористических произведений, в то время как советские «Гадюка», «Пётр Первый» и др. нельзя отнести к «шуточным». Жизнью писателя такое определение также слабо подтверждается, считает С.Г. Боровиков, обращая внимание на различного рода экзистенциальные переключки несоветского и советского времени в его судьбе, в частности, зеркальность пощечин 1909 г. (история с дуэлью М. Волошина и Н. Гумилева) и 1932 г. (знаменитый эпизод с пощечиной О. Мандельштама)¹.

Полагаем все же, что обыгрывание неофициального титула А.Н. Толстого в качестве названия биографии продиктовано не только отмеченными причинами. В еще одном эпитекстовом образовании – опубликованной на сайте «Эхо Москвы» стенограмме радиопередачи «Книжное казино», посвященной выходу книги, А.Н. Варламов косвенно касается темы «красного шута». На вопрос ведущей о том, можно ли испытывать жалость к герою-писателю, автор говорит о некоторых обстоятельствах его жизни, действительно вызывающих жалость². Так, на наш взгляд, именно обозначенные А.Н. Варламовым события, связанные с получением А.Н. Толстым графского – «шутовского» – звания (отсюда «шут»), а также психологические и идеологические моменты, сопряженные с безрелигиозностью и неготовностью к смерти (отсюда «красный»), послужили основой для подобного именованья. В то же время биограф подчеркивал, что его герой прожил жизнь удивительно счастливую и был на редкость удачлив, подобно шуту в обобщенном понимании, которому доступны земные блага и

¹ Боровиков С. Алексей Варламов. Красный шут. Биографическое повествование об Алексее Толстом // Знамя. 2006. № 9. С. 220–224.

² Алексей Толстой серии ЖЗЛ [Электронный ресурс] // Эхо Москвы, Книжное казино, ведущий К. Ларина. 02.12.2007. Режим доступа: URL: <http://echo.msk.ru/programs/kazino/56740/> (Дата обращения: 26.11.2019).

сопутствует фортуна. Однако перед нами «красный шут», т.е. расчетливый, условно говоря «материальный», ибо красный цвет – символ материальности (помимо революционности и других коннотаций), а значит, близости к власти; шут, достигший счастья своими трудами.

Есть простор для еще более смелой интерпретации заглавия – интертекстуальной. Метафорическое содержание образа Красного домино из различных стихотворений Андрея Белого, романа «Петербург» и, что важно, из его набросков к пьесе «Красный шут» могло стать импульсом к его использованию А.Н. Варламовым. В стихотворениях «Маскарад» и «Праздник» Андрея Белого Красное домино фигурирует как таинственный фантом, появляющийся в моменты карнавалов, торжеств, балов и маскарадов, олицетворяющих собою мир в целом, но «перевернутый» мир (как и в «Петербурге» – двойной мир, реальный и зеркальный). За маской Красного домино – Красного шута скрывается не демоническая сущность, а все же человек, оказывающийся жалким и беспомощным перед лицом трансформированного пространства. Можно воспринимать «перевернутый мир» как мир, перелицованный революцией, в котором оказался «красный шут» А.Н. Толстой, играющий придворную (по званию депутатскую) фантомную роль у Советской власти. Вероятна и обратная трактовка: в балладе «Шут» образ Горбатого шута – свидетеля жизни Королевны – обнаруживает сходство с монотонностью и «грозной силой» времени, так и А.Н. Толстой – свидетель жизни Сталина, из-под пера которого «если бы он дожил до 50–60-х оттепели, [вышли бы] <...> самые глубокие произведения о сталинизме»¹. В романе «Петербург» образ Красного домино инфернализируется лишь на страницах бульварной газеты и в сознании сенатора, Софьи Петровны и обывателей, подобно заклеяемому в 1980–90 гг. образу «красного графа», хотя и там, и там слишком много «человеческого».

¹ Там же.

В итоге А.Н. Варламов отказывается от двучастного заглавия книги, оставляя лишь имя – «Алексей Толстой», что наиболее характерно для перитекста «ЖЗЛ».

В качестве еще одного дотекстового структурного образования самому тексту предшествует вступительная статья известного литературного критика В.Я. Курбатова «Акробат на горошине, или Последний Толстой»¹. Предисловие интересно прежде всего своей исключительностью для биографий А.Н. Варламова, поскольку остальные литературные портреты не снабжены какими-либо «чужими» преамбулами. Введение демонстрирует погруженность его автора в проблему и верное ее толкование: стремление биографа очистить «трудное, наитруднейшее имя»² А.Н. Толстого от всего наносного в период советской его «канонизации» и отчасти несправедливого в постсоветское время. В.Я. Курбатов сумел заметить главное в работе А.Н. Варламова над данной биографией – «все увидеть, всё понять, ни от чего не увернуться, привести все свидетельства», чтобы проникнуть за «карнавал масок», сквозь «дневной маскарадный образ» (т.е. снова перекликающийся с образностью Андрея Белого), который герой для себя создал³. Автор принимает роль «акробата на горошине», сумевшего обойти все «ловушки» и не потерять персонажа, провоцировавшего своих ранних биографов И. Бунина, Р. Гуля, Ф. Степуна блуждать в потемках среди многих его личин. В результате, по мысли критика, перед читателем возникает цельный облик «последнего Толстого», объективно представленный А.Н. Варламовым.

Для подписей к бóльшей части фотографий иллюстрационных вставок, относимых нами к паратекстовым компонентам, используются цитаты из жизнеописания, выбор которых не случаен; расположение указанных компонентов подчинено своей логике, выражающей авторскую позицию. Так, подпись к фотопортрету, запечатлевшему А.Н. Толстого в детстве с матерью,

¹ Курбатов В.Я. Михаил Пришвин: Жизнеописание идеи. М.: Советский писатель, 1986. С. 5.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 5.

звучит как «Полу-Толстой, полу-Бостром. Сын графа, но не дворянин»¹. Фокусируясь на одном из важнейших фактов биографии А.Н. Толстого – его задокументированном происхождении, подробному рассказу о котором посвящена первая глава книги, А.Н. Варламов здесь актуализирует медиальный аспект социальной и сословной принадлежности писателя. Далее следует фотография, подписанная с акцентуацией на графский титул: «Молодой граф. Алексею Толстому 20 лет»². Во второй фотовкладке, по сути обобщающей жизненные и творческие достижения А.Н. Толстого, есть его портрет конца 30-х гг. XX в., подпись к которому коррелирует с исторической ситуацией и резюмирует постепенное и окончательное «превращение» героя из «графа» в «товарища». Она являет собой хрестоматийную для исследователей и любителей прозаика цитату В.М. Молотова: «Кто не знает, что это бывший граф Толстой! А теперь? Теперь он товарищ Толстой, один из лучших и самых популярных писателей земли советской – товарищ А.Н. Толстой!»³

На связь расположения фотографий и цитат из текста обратили внимание А.В. Подчиненов и Т.А. Снигирева, обнаружившие аллюзийный характер знаменитой фотографии О.Э. Мандельштама 1934 г., «на которой в глазах поэта видна обреченность, а вынесенная на первый план рука вызывает библейские ассоциации»⁴. Для этого портрета А.Н. Варламов предлагает весьма категоричную и однозначную интерпретацию: «Рука, давшая пощечину графу»⁵, которую вряд ли можно считать объективной, ибо фотография в некоторой степени знаменует начало ссылок поэта, прежде чердынської, затем воронежской (1934–1937 гг.).

Кроме того, подписи к фотографиям могут приобретать форму авторских ремарок констатирующего или оценочного характера. В «Алексее

¹ Варламов А.Н. Алексей Толстой. М.: Молодая гвардия, 2006. Фотовставка.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Подчиненов А.В., Снигирева Т.А. Литературная биография: Документ и способы его включения в текст // Филология и культура. 2012. №4 (30). С. 153.

⁵ Варламов А.Н. Алексей Толстой. М.: Молодая гвардия, 2006. Фотовставка

Толстом» перитекстовый материал такого типа более частотен в первой вкладке, наглядно представляющей хронологию жизни героя до 1932 года, а также его непосредственное окружение. Некоторые подписи к фотографиям фиксируют роль отображенного на них человека в жизни или произведениях А.Н. Толстого. Так, на одной из фотографий А.А. Блок позиционируется как прототип персонажа известного романа писателя: «Бессонов из “Хождения по мукам”»¹.

Интертекстуальная игра с заголовками специфична для А.Н. Варламова – автора биографий «ЖЗЛ». Книга о Толстом особенно показательна в этом отношении. Названия глав представляют собой явные или имплицитные отсылки к текстам русской и зарубежной литературы, а также к другим культурным артефактам. Если анализировать номинативный аспект «Содержания» в хронологическом порядке, то прежде всего обращает на себя внимание пятый заголовок – «Поединок». В главе описывается история знаменитой литературной мистификации, в центре которой оказались поэты Е.И. Дмитриева, публиковавшая стихи в журнале «Аполлон» под псевдонимом Черубина де Габриак; М.А. Волошин и Н.С. Гумилев. Розыгрыш вылился в дуэль М.А. Волошина и Н.С. Гумилева, секундантом первого был А.Н. Толстой. Зеркальность двух важнейших для русской литературы дуэлей (первая, А.С. Пушкина, «закрывает» «золотой век» русской поэзии, вторая, указанная, «серебряный») в прозе также иллюстрируется взаимоотражающимися «Дуэлью» А.П. Чехова и «Поединком» А.И. Куприна. А.Н. Варламов сделал название повести второго названием главы книги по очевидным причинам: такой заголовок становится связующей нитью для некоторых важных последующих событий, непосредственно касающихся А.Н. Толстого: пощечина М.А. Волошина Н.С. Гумилеву окажется тенью пощечины О.Э. Мандельштама, факт которой также «перерастет» в своего

¹ Там же.

рода «поединок» поэта и писателя, «уговорившего» автора «Поединка» вернуться на родину перед смертью.

В пользу возможности реминисцентного и номинативного сопоставления произведения А.И. Куприна и варламовской главы говорит и использование в «Алексее Толстом» названия пьесы другого значительного автора Серебряного века, родоначальника русского экспрессионизма – Л.Н. Андреева («Тот, кто получает пощечины») в качестве заголовка двадцатой главы, в которой повествуется собственно о пресловутой пощечине «красному графу». Контекстные особенности анализируемой книги и аспекты биографий представленных в ней писателей позволяют прийти к подобному выводу (речь идет о конкретной исторической и культурной эпохе, когда большинство литераторов находились в общем круговороте идей, отображавших переломный момент российской и мировой истории).

А.Н. Варламов нередко присваивает главам биографий номинации – цитаты из произведений авторов, о которых повествует. Девятая глава названа по первой строке стихотворения жены писателя, поэтессы Н.В. Крандиевской «Любовь, любовь, небесный воин...». Часть главы посвящена началу взаимоотношений прозаика и поэтессы; зачином такого рассказа служит документальное подтверждение разного рода достоинств не обделенного женским вниманием А.Н. Толстого, засвидетельствованных в дневниках (в частности, Р.М. Хин-Гольдовской)¹. Особый характер супружества Н.В. Крандиевской и А.Н. Толстого, обнажающий жертвенную и пронесенную через всю жизнь любовь оставившей свое призвание поэтессы к всеоюзно почитаемому писателю, отмечается в завершении главы, где цитируются фрагменты их переписки, включенные в виде подписей в фотографическую врезку книги²: «Война и женитьба на Наталье Васильевне Крандиевской были

¹ Варламов А.Н. Алексей Толстой. М.: Молодая гвардия, 2006. С.145.

² Там же. Фотовставка.

рубежом моей жизни и творчества. Моя жена дала мне знание русской женщины»¹.

Название одиннадцатой главы – «Восемнадцатый год» – явно перекликается с названием второй части трилогии «Хождение по мукам», а заглавие следующей – «Хождение за три моря», помимо имеющейся в нем отсылки к хрестоматийному тексту Афанасия Никитина, латентно смыкается с общим заглавием указанной эпопеи. Не случайно эту двенадцатую главу А.Н. Варламов открывает фрагментом из позднего, 1943 года (что подчеркивает биограф, стремясь к объективности и фактологической достоверности), дневника И.А. Бунина: «Кончил “18-й год” А. Толстого. Перечитал? Подлая и почти сплошь лубочная книжка. Написал бы лучше, как он сам провел 18-й год! В каких “вертепах белогвардейских”! Как говорил, что сапоги будет целовать у царя, если восстановится монархия, и глаза прокалывать ржавым пером большевикам... Я-то хорошо помню, как проводил он этот год, – с лета этого года жили вместе в Одессе. А клуб Зейдемана, где он был старшиной, – игорный притон и притон вообще всяких подлостей!»²

Свежий взгляд на биографические события и творческие искания героев обнаруживается посредством помещения более современных и более знакомых широким массам культурных явлений в контекст жизнеописаний. Сквозь призму достаточно известных культурных реалий зримее проступают специфические особенности текста, его художественная рецепция становится более насыщенной. Пятнадцатая глава анализируемой книги называется «Back in the USSR», что отсылает нас к композиции «The Beatles» 1968 г. При этом ракурс восприятия содержания главы обогащается, понимание причин возвращения А.Н. Толстого в СССР выходит на новый уровень, свободный от оценочности. Шуточный, пародийный характер песни Пола Маккартни коррелирует с парадоксальностью решения писателя об оставлении

¹ Там же. С. 161.

² Цит. по. Варламов А.Н. Алексей Толстой. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 190.

эмиграции; происходит своего рода наслоение песенной пародии на карикатурность, по крайней мере первоначальную, реального «возвращенческого» опыта А.Н. Толстого. На родине писатель почувствовал, что его обманули, что ожидания его не оправдываются. Это подтверждается очень показательной записью, сделанной в конце 1924 г. М.А. Булгаковым в своем дневнике, материалы которого используются А.Н. Варламовым: «Василевский же мне рассказал, что Алексей Толстой говорил: – Я теперь не Алексей Толстой, а рабкор-самородок Потап Дерьмов. Грязный, бесчестный шут»¹. Иллюстрирует внутреннюю антиномию героя и приведенная нами выше цитата из И.А. Бунина, подтверждающая, хотя и дистанцированно во времени, но, возможно, и объективнее, противоречивые аспекты отношения Толстого к жизни. А.Н. Варламов склонен объяснять подобные моменты именно любовью к жизни и нелюбовью к «скудной жизни». По мысли автора, жизненный принцип героя близок императиву Скарлетт О’Хара: «Никогда моя семья не должна голодать»².

В исторический и литературный контекст снова вводит читателя название девятнадцатой главы – «Петр и Алексей». В ней А.Н. Варламов апеллирует в первую очередь к одному из главных произведений А.Н. Толстого «Петр Первый», а также к пьесе «На дыбе», в которой также изображен монарх, но иначе, нежели в романе. Параллели между романским Петром I и реальным Сталиным хрестоматийны, но реальный план главы содержит аналогии других взаимоотношений, аллегорически репрезентируемых дуальным номинативным сочетанием. Название главы содержит имплицитный конфликт в широком значении слова – А.Н. Толстого

¹ Там же. С. 316. Данная выдержка в известной степени поясняет также и журнальное название рассматриваемой биографии – «Красный шут».

² Там же. С. 453. Еще один пример интерпретационной концентрации и детализации демонстрирует биограф заглавием «Город женщин», обращаясь в данном случае к кинематографу. «Город женщин» – фильм прославленного режиссера Федерико Феллини, поставленный в 1980 г., сюжет которого строится вокруг стареющего ловеласа, в своих грезах возвращающегося в соответствующую атмосферу юношеских походов, но попадающего в общество эмансипированных представительниц прекрасного пола. Похожие условия организуются вокруг А.Н. Толстого по сюжету главы (см. Варламов А.Н. Алексей Толстой. М.: Молодая гвардия, 2006. С.461–483).

(Алексея) и И.В. Сталина (Петра) – который проявляется на нескольких сюжетных уровнях, прежде всего на уровне взаимодействия творца и власть предержащего (например, рассказ о судьбе пьесы «На дыбе»). Ассоциации с третьим романом трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» («Петр и Алексей») безусловны, что подтверждается, кроме очевидной идентичности названий, рядом других фактов, в частности, определенным, если угодно, контрастирующим сходством конкретных событий, связанных с Толстым и Сталиным, и знаменитой исторической ситуации с царем Петром и царевичем Алексеем. Последний, подобно А.Н. Толстому бежавший за границу, а затем путем ложных обещаний склоненный дипломатом и графом Петром Толстым к возвращению (удивительная закольцованная игра имен: царь Петр – цесаревич Алексей – писатель XX в. Алексей – дипломат Петр, а также мистическая близость обстоятельств¹ ввиду дальних и двухвековых родственных связей), был убит на родине, в отличие от героя А.Н. Варламова, в результате ставшего одним из главных советских писателей.

Обобщая сказанное, еще раз подчеркнем, что в случае «Алексея Толстого» паратекст выполняет сквозную функцию, т.е. его элементы раскрываются на протяжении всего произведения (исходное заглавие, названия глав, подписи к фотографиям и т.п.) и связаны с основной темой.

Можно говорить о том, что потенциал варламовского паратекста представляется очень важным не только вследствие репрезентационного расширения и рецепционного углубления рассматриваемых в настоящей диссертации произведений, но он определяет внутреннюю взаимосвязь биографий, созданных А.Н. Варламовым.

¹ «Недаром А.Н. Варламов вводит в текст еще и как намек на данные обстоятельства булгаковскую цитату из «Театрального романа»:

«– Так, – сказал Рудольфи.

Помолчали.

– Толстому подражаете, – сказал Рудольфи.

Я рассердился.

– Кому именно из Толстых? – спросил я. – Их было много... Алексею ли Константиновичу, известному писателю, *Петру ли Андреевичу, пойманному за границей царевича Алексея* <...>?» [курсив наш – В.Ч.] (цит по: Варламов А.Н. Алексей Толстой. М.: Молодая гвардия, 2006. С.312).

Выводы главы

«Стилистика декодирования рассматривает текст не только и не столько как передатчик замысла его создателя, сколько прежде всего как источник информации для читателя, как возбудитель его мыслей и чувств. Эта основная особенность стилистики декодирования имеет большое принципиальное значение и противостоит стремлению ограничить восприятие читателя пассивным пониманием образа и замысла автора»¹. Эта мысль И.В. Арнольд имеет для настоящего исследования и для данной главы принципиальное значение. При декодировании текст истолковывается как особое образование, в котором основное значение имеет вывод на передний план его важнейших смыслов как согласованного тождества мнений и переживаний, репрезентация сложного конкретного и образного субстрата. Выявление сильных позиций как фундаментальных элементов лежит в основе творческой активности читателя в процессе интерпретации текста.

В первой и третьей подглавах мы обратились в ходе анализа текста к заглавию как к его сильной позиции, понимая заглавие как своеобразный «ключ» к интерпретации произведения. Для заглавий серии «ЖЗЛ» характерен элементарный способ связи их с содержанием произведения, поскольку в них заключена номинация имени персонажа, в нашем случае – героя-писателя. Названия книг сосредоточивают внимание читателя на главном герое биографии («Пришвин», «Алексей Толстой»), фиксируют его интерес в утилитарном аспекте при приобретении книги. Имя биографа в силу этого «уходит» на второй план для аудитории, но составляет с произведением единый «организм», «раздвигая» его границы. Важные результаты дает сравнительный анализ разных редакций названий, т.е. сопоставление исходного и канонического названий текста. Названия исходных (журнальных) версий указанных произведений имеют двучастную структуру:

¹ Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе, 1978. №4. С. 23.

номинативную составляющую и дефинирующую жанровую специфику. В этом разрезе заглавие получает экспрессивный заряд за счет включения в свою структуру тропов. Например, первая часть журнального названия биографии А.Н. Толстого «Красный шут» опирается на аллюзию, метафору, эпитет и иронию. Вторая часть – «Биографическое повествование об Алексее Толстом» – является авторским определением жанра произведения. В книжной версии «Алексея Толстого» А.Н. Варламов не мог использовать журнальное название ввиду того, что определение «Красный шут» не всегда находится в эксплицированной связи с «окончательным» текстом, что было замечено исследователями и явилось причиной расхождения их в оценках произведения (С.Г. Боровиков, А.М. Немзер). В книге «Пришвин» наблюдается та же тенденция в связи с увеличением объема основного текста и усилением его синтезирующего компонента: универсализация названия первой части – «Гений жизни» – становится в пику исходному – «Испорченный пан», коррелирующему в данном случае лишь с одной стороной биографии героя и не обладающему достаточной степенью обобщения.

Изучение произведений серии «ЖЗЛ» А.Н. Варламова в точки зрения специфики паратекста (в широком осмыслении данного понятия, с включением в него перитекста и эпитекста¹) приводит к мысли о функциональной связи паратекстуальных элементов и текста в целом. Интертекстуальный характер названий глав и ассоциативность надписей к фотографиям в «Алексее Толстом» позволяют выявить разные текстологические планы анализируемых биографий, актуализирующие их исторические, культурологические, событийные и др. пласты (например, сопряженность в едином событийном и культурном контексте значимых фактов: пощечина Н.С. Гумилева М.А. Волошину и пощечина О.Э. Мандельштама А.Н. Толстому.

¹ Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation / G. Genette, trans. by J.E. Lewin. Cambridge, 1997. P. 227 p.

С точки зрения т.н. технического инструментария «книжные» «Пришвин» и «Алексей Толстой» А.Н. Варламова по сравнению с «журнальными» академичны и завершены, книги обеспечены полновесным научным «арсеналом»: в конце каждой представлена краткая библиография, имеется «Указатель имен» и «Указатель произведений», цитируемые фрагменты текста снабжены точными ссылками, сведенными в «Примечаниях». Очевидно и естественно также, что тексты вторых редакций подвергались своего рода корректорской и технической правке, в «Пришвине», в частности, ликвидирована встречающаяся в журнальной версии стилистическая и синтаксическая избыточность (например, убраны лишние вводные слова в ряде предложений, особенно это заметно при сравнении с аналогичным приводимого выше (в первой подглаве) фрагмента о способах создания «многоликости» М.М. Пришвина ввиду разноплановости его дневниковых заметок¹, заменены некоторые просторечные и «ёрнические» выражения и обозначения имен собственных (например, «Михайла Иванович Калинин» и т.п.).

Сделаем несколько выводов относительно рассмотренной нами во второй подглаве проблемы «автор–герой» второй книги А.Н. Варламова, написанной им для серии «ЖЗЛ». Обращение к терминологии, предложенной Ю.З. Бобковой, позволяет расширить спектр восприятия данной проблемы до соотношения трех уровней с включением помимо основных компонентов анализа (автор – «субъект-реконструктор»; герой – «субъект-реконструкт») важнейшего для понимания специфики книги элемента – «субъект-прототип». В этой связи получает особую актуальность аспект «нетождества» героя, представленного в документах и материалах, герою, представленному в тексте

¹ «Пришвинские Дневники вообще так устроены, что при желании из них можно надергать, искусственно подобрать каких угодно цитат и представить Пришвина *по вкусу* великим борцом с системой, *а можно* – *напротив* – конформистом; можно создавать образ писателя-христианина, *а можно* – пантеиста, язычника или даже богоборца, последовательного реалиста или модерниста, а то и *постмодерниста* (*последняя идея нынче очень модна*), патриота или русофоба – многое тут зависит от выбора позиции читателя и исследователя, и поэтому воистину у каждого из нас – свой Пришвин» (Варламов А. Пришвин, или Гений жизни. Биографическое повествование // Октябрь. 2002. № 2. С. 54) [курсивом нами выделены замененные или удаленные избыточные фразы (ср., с окончательным вариантом выше) – В.Ч.].

книги, и, собственно, отношения к ним автора – субъекта-реконструктора. У А.Н. Варламова субъект-реконструкт и субъект-прототип практически «сливаются» в силу способа его работы с источниками и особенностями включения их в текст. Но в случае с А.С. Грином – «реальным» и А.С. Грином – «воспроизводимым» момент отношений «понимания (непонимания), приятия (неприятия), согласия (несогласия)»¹ весьма существен, ибо в объективное повествование включаются субъективные детали, касающиеся индивидуального авторского восприятия литературы модернизма, творчества А.С. Грина вообще, восприятия личных качеств писателя. А.Н. Варламов стремится к беспристрастному воспроизведению черт своего героя, пытается давать непредвзятые характеристики самому писателю, но не может избежать оценочности. Отсюда появление в тексте отдельных не совсем корректных критических высказываний в адрес прозаика, протеста против стилистического своеобразия А.С. Грина, что наводит на мысль о «советской» рецепции (Н. Орищук) творчества героя автором. Тем не менее, как и в других книгах серии «ЖЗЛ», принадлежащих перу А.Н. Варламова, наблюдается типичная направленность к категориальному совмещению литературы и жизни в биографическом контексте.

Таким образом, специфика решения проблемы «автор – герой» («Александр Грин»), паратекстуальные («Алексей Толстой») и структурно-композиционные («Пришвин») особенности обуславливают необходимость интерпретации биографических текстов А.Н. Варламова как целостной связной структуры.

¹ Казанцева Г.В. К проблеме «Автор – герой» в биографии писателя («Александр Сергеевич Пушкин» П.А. Плетнева и «Материалы для биографии Пушкина» П.В. Анненкова // Вестник Военного университета. 2011. № 2 (26). С. 58–64.

ГЛАВА III. ФОРМАЛЬНЫЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ ПОСЛЕДНИХ ТРЕХ КНИГ СЕРИИ «ЖЗЛ»

А.Н. ВАРЛАМОВА

3.1. «Михаил Булгаков»: художественная метафизика героя

В одном из интервью А.Н. Варламов очень четко определил важнейший критерий, которым он руководствуется при написании литературной биографии: «<...> Религиозные взгляды моих героев – <...> своего рода дверь, через которую открывается их личность. <...> Непременно исследую отношение к вере»¹. Судьба писателя, портрет которого воссоздан А.Н. Варламовым в его четвертой книге серии «ЖЗЛ», по мысли автора, более других соотносится с онтологическими аспектами, связанными с религиозным экзистенциальным поиском человека: «В случае с Булгаковым я берусь утверждать, что вера в Бога, ее утрата и попытки вернуться к ней – центральная коллизия его личности»².

Эта «коллизия личности» решается в художественно-метафизическом аспекте, а конкретно, в пределах творческого акта писателя; уже – в рамках одного произведения. Потому второй компонент, на котором базируется исследование А.Н. Варламова, – это подробное рассмотрение характера рецепции творчества М.А. Булгакова читателем: «Мне хотелось разобраться в том, как современному православному человеку воспринимать его творчество – и, прежде всего, “Мастера и Маргариту”»³. А.Н. Варламов подчеркивал, что взялся за биографию М.А. Булгакова в том числе по причине необходимости расстановки акцентов относительно проблемы разнообразия версий и мнений в культурной среде по поводу его произведений, в частности, центрального романа – «Мастера и Маргариты».

¹ Бег от судьбы. Алексей Варламов об авторе «Мастера и Маргариты». Беседовал Виталий Каплан // Фома. №11(67). Ноябрь 2008. С.97.

² Там же. С. 96.

³ Там же. С. 98.

Вышедшая вслед за книгой «Алексей Толстой» книга о М.А. Булгакове насчитывает более 800 страниц, при том что жизнь героя была недолгой и не слишком событийной. Тем не менее она настолько богата загадками философско-религиозного порядка, связанными с личностью М.А. Булгакова и его текстами (особенно с «Мастером и Маргаритой»), что вопрос об объеме книги снимается.

Векторы нашего анализа в данной подглаве будут направлены именно на изучение интерпретации А.Н. Варламовым проблемы веры и безверия в жизни и мировоззрении М.А. Булгакова и некоторых аспектов ее реализации в его художественных текстах.

В данном параграфе мы коснемся также важных элементов биографии М.А. Булгакова, которым ее автор придает стержневой и сакраментальный смысл – судьба и случай. Мотив судьбы, а шире мотив «возмездия», связан с вопросом веры и безверия, потому нередко в тексте он зримо явлен либо так или иначе проступает сквозь повествовательную ткань А.Н. Варламова.

Четверостишие из «Возмездия» А.А. Блока, взятое в качестве эпиграфа к рассматриваемой книге, сразу настраивает читателя на специфическое восприятие жизни ее главного героя. Особая атмосфера фатальности, сопутствующая в большей или меньшей степени существованию каждого индивида, для М.А. Булгакова приобретает экзистенциальный обуславливающий характер всей жизни писателя в целом, значение судьбы здесь, по мысли Варламова, абсолютизируется. В то же время примат духовного, религиозной веры имеет первостепенный смысл для человека, тем более для «властителя дум». Для всех есть свобода выбора между светом и тенью: «Над нами сумрак неминуемый / Иль ясность Божьего лица»¹. Если же личность наделена художническим даром, этот момент выбора начинает играть особую роль в жизни, определяя аспекты произведений. Возможно,

¹ Цит по: Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 5.

уход от Бога и жизненный путь с ограничением влияния божественного начала будет тернист и труден, и творец полностью попадет под власть судьбы.

Специфика репрезентации религиозной темы А.Н. Варламовым такова, что и в художественных, и в биографических текстах он предлагает концепцию «тернистого пути к вере», полного препятствий и нередко отводящего от церкви. Так, в романе «Купавна» А.Н. Варламов утверждает мысль о том, что вера «во всей полноте» открывается человеку, только если в детские годы он пережил религиозный опыт¹. По всей видимости, для обретения веры весьма существен не только опыт, понимаемый как некое озарение, духовное пробуждение, связанное с какими-то особыми жизненными коллизиями, но и возможное влияние окружающих, прежде всего родителей, на формирующуюся личность ребенка.

В первой главе биографии «Михаил Булгаков» А.Н. Варламов обращается к генеалогии своего героя, указывая на древность рода Булгаковых, истоки которого следует искать в Средневековье. Автор подчеркивает значимый момент в биографии героя: рождение М.А. Булгакова в семье с глубокими церковными корнями и по отцовской линии, и по материнской. Дед – священнослужитель, отец – профессор Духовной академии – это не могло не наложить отпечатка на дальнейшую судьбу писателя. Хотя, как замечает А.Н. Варламов, семья Булгаковых происходила из т.н. «колокольных дворян», доподлинная принадлежность к дворянскому сословию, в отличие от духовного, до конца не прояснена. Стремления на словах отказаться от духовных корней у М.А. Булгакова, по мнению автора, не было; работая в «Гудке» он мог отрицать свое дворянство (на вопрос, прозвучавший в гостях у одной «древнейшей дворянской семьи» о том, из каких, географически, он дворян, ответом стало «...ни из каких»). О подобных заявлениях относительно предков-священников биограф не упоминает². Первая глава носит название «Пасынок судьбы» (как определял самого себя

¹ Варламов А.Н. Купавна // Новый мир. 2000. №10. С. 87.

² Цит по: Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 11.

отец будущего писателя); в ней автор впервые говорит о «разорванности судьбы» М.А. Булгакова, в которой было «заключено противоречие, ставшее нервом всей его жизни и творчества»¹. Предпосылки такой «разорванности» А.Н. Варламов обнаруживает прежде всего в том, что за биографией, за судьбой героя стоит «судьба двух родов, которые Церкви столетиями принадлежали»² и от которой он отошел.

А.Н. Варламов предоставляет документальные подтверждения широчайшего спектра духовных интересов отца будущего писателя – А.И. Булгакова, внимание которого постоянно фокусировалось на церковной и общественной жизни России. Он переводил Отцов Церкви (Блаженного Августина и др.), участвовал в религиозно-философских кружках и обществах, оставаясь православным ортодоксом. Как отмечает биограф, «Фигура отца значила для его детей очень много, хотя ранняя смерть не позволила практически никому из них проникнуться его идеями и образом мышления»³. Смерть отца и перемены в мировоззрении соотносит как абсолютно синхронизированные моменты в жизни юного Булгакова упоминаемый А.Н. Варламовым исследователь Н. Никонов («проштудировавший», по мнению биографа, воспоминания первой жены писателя Т.Н. Лаппы, книги М.О. Чудаковой и «Дом Турбиных» В. Некрасова), с которыми автор тут же успешно полемизирует. По мысли А.Н. Варламова, далеко не вследствие «ранней смерти» отца, а значит, недостатка влияния его «фигуры», еще до революции М.А. Булгаков отступает от всякой религии. «Неосновательность» религиозного воспитания детей в доме Булгаковых действительно существовала и при жизни отца писателя, что было характерно для многих семей конца XIX–XX вв.: «увлечение чисто светской культурой доминировало над религиозными интересами. <...> Музыка, театр действительно играли в жизни семьи Булгаковых исключительную роль»⁴. Но наряду с этим «никакого

¹ Там же. С. 9.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 31.

⁴ Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 34.

равнодушия к религии в семье не было»¹, как полагают названные выше исследователи. Наоборот, справедливо считает А.Н. Варламов, именно большое внимание к духовному и религиозному воспитанию детей стало одной из причин, благодаря которой мир получил «создателя Воланда и Иешуа»². Истоки «вероотступничества» М.А. Булгакова кроются в самой его независимой и парадоксальной натуре, что выражалось в мировоззренческих, личностных и психологических конфликтах с окружающими, и, в первую очередь, с матерью (которая, кстати, ввиду постоянной занятости отца будущего писателя выполняла роль главы семьи еще при его жизни). Важно отметить, что А.Н. Варламов обращает пристальное внимание на частотность споров матери с сыном, касавшихся религии и веры и принимавших весьма резкий и жесткий характер. Однако автор настойчиво утверждает, что в этой полемике было больше личного: юношеской сыновней бравады, с одной стороны, и материнского раздражения женщины, утратившей былую власть над ребёнком – с другой. Споры матери с сыном биограф связывает, помимо прочего, с появлением в жизни Варвары Михайловны и семьи Булгаковых «чеховского доктора» (И.В. Кончаковская³) И.П. Воскресенского. Хотя М.А. Булгаков не испытывал уважения к новому члену семьи, именно И.П. Воскресенский оказался в это время его единомышленником в вопросах веры и вероисповедания: «Находит поддержку у Ивана Павловича... Иван Павлович был, по-видимому, совершенно равнодушен к религии и спокойно атеистичен <...>»⁴. Также достойного собеседника М.А. Булгаков нашел в лице венчавшего его и Т.Н. Лаппа сослуживца и друга отца, профессора Киевской академии протоиерея Александра Глаголева, знатока еврейского языка и обычаев, специалиста по демонологии и ангелологии. А.Н. Варламов считает, что беседы Булгакова и Глаголева сильно отличались от яростных баталий сына и матери, но не смогли стать залогом возвращения будущего

¹ Там же. С. 38.

² Там же. С. 38.

³ Цит по: Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 40.

⁴ Цит по: Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 40.

автора «Мастера и Маргариты» в лоно Церкви, хотя он окончательно для себя проблему «веры и безверия»¹ на тот момент не решил (но, по свидетельству жены, не носил нательного креста).

А.Н. Варламов подчеркивает, что Булгаков стал не просто «блудным сыном, ушедшим от призвания своего отца, деда и прадеда, но и других к тому же с успехом подталкивал»² (например, друзей-семинаристов, из-за постоянных его насмешек сменивших духовное училище на университет).

Следует заметить, что биограф намеренно выстраивает повествование таким образом, что все его сюжетные линии и формальные связи нацелены на то, чтобы выпукло представить для читателя и вместе с ним осознать путь М.А. Булгакова от православия и от религии вообще. Так, среди примеров важно отметить факт аборта Т.Н. Лаппы незадолго до вступления в брак с М.А. Булгаковым, что А.Н. Варламов сразу же связывает с «удаленностью» будущего писателя (и будущей его жены) от Церкви. Этот факт наглядно показывает «реальность и не бутафорность» этой «удаленности»³. Абсолютная греховность с точки зрения Церкви задуманного не испугала молодую женщину: данная операция была совершена при согласии Булгакова, а возможно и под его влиянием⁴. К тому же по причине полного расхода свадебных денег на аборт, венчание мало походило на общепринятое и традиционное мероприятие прежде всего ввиду отсутствия внешней и внутренней правильности и серьезности действия (у невесты не было фаты и подвенечного платья, молодожены плохо говели перед обрядом, а на самом венчании хохотали; сам М.А. Булгаков мало внимал напутственным словам священника)⁵.

¹ Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 59.

² Там же С. 43.

³ Там же. С. 56–57.

⁴ Решение о втором аборте, сделанном в 1917 г., как пишет Варламов ссылаясь на М.О. Чудакову, приняла Т.Н. Лаппа, опять же, сама, но после разговора с мужем (См. Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 65).

⁵ Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С.56.

Как мы уже видели, в «Михаиле Булгакове» так же, как и в предыдущих жизнеописаниях, А.Н. Варламов перемежает биографическое повествование различными по объему, но всегда значимыми литературоведческими вкраплениями, иллюстрирующими произведения героя-писателя. Эти вкрапления с многочисленными документальными вставками-цитатами нередко представляют собой анализ отдельных аспектов булгаковских текстов, связующих воедино биографический и творческий нарративные планы текста; разнообразны художественные ситуации, прообразами которых стали непосредственно события жизни самого М.А. Булгакова (печальный морфинистский опыт прозаика и рассказ «Морфий») и его ближайшего окружения.

Специфичен прием использования в одном контексте отсылок к разным произведениям, соответствующим какому-либо эпизоду из жизни М.А. Булгакова. Так, факты морфинистских скитаний писателя в трансформированном виде перетекают в его прозу, сначала в рассказ «Морфий», затем в роман «Мастер и Маргарита»: «Больница Булгакова спасти не могла, это был способен сделать только очень близкий человек. <...> В каком-то смысле психологический рисунок отношений между тяжело больным доктором Сергеем Васильевичем Поляковым и его возлюбленной Анной, с одной стороны, и душевно больным Мастером, у которого нет имени, и его тайной женой Маргаритой – с другой, совпадет»¹.

Уделяет внимание А.Н. Варламов и другим аспектам «контекстуальности» прозы М.А. Булгакова, в частности тому, какую роль сыграла русская классика в работе писателя над собственными произведениями, какой уровень диалога с русской классической литературой присутствовал в них. В «Необыкновенных приключениях доктора» и в других ранних рассказах периода службы М.А. Булгакова у белых его герой вступает в «серьезный и иронический» спор с М.Ю. Лермонтовым: «Противный этот

¹ Там же. С. 73.

Лермонтов. Всегда терпеть не мог. Хаджи. Узун. В красном переплете в одном томе. На переплете золотой офицер с незрячими глазами и эполеты крылышками»¹. Позднее эта своеобразная дискуссия будет продолжена в «Белой гвардии» – уже с Ф.М. Достоевским. «<...> горький жизненный опыт и русская литературная традиция, – считает Варламов, – стали вечными спутниками и наставниками молодого автора»².

А.Н. Варламов в полемике с другими биографами, писавшими о моменте рождения Булгакова-писателя, использует порой те же примеры из жизни героя, оперирует той же терминологией, что и участники полемики, но защищая своего персонажа от нередко необоснованных нападков некоторых специалистов и разрушая их субъективные гипотезы (примеры этого ниже).

Со свойственной ему объективностью А.Н. Варламов не пытается связывать начало литературной деятельности М.А. Булгакова со случаем совместного с женой принятия кокаина, хотя и апеллирует к некоторым исследователям, пытавшимся синхронизировать то и другое, обращаясь в большей степени к рецидиву – последующему пристрастию писателя к морфию. К этому времени биограф относит написание Булгаковым одного из первых рассказов «Огненный змей», развивающего тематику подобного рода опытов (только в тексте – с алкоголем), но не стремится объединять начало «безверия» писателя и некоторое увлечение его наркотическими веществами. Тем не менее А.Н. Варламов подчеркивает, что кокаиновые эксперименты и «с точки зрения истории литературы не [были случайными] и [несли] на себе зловещую метку времени»³.

Отстаивая свою позицию в споре с упоминавшимся исследователем Н. Никоновым, актуализировавшим тематику наркотиков в жизни Булгакова и рассматривающим морфинизм и литературное творчество писателя в прямой зависимости второго от первого, А.Н. Варламов превращает аргументы

¹ Цит. по: Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 125.

² Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 126.

³ Там же. С. 62.

ученого в контраргументы, опровергающие его же теорию. Н. Никонов утверждает главным образом мысль о том, что «Морфий убил Булгакова-врача и родил Булгакова-писателя»¹, проводя параллели между инициацией шамана, нередко включающей употребление психотропных веществ, и «посвящение в литературу»² М.А. Булгакова посредством регулярного принятия морфия. В итоге исследователь приходит к выводу о заключении некоего договора писателя с inferнальными силами через наркотический опыт и появлении нового Фауста, Фауста XX века в лице М.А. Булгакова. А.Н. Варламов, анализируя представленные доводы, указывает на противоположные аспекты, не затронутые Н. Никоновым. Морфинизм писателя связан не с «заключением договора с сатаной», а с самопожертвованием ради спасения больного ребенка; аналогии с Фаустом также неправомерны ввиду невозможности отождествления ситуаций, в которых находились «гетевский доктор» и «русский земский врач»³. Кроме того, автор биографии находит особый мистический код судьбы в пристрастии Булгакова к морфию: «в судьбе большого писателя ничего случайного нет. Та интоксикация, которая переживалась российским обществом, была пережита им буквально»⁴. Варламов приводит массу примеров такого рода знаков на страницах своей книги.

Конечно, нет смысла отрицать, что М.А. Булгакова «питало не только светлое, но и темное начало»⁵, и Варламов говорит об этом, но подчеркивает: «никакого сознательного заигрывания с нечистой силой у Булгакова не было и, например, чудовищное брюсовское –

Хочу, чтоб всюду плавала свободная ладья,

И Господа, и дьявола хочу прославить я, –

¹ Цит по: Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 76.

² Там же. С. 75.

³ Там же. С. 76.

⁴ Код судьбы // Российская газета. 2008. № 4598. С. 10.

⁵ Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 78.

к Булгакову никакого отношения не имело ни в молодости, ни в пору написания “Мастера и Маргариты”»¹. В своих интервью биограф подтверждает эту мысль, говоря: «Для того чтобы стать писателем, в какой-то момент надо пройти через трагическое мироощущение»². Это утверждение достаточно типично для русского культурного сознания и может быть применено не к одной писательской судьбе, но в контексте всего интервью понятно, что А.Н. Варламов говорит о трагизме как синониме потере веры.

Важно заметить, что Варламов склонен воспринимать жизнь и творчество своего героя в их подчиненности судьбе. Именно сквозь такую метафизическую призму видит автор анализируемой книги своего героя. Внешняя причина исцеления Булгакова для биографа – в переезде его из тоскливых мест близ Никольского и Вязьмы в Киев, к братьям и сестрам, внутренний фактор – в подписании «контракта с судьбою <...> отныне не он выстраивал свою жизнь, а [мойры] <...> указывали ему путь»³. Мотив судьбы становится ключевым для автора биографии так же, как и для ее героя и его произведений.

Магистральный момент в судьбе писателя, относимый к началу февраля 1919 г. – времени насильственной его мобилизации в армию петлюровцев, в которой он недолго пробыл врачом, отразился в нескольких его текстах, таких как «Необыкновенные приключения доктора», «В ночь на 3-е число» и «Я убил». Фразовая переключка писем М.А. Булгакова и первого из перечисленных рассказов налицо: «За что ты гонишь меня, судьба. <...> Моя специальность – бактериология. Моя любовь – зеленая лампа и книги в моем кабинете. Я с детства ненавидел Фенимора Купера, Шерлока Холмса, тигров и ружейные выстрелы, Наполеона, войны и всякого рода молодецкие подвиги матроса Кошки. У меня нет к этому склонности. У меня склонность к бактериологии»⁴.

¹ Там же. С. 78

² Код судьбы // Российская газета. 2008. № 4598. С. 10.

³ Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 87.

⁴ Цит по: Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 116–117.

По мысли А.Н. Варламова, М.А. Булгаков зимой 1919 г., попав в войска С. Петлюры, испытал сильнейшее потрясение, ставшее едва ли не главным фактором, повлиявшим на киевского врача-венеролога в плане его литературного становления: «В этом смысле петлюровцы не меньше кокаина и морфия приложили руку к тому, чтобы убить Булгакова-врача и родить Булгакова-писателя, и жестокая эта работа была впоследствии продолжена и красными, и белыми – неслучайно, подытоживая свои “необыкновенные приключения доктора”, его иронический герой констатирует как непреложный факт: “В один год я перевидал столько, что хватило бы Майн Рида на 10 томов. Но я не Майн Рид и не Буссенар”»¹.

Если говорить о более-менее точно датируемом временном отрезке т.н. окончательного перерождения героя, то сам А.Н. Варламов вслед за фактами предлагает середину февраля 1920 г. Биограф апеллирует к фразе М.А. Булгакова, адресуемой П.С. Попову и встречающейся во всех жизнеописаниях прозаика: «Пережил душевный перелом 15 февраля 1920 года, когда навсегда бросил медицину и отдался литературе»². И здесь Варламов спорит с М.О. Чудаковой, считающей слова о «душевном переломе» напрямую связанными с катастрофой белого движения, т.е. завершающим толчком, обусловившим поворот Булгакова исключительно к писательству, было известие о полном провале белых. Логичнее предполагать, отмечает автор «Михаила Булгакова», что героя сподвиг на такой финальный шаг «первый литературный успех, литературное призвание, наконец, попросту свое увиденное имя среди имен уже состоявшихся писателей, хотя бы и третьего ряда»³. Важно заметить, что Варламов указывает читателю на особое мистическое совпадение, на наш взгляд важное для авторской концепции кода судьбы Булгакова, концепции, которую мы уже косвенно затронули при рассмотрении причин морфинизма писателя и к которой мы еще вернемся:

¹ Там же. С. 119.

² Там же. С. 132.

³ Там же. С. 132.

обращение писателя к литературе «случилось как раз в тот день, когда Церковь празднует Сретение <...>»¹.

Литературный труд, по справедливому заключению А.Н. Варламова, не был для М.А. Булгакова «радостью, творческим самозабвением», но чаще всего оказывался соединенным с «унынием, мукой, печалью, притом, что столько радости, легкости, юмора было в его писаниях»². Причину этой двойственности биограф опять-таки склонен видеть в роковых происках, причем сам М.А. Булгаков был не удовлетворен тем, как складывалась его литературная судьба: «Препятствия, неудобства, недоразумения <...> сопутствовали Булгакову с первых шагов и стали горьким девизом его пути. Можно так сказать: гений Булгакова родился под одной из самых счастливых звезд, его прижизненная судьба – под одной из самых несчастных, и эти два полюса и создали то напряжение, которым переполнены булгаковские тексты от первых до последних»³. Для Булгакова судьба в широком смысле «насмешница»: «“Ну и судьба! Ну и судьба!” – восклицал он в другом письме того времени, и этот возглас прошел сквозь всю его жизнь»⁴.

На наш взгляд, А.Н. Варламов все же метафизически связывает постоянно преследующую писателя судьбу с его вероотступничеством в том плане, что последнее непременно влечет за собой первое. Столкновения с фатумом проистекают из нерешенного сокровенного вопроса о соотношении темных и светлых сил в мироздании и микрокосме, главное – в художнике-демиурге.

Поворот из Владикавказа в Москву А.Н. Варламов косвенно соотносит с продолжающимися терзать писателя религиозными противоречиями. Внешне стремящийся успеть получить «призы жизни» (в соответствии с созданной им теорией «лестницы жизни»), о которой говорит в своих воспоминаниях Эмиль

¹ Там же. С. 132.

² Там же. С. 155.

³ Там же. С. 155.

⁴ Там же. С. 155.

Миндлин¹), мечтавший совершить трансцендентальный побег, писатель должен был последовательно охарактеризовать и внедриться в главные советские проблемы «<...> большевики, <...> нэп, <...> литературная шпана, <...> власть, чтобы приблизиться к главному – вопросу о добре и зле, о Боге и сатане»².

Судьба и случай, по мысли А.Н. Варламова, не позволили писателю уехать из России ни в период Гражданской войны, когда это было еще возможно, ни позднее, когда это стало практически неосуществимо: «...судьба и случай <...> сделали так, чтобы в конце зимы – начале весны 1920 года <...> Булгаков, отправившись в Пятигорск, подцепил тифозную вошь, и крохотное насекомое под рубашкой развернуло его и стало такой же преградой на пути за рубеж, как десятилетие спустя вся могущественная советская система во главе с ее литературно озабоченным вождем»³. А.Н. Варламов, следуя логике событий и сопоставляя творчество Булгакова и литераторов русского зарубежья, приходит к справедливому заключению, что а priori он должен был покинуть Россию и оказаться рядом с писателями, близкими ему по духу и мировоззрению: В.В. Набоковым, Г. Газдановым, Р. Гулем, Б. Поплавским. Но, подчеркнем принципиальность момента для Варламова, из-за того что жизнью Булгакова управлял случай, «в самые критические минуты <...> выбора <...> не было: ту дорогу, по которой Михаил Булгаков так желал бы пойти, перед ним закрыла судьба <...>»⁴. В этом, считает биограф, отличие героя от названных (и многих других) авторов, «которые свою жизнь делали сами»⁵.

¹ «У него [Булгакова] даже была своя теория “жизненной лестницы”. У каждого возраста – по этой теории – свой “приз жизни”. Эти “призы жизни” распределяются по жизненной лестнице – все растут, приближаясь к вершинной ступени, и от вершины спускаются вниз, постепенно сходя на нет» (Миндлин. Э Молодой Булгаков // Воспоминания о Михаиле Булгакове / Сост. Е.С. Булгакова, С. А. Ляндрес. М.: Советский писатель, 1988. С. 150).

² Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 179.

³ Там же. С. 137.

⁴ Там же. С. 137.

⁵ Там же. С. 137.

Характерно, что А.Н. Варламов стремится найти переключки в жизненных перипетиях писателей, ставших героями его биографий. Так автор обнаруживает общие черты обстоятельств, в которых оказались М.А. Булгаков и М.М. Пришвин: первый в 1916–1917 гг., второй – в 1920 г. Оба «страдали от крестьян»¹, оба пытались разрядить трудные жизненные ситуации наркотическим эскапизмом (у Пришвина дальше размышлений о подобной возможности не идет)². На наш взгляд, такие параллели могут выглядеть несколько надуманными, в отличие от наблюдаемых автором в первых книгах «ЖЗЛ», как мы отмечали ранее, сходных биографических моментов, действительно сближающих разных писателей и поэтов Серебряного века (Пришвин, Бунин, Блок и др.).

Тем не менее, не единожды связывает А.Н. Варламов двух, казалось бы, совсем не похожих писателей – М.А. Булгакова и М.М. Пришвина. Биограф отмечает очевидное и в то же время незаметное для читателя: не пересекавшиеся в жизни, не бывшие лично знакомыми, шедшие в литературе, творчестве совершенно разными путями, писавшие на абсолютно далекие друг от друга темы, авторы все же, по мысли Варламова, имели точки соприкосновения. В отношении к революции и новой власти у обоих были свои «контрапункты: сначала яростное неприятие революции и нового строя, затем попытка – у каждого своя – занять в чуждом им обществе строителей коммунизма личную нишу»³. Ощущение радости от возвращения к нормальной жизни, нарождающейся советской реальности из хаоса войны и голода у писателя сходно настолько же, насколько и различно, по мысли А.Н. Варламова. Для Пришвина, живущего в 1922 г. в деревне под Талдомом, новая жизнь ассоциировалась с природой и охотой, для Булгакова, как истинного горожанина, – с необходимостью еще большей работы для восстановления порядка, новой систематизации окружающего: «Пришвин

¹ Там же. С. 68.

² Там же. С. 68–69.

³ Там же. С. 214.

больше деревенщик, “природник”, Булгаков – убежденный горожанин, который искал порядка в нарождающейся советской жизни, осторожно, недоверчиво, придирчиво, хотел жить в стране, которая после страшного потрясения, после всеобщего умопомрачения и смертельного заболевания выздоровеет, как выздоровел он сам от тифа и морфия; как врач он знал, что это будет нескоро, знал, что такие болезни не проходят без последствий, но верил, что всякий живой организм обладает способностью к самовосстановлению»¹. Именно таким призывом пронизана проза Булгакова тех лет, но самое главное различие двух авторов Варламов видит в другом – в диаметрально противоположном методе выстраивания своей профессиональной писательской деятельности в коллегиальных масштабах и в советском обществе в целом. В этом смысле в тексте снова появляется слово «судьба»: «Если Пришвин выстраивал писательскую судьбу, уходя с магистральной дороги на боковые тропки, то от Булгакова не зависело ничего, и судьба сама гнала его по пыльному большаку, не позволяя уклонений и отлучек»². Если Пришвин мог «благоразумно» и избирательно относиться к своему творчеству, не затрагивать определенных, «скользких» для современности тем и вопросов, отходить на время от тех или иных не «актуальных» для советского государства проблем, то Булгаков «свернуть на укромную тропинку не захотел, не смог, не сумел; он не пытался ни прятаться, ни маскироваться и вел себя вызывающе, подставлялся, раздражал (что, впрочем, потом сыграло добрую службу в его отношениях со Сталиным, вернее, в отношении Сталина к нему); его каждое новое произведение было опаснее старого, он бил не в бровь, а в глаз, и искал счастья не для себя одного, но для всех»³. Ключевое сочетание в приведенной фразе, конечно, «счастье не для себя одного»⁴. В документах и воспоминаниях М.А. Булгаков вроде бы предстает эгоистичным человеком, и в этом опять противоречие в

¹ Там же. С. 215.

² Там же. С. 215.

³ Там же. С. 215.

⁴ Там же. С. 215.

булгаковской натуре: будучи таким в глазах современников и близких людей, он не мыслил себя вне своего, как справедливо замечает Варламов, «пусть не народа – сословия, русской интеллигенции, и был готов эту судьбу [снова «судьба» – В.Ч.] делить и за нее платить»¹.

В этот контекст А.Н. Варламов вводит А.Н. Толстого, уже упоминавшегося в книге ранее и гораздо больше Пришвина имеющего отношение к ее герою. Биограф указывает здесь на принципиальное отличие Булгакова от Толстого, бывшего эгоистичным не просто в быту, но мировоззренчески: «Вернувшийся в Советский Союз в 1923 году и очень скоро понявший, что его обманули, заманили в нищету и бросили на съедение литературной шпане, Толстой <...> сообразил, что радости для всех граждан в социалистическом раю не хватит, и кинулся устраивать собственную жизнь отдельно от жизни своих читателей и героев»². Варламов подчеркивает, что Булгаков следил за творчеством и успехами Толстого не только из-за понимания его профессионализма, но и в силу того, что проза последнего «не была выстрадана и оплачена личной судьбой <...> давалась ему за счет трудолюбия, усидчивости и врожденной легкости письма»³. Позже Булгаков все же дает выход скрытой неприязни к А.Н. Толстому. А.Н. Варламов подробно останавливается на претворении отношений писателей в «Театральном романе», где красный граф сатирически изображен под именем Измаила Александровича Бондаревского, и указывает на стремление Булгакова вычеркнуть факт знакомства с А.Н. Толстым из собственной биографии.

А.Н. Толстой появляется в тексте «Михаила Булгакова» в сравнении с его героем. Варламов указывает на еще одно принципиальное отличие Булгакова от Толстого: первый был требователен к себе и окружающим и как следствие «литературно чисто плотен <...> до безгливости <...>»⁴, а потому не искал

¹ Там же. С. 216.

² Там же. С. 216.

³ Там же. С. 216.

⁴ Там же. С. 213.

сотрудничества со сменовеховской «исключительной сволочью» (возникшему в русской эмиграции первой волны идейно-политическому течению, выступавшему за примирение и сотрудничество с СССР, посвящена целая глава книги – «Компания исключительной сволочи»), в то время как Алексей Толстой ее «беззаботно возглавлял», будучи «беспечным и литературно беспринципным» человеком¹.

Важно отметить самое главное для нас: А.Н. Варламов возвращает читателя к своим предшествующим книгам серии «ЖЗЛ», в данном случае, к «Пришвину» и «Алексею Толстому», что позволяет нам говорить о едином рецепционном контексте рассматриваемых литературных портретов, а сами шесть произведений о писателях, являющихся объектом исследования, воспринимать как единый текст.

Уже к четвертой книге А.Н. Варламова появляется возможность говорить о написанном им как о едином тексте. Общность биографий задается единством эпохи, в которую жили писатели, и, уже, единством культурного и литературного пространства. Некоторые из героев-писателей были знакомы лично, эти сюжеты личных отношений, обращение к одним и тем же ситуациям, но освещенным с разных сторон, создают эффект стереоскопической картины, складывающейся в едином тексте биографий. К связующим моментам необходимо отнести и уже рассмотренный нами, иногда даже чуть искусственный, как в случае с Пришвиным и Булгаковым, параллелизм нравственных коллизий героев. Однако единство своих биографий А.Н. Варламов укрепит не только путем количественного увеличения отмеченных связей, но и за счет соединения всех мотивов в одном тексте и одной фигуре, принадлежащим уже другому времени. Речь идет об объединяющей роли биографии «Шукшин», о чем далее.

Относительно связи «Михаила Булгакова» и «Алексея Толстого» можно добавить, что даже отдельные выдержки из документов переносятся из одной

¹ Там же. С. 213–214.

книги в другую. Достаточно привести один характерный пример дневниковой записи М.А. Булгакова, встречающейся и в «Алексее Толстом», написанном до «Михаила Булгакова», и, собственно, в анализируемой книге: «Из Берлина приехал граф Алексей Толстой. Держит себя распущенно и наглогато. Много пьет»¹. Булгаков часто появляется в связи с Толстым непосредственно в предыдущей книге, вплоть до перенесения в текст о Булгакове нескольких слегка видоизмененных пассажей о Толстом (цитаты из документов и комментариев к ним) (ср. главы «Back in the USSR» первого и «Компания исключительной сволочи» второго)².

Известный телефонный разговор со Сталиным, после которого литературная жизнь М.А. Булгакова в плане публикаций новых произведений резко пошла на спад, спровоцировавший в дальнейшем знаменитое письмо вождю с просьбой о разрешении на выезд за границу за неимением возможности продолжать нормальное существование без достаточных материальных средств, состоялся 18 апреля 1930 года. Это особый день – Страстная пятница – и здесь мы возвращаемся к варламовской концепции кода судьбы: «это был код судьбы. Булгаков, который до этого был абсолютно свободным, эту свободу потерял. В его сердце вошла иллюзия об особом отношении Сталина к нему»³. Еще один знак кода судьбы, самый главный по Варламову, виден в том, что смерть писателя припала на Прощеное воскресенье (10 марта 1940 г.). А.Н. Варламову, человеку глубоко верующему, вряд ли близко религиозное отступничество героя. Но, как писатель и православный христианин, он стремится понять его, сочувствовать и сострадать ему: «Я сумел полюбить своего героя – несмотря на все его заблуждения. <...> Мне не близко его мировоззрение, но ведь человек не сводится только к своему мировоззрению... Есть в биографии Булгакова две

¹ Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 216; Варламов А.Н. Алексей Толстой. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 311–315.

² Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 216–221; Варламов А.Н. Алексей Толстой. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 311–315.

³ Код судьбы // Российская газета. 2008. № 4598. С. 10.

даты, в которых я вижу нечто сокровенное. Знаменитый его разговор со Сталиным состоялся в Страстную Пятницу, а умер он в Прощеное Воскресенье. И я надеюсь, что он – прощен»¹.

Аналогия того «кода судьбы», который видит в жизни Булгакова А.Н. Варламов, была выявлена в работах Б.М. Гаспарова. Сложный мифологический метасюжет объединяет не только произведения, но и судьбу писателя. Однако для Б.М. Гаспарова этот сюжет имеет иную онтологическую природу: это не высшая объективная реальность, а результат целенаправленной активности самого писателя: «Булгаков постоянно сознательно выстраивает параллели между своей жизнью и жизнью своих героев, мифологизируя элементы своей биографии в соответствии с категориями своего художественного мира»².

Слово «судьба» всегда используется А.Н. Варламовым в книге, когда речь заходит о действительно поворотных событиях в жизни Булгакова: первой женитьбе³, насильной его мобилизации в ряды петлюровской армии⁴, тифе, «закрывшем» писателю путь за границу⁵ и т.п. Присутствует оно и в связи с творческими поисками Булгакова-художника⁶, литературной службой в Москве⁷ и др. Однако фатум особенно тяготел над М.А. Булгаковым в отношении его желания перебраться на жительство за границу. Потерянный вследствие болезни шанс уехать, бегство из Владикавказа из-за угрозы расстрела как бывшего белогвардейца в 1921 г. с намерением эмигрировать, наконец, письмо Сталину с прошением о предоставлении возможности выезда – всё оказалось тщетным.

¹ Бег от судьбы. Алексей Варламов об авторе «Мастера и Маргариты». Беседовал Виталий Каплан // Фома. №11(67). Ноябрь 2008. С.95-98,100.

² Гаспаров Б.М. Новый Завет в произведениях М.А. Булгакова // Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. М.: Наука, 1994. С. 109.

³ Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 65.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ Там же. С. 137.

⁶ Там же. С. 87, 116,155.

⁷ Там же. С. 197.

А.Н. Варламов видит причину раннего отхода М.А. Булгакова от Бога и церкви далеко не только в семейных разногласиях и не столько в профессиональном занятии героя медициной или дальнейшем увлечении его идеями Ф. Ницше и Ч. Дарвина. Автор склонен усматривать здесь своего рода мистический аспект, присутствующий в творческом акте художника: «Булгаков был обречен на отпадение от веры, потому что был писателем от Бога. <...> Он был писателем свыше по тому удивительному дару, который был ему дан, но и все издержки профессии сказались в его судьбе с невероятной силой – здесь воплощение извечного сюжета о том, что душа человеческая есть поле битвы между Богом и дьяволом»¹.

3.2. «Андрей Платонов»: специфика репрезентации творчества

По словам автора книги «Андрей Платонов», первое прикосновение его как исследователя к изучению творчества «героя» произошло еще в 1990-х гг. во время работы над кандидатской диссертацией, в которой помимо прочих затрагивался вопрос об интерпретации романа «Чевенгур»². Непосредственная работа над пятым литературным портретом – писателя А.П. Платонова – велась А.Н. Варламовым в течение трех лет³.

Нами уже упоминалось, что, как считают большинство специалистов, целостной биографической книги о Платонове до Варламова не существовало (наименования их исследований биограф включил в краткую библиографию к книге). В каждом из таких изданий платоноведы обращали внимание лишь на отдельные периоды жизни и некоторые стороны писательской деятельности

¹ Там же. С. 45.

² Варламов А.Н. Апокалиптические мотивы в русской прозе конца XX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 16 с; Лепендин П. Алексей Варламов: жизнь Андрея Платонова окутывают мистика и тайна [Электронный ресурс] // Культура ВРН, 10.03.2011. Режим доступа: URL: <http://culturavr.ru/person/3692> (Дата обращения: 26.11.2019).

³ Лепендин П. Алексей Варламов: жизнь Андрея Платонова окутывают мистика и тайна [Электронный ресурс] // Культура ВРН, 10.03.2011. Режим доступа: URL: <http://culturavr.ru/person/3692> (Дата обращения: 26.11.2019).

художника. Однако выход «Андрея Платонова» в серии «ЖЗЛ», как метко выразился критик Анатолий Рясов, «одновременно обрадовал и насторожил»¹.

Действительно, мнения большинства рецензентов свелись к тому, что энтузиазм, связанный с появлением первой полноценной книги о Платонове, сменяется если не разочарованностью, то определенным обманом их ожиданий. Сам автор предчувствовал подобный эффект, о чем заявлял в беседах, посвященных своему труду («Когда выйдет моя книга о Платонове, критики на нее, не сомневаюсь, будет с лихвой и, наверняка, многое за дело»²). В одном из интервью он прямо говорит, что оптимального результата при работе над биографией Платонова можно достичь лишь общими усилиями, «о Платонове <...> невозможно писать одному человеку»³, этот писатель требует непрерывного освоения. Верное понимание задачи, которую ставил перед собой А.Н. Варламов, едва ли не единственный, продемонстрировал исследователь Александр Гришин в своем отзыве на книгу: «Алексей Варламов и взял на себя задачу написать именно такую биографию – не стремящуюся стать истиной в последней инстанции, но намечающую путь для автора “белового” варианта книги о классике XX века»⁴. Цель Варламова – в систематизации сведений о Платонове, и, в общем, он достиг этой цели, хотя и остался не понят критиками.

Среди отрицательных рецензий особенно выделяется работа Николая Боровко, подвергнувшего книгу А.Н. Варламова очень взыскательному анализу, полностью раскритиковав ее на формальном и содержательном уровнях⁵. Особенно скрупулезно рецензент разбирает лексикон биографии, фиксируя все словесные недочеты и погрешности, а также подробно останавливаясь на всех примерах смешения стилей. Вероятно, с частью таких замечаний

¹ Рясов А. Платонов: идеология, язык, бытие // Новое литературное обозрение. 2002. № 1. С. 325.

² Касько И. Интервью с Алексеем Варламовым [Электронный ресурс] // livejournal, 17.07.2010. Режим доступа: URL: <https://kritik-1972.livejournal.com/5579.html> (Дата обращения: 26.11.2019).

³ Хорькова М., Пахомова Е. Андрей Платонов – неоткрытая планета [Электронный ресурс] // Татьяна день, 22.09.2009. Режим доступа: URL: <http://www.taday.ru/text/218674.html> (Дата обращения: 26.11.2019).

⁴ Гришин А. Тайна за семью печатями // Нева. 2011. № 8. С. 194.

⁵ Боровко Н. Бедный Платонов [Электронный ресурс] / Н. Боровко // Проза.ру, 10.08.2011. Режим доступа: URL: <http://www.proza.ru/2011/08/10/951> (Дата обращения: 26.11.2019).

согласиться можно, тем более Н. Боровко не первый, кто делает акцент на несовершенствах варламовского слога. Так, гораздо более лояльный к А.Н. Варламову А. Рясов, также учитывая минусы книги («стиль изложения, странно балансирующий между историко-филологическим дискурсом и популярной публицистикой, не чурающейся сугубо оценочных высказываний и банальностей»¹), всё же указывает на то, что перед читателем не научная биография, а, в соответствии с авторским замыслом, беллетризованная². В принципе, об этом говорит и Н. Боровко, но язык его высказываний излишне эмоционален, а интонации приобретают порой оскорбительный характер. Приведем вполне нейтральный по сравнению с другими пример из рецензии: «Наверное, это – “расширение русского языка”? Непринужденность самовыражения?»³ (о специфике окказионального словоупотребления А.Н. Варламова).

Вслед за Н. Боровко приблизительно в том же ключе рассуждает о книге Е.А. Яблоков, также подчеркивая, рассмотрев сугубо содержательные ее аспекты, что в ней отсутствует «научная основательность», а сам А.П. Платонов не раскрыт: «Претензия главная состоит в том, что, по-моему, если ты говоришь не просто о человеке, а о человеке «замечательном», так ты должен личность этого человека преподать читателю не просто саму по себе – свод фактов. Но ежели ты хочешь эту фактуру, эту хронику связать с той сутью личности, ради которой, вообще говоря, ты его и считаешь замечательным человеком, так ты должен объяснить, как его биография преломилась в его произведениях, и как получилось, что такой человек написал именно такие

¹ Рясов А. Платонов: идеология, язык, бытие // Новое литературное обозрение. 2002. № 1. С. 327.

² В интервью Варламов подчеркивает: «Я ставил целью написать портрет Платонова, а не полную, научную летопись его жизни» (Лепендин П. Алексей Варламов: жизнь Андрея Платонова окутывают мистика и тайна [Электронный ресурс] // Культура ВРН, 10.03.2011. Режим доступа: URL: <http://culturavrn.ru/person/3692> (Дата обращения: 26.11.2019)).

³ Боровко Н. Бедный Платонов [Электронный ресурс] / Н. Боровко // Проза.ру, 10.08.2011. Режим доступа: URL: <http://www.proza.ru/2011/08/10/951> (Дата обращения: 26.11.2019).

книги. Чем он знаменит, чем он отличается, чем он замечателен, как писатель»¹.

Постараемся выяснить, удалось ли А.Н. Варламову показать, насколько воплотился А.П. Платонов в своих произведениях, насколько аргументированной оказалась авторская рецепция этих произведений и насколько оправданы замечания критиков.

Как справедливо указал прозаик и эссеист А. Рясов, и это специфично для всех книг А.Н. Варламова о писателях, биограф пытается «связать художественный мир Платонова с теми или иными моментами его жизни»².

Вхождение А.П. Платонова в литературу А.Н. Варламов обуславливает в первую очередь его стремлением «выполнить внятное ему читательское требование пользы и доброты от чтения»³. И в 1921 г. Платонов прекращает писать, уйдя в мелиорацию, что объясняется невозможностью непрактического действия в условиях, когда стране необходимы люди «предметного труда». Возвращаясь в писательство, Платонов ставит перед собой вполне конкретную задачу – объяснить, почему он оставляет теперь инженерную, «настоящую» деятельность ради занятий такими «пустяками», как литература⁴. Собственно, по мысли Варламова, Платонов подходил к литературному творчеству утилитарно, т.е. с точки зрения полезности для своего читателя. Потому, считает биограф, у писателя достаточно много дидактики и даже «морализаторства» в произведениях⁵. Кроме того, по мнению А.Н. Варламова, Платонов «остается при убеждении, что <...> [писательство] – дело второстепенное в стране, где строят социализм.

¹ Споры об Андрее Платонове [Электронный ресурс] // Радио Свобода, 29.04.2011. Режим доступа: URL: <https://www.svoboda.org/a/16797510.html> (Дата обращения: 26.11.2019). Стоит заметить, что этот пассаж исследователя парирует другой участник спора об исследуемой книге, писатель Д.Л. Быков (сам автор книги из серии «ЖЗЛ»): «У книги Варламова есть существенные недостатки: она местами компилятивна, она не достаточно концептуальна, своего образа Платонова у Варламова нет, но там есть масса точных и ценных наблюдений, и вообще сделай лучше, ради бога, мы же не закрываем серию «ЖЗЛ» – иногда 2, 3 книги дают об одном и том же человеке».

² Рясов А. Платонов: идеология, язык, бытие // Новое литературное обозрение. 2002. № 1. С. 327.

³ Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 119.

⁴ Там же. С. 119.

⁵ Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 246.

Платонов не был литературным человеком – он сознательно дистанцировался от литературы»¹. Однако, на наш взгляд, Платонов рассматривал ремесло и искусство в едином ракурсе, и изначально отождествлял одно с другим, постепенно приходя к осознанию доминанты второго над первым. Тезис о том, что Платонов определенным образом сознательно дистанцируется от современного ему литературного процесса, опровергает недавно вышедшая книга Н.М. Малыгиной². Уже в статье «Пушкин – наш товарищ» (1937 г.) Платонов сам говорит о первостепенной роли литературы, впоследствии художник облек это понимание в знаменитую словесную формулировку: «Рабочий должен глубоко понимать, что ведер и паровозов можно наделать сколько угодно, а песню и волнение сделать нельзя. Песня дороже вещей, она человека к человеку приближает. А это трудней и нужнее всего...»³

Рассматривая три главных произведения тамбовского периода, «Эфирный тракт», «Епифанские шлюзы» и «Город Градов», где А.П. Платонов обращается к истории и предлагает читателю свой образ времени, соответственно будущего, прошлого и настоящего, Варламов в своем анализе базируется на интерпретации мотива «выковки судьбы» и переоценки понятий истории и природы⁴. С одной стороны, не соглашаясь с точкой зрения издателей, отнесших повесть «Эфирный тракт» к фантастическому жанру (текст появился в печати только в 1960-м г. в купированном виде), А.Н. Варламов впадает в другую крайность, определяя данное произведение как исключительно «идеологическое», «программное» в творчестве А.П. Платонова⁵. Однако органически соприкасающаяся по тематике с двумя не публиковавшимися при жизни писателя статьями (на это указывает биограф) «Симфония сознания» и «Питомник нового человека» проблематика повести не исчерпывается лишь советской идеологией. Здесь все еще просматривается

¹ Там же.

² Малыгина Н.М. Андрей Платонов и литературная Москва. М.; СПб: Нестор – История, 2018. 592 с.

³ Платонов А. Деревянное растение. Из записных книжек. М.: Правда, 1990. С. 43.

⁴ Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 93.

⁵ Там же. С. 94.

характерный для Платонова воронежского периода философский, гностический, уровень содержания, выраженный в двух названных статьях, суть которых А.Н. Варламов излагает верно, но его привязка смысла текстов статей и названной повести сугубо к советским реалиям, на наш взгляд, является не совсем точной.

Истоки утопического сознания Платонова в «Эфирном тракте», как и в других его начальных текстах нужно искать в гностицизме, это весьма последовательно и убедительно доказывает А.П. Казаркин в своей работе «Демииурги и апокалиптики А. Платонова (к проблеме “Платонов и гностицизм”»)¹. Данная работа была опубликована спустя пять лет после выхода анализируемой книги, тем не менее возможность гностической трактовки названных произведений утверждалась учеными гораздо раньше и неоднократно (В. Зеньковский, А. Лосев, Е. Колесникова, С. Семенова и др.). Мотивы, прослеживающиеся в «Эфирном тракте» и перечисляемые Варламовым («противостояние человека и стихии», «зависимость от природы», «размножение материи»²), никак не соотносятся у биографа с гностической традицией, что представляется некоторым исследовательским упущением.

В то же время, важно заметить, что А.Н. Варламов справедливо характеризует «Эфирный тракт» как «произведение, которое можно считать <...> рубежным <...> – оно подводило черту под всей платоновской хаотичной, взрывной, утопической линией творчества <...>»³, но снова это прощание с «утопической линией» не сочленяется с завершением гностических тенденций в платоновских произведениях.

Связь раннего творчества Платонова с «Философией общего дела» Н. Федорова, имеющей несомненно гностическое происхождение,

¹ Казаркин А.П. Демииурги и апокалиптики А. Платонова (к проблеме «Платонов и гностицизм») // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. 3 (12). С. 31–47.

² Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 96–97.

³ Там же С. 96.

обнаруживают все платоноведы (в частности С. Семёнова¹, Н. Малыгина²). И именно пародийность отдельных эпизодов, например, в «Хлебе и чтении» знаменует отход от федоровской теории и гностицизма. Так, пародийно по отношению к Н. Федорову звучат лозунги Чуняева: «Мы всех мертвецов выкопаем, самого ихнего начальника Адама найдём, на ноги его поставим и спросим: ты откуда явился жить, либо Бог, либо Маркс, – говори, старичок»³. Прямолинейная трактовка подобных призывов как идей философа из уст антигероя вряд ли допустима.

Если видеть в «Эфирном тракте» только идеологический посыл, то вновь, учитывая связь ее с «Питомником нового человека», можно прийти к мысли о специфической платоновской полемике с советской действительностью, предлагающей человеку «отношение», а не «работу», наиболее зримо такой спор представлен в «Сокровенном человеке»:

– Это вы очковтиратели, товарищ комиссар!

– Почему? – уже занятый делом, рассеянно спрашивал комиссар.

– Потому что вы делаете не вещь, а отношение! <...>⁴ (ср. в «Записных книжках»: «Вы строите социализм для славы и чести, а мы – для жизни, для необходимости»⁵). Потому Н. Боровко и другие исследователи правы, говоря, что А.Н. Варламов не показывает Платонова как полемиста: «В ту пору всем следовало быть твёрдыми марксистами-сталинистами, и Платонов будто бы именно таким и был, неизменно»⁶. Тем не менее в уже цитируемом нами интервью Варламов реализует иной взгляд на героя, говоря, что Платонов был «коммунистом ничьей партии», т.е. коммунистом «вообще» (хотя в тексте книги эта позиция практически не выражена): «У Платонова складываются

¹ Семёнова С. «Идея жизни» А. Платонова // А. Платонов. Чевенгур. М.: Художественная литература, 1988. 413 с.

² Малыгина Н.М. Андрей Платонов и литературная Москва. М; СПб: Нестор – История, 2018. 592 с.

³ Платонов А. Хлеб и чтение [Электронный ресурс // Андрей Платонов. Режим доступа: URL: <http://platonov-ar.ru/stories/hleb-i-chetnie> (Дата обращения: 26.11.2019).

⁴ Платонов А. Избранные произведения: Рассказы. Повести. М.: Мысль, 1984. С. 504 – 505.

⁵ Платонов А. Деревянное растение. Из записных книжек. М.: Правда, 1990. 20 с.

⁶ Боровко Н. Бедный Платонов [Электронный ресурс] // Проза.ру, 10.08.2011. Режим доступа: URL: <http://www.proza.ru/2011/08/10/951> (Дата обращения: 26.11.2019).

странные отношения с властью: в сердце он искренний коммунист, хочет строить социализм, но он коммунист ничьей партии»¹. Отсюда и характеристика биографом третьей повести «тамбовской трилогии» (термин Варламова) «Город Градов» как «написанной в духе Салтыкова-Щедрина сатире на советскую действительность»². Н. Боровко неистово осуждает А.Н. Варламова за якобы нарочитое стремление не изображать А.П. Платонова как сатирика («Может быть, А.Варламов отдал должное могучему дару Платонова-сатирика? Как бы не так! Он старается не замечать ни иронии Платонова, ни его сарказма. <...> Нет в книге Платонова-сатирика, равного Салтыкову - Щедрину и Свифту. Нет, и всё тут!»³). Это замечание требует возражений, так как при анализе данной повести А.Н. Варламовым подчеркнута как раз критическая составляющая произведения: «Чего стоят такие выпады: “...чтобы построить деревенский колодец, техник должен знать всего Карла Маркса” или вычеркнутый редактором фрагмент речи Шмакова на бюрократической пирушке: “Мастеровой воевал, а чиновник победил!”»⁴ Подчеркнем также, что А.Н. Варламов, разбирая «Город Градов», не высказывается утвердительно о том, что Платонов всегда был яростным адептом существующего политического строя, но делает довольно туманное уточнение о специфике такого поборничества: «до определенной поры»⁵. Таким образом, с нашей точки зрения, А.Н. Варламов, не всегда избирает подходящие и доказательные обоснования своих суждений.

В этой связи интересно мнение А. Рясова, актуализирующего аспект вероятностной аргументации позиции биографа: «На идеологическом уровне тексты Платонова оказываются весьма интересны как редкий пример русской неэмигрантской прозы, характерной чертой которой является критика

¹ Хорькова М., Пахомова Е. Андрей Платонов – неоткрытая планета [Электронный ресурс] / М. Хорькова // Татьяна день, 22.09.2009. – Режим доступа: URL: <http://www.taday.ru/text/218674.html> (Дата обращения: 26.11.2019).

² Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. С.112.

³ Боровко Н. Бедный Платонов [Электронный ресурс] // Проза.ру, 10.08.2011. Режим доступа: URL: <http://www.proza.ru/2011/08/10/951> (Дата обращения: 26.11.2019).

⁴ Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 112–113.

⁵ Там же. С. 113.

большевизма слева»¹. Исследователь вспоминает о неоднократных нападках на Платонова со стороны советской критики с обвинениями в «анархических настроениях» и сочувствии «анархо-индивидуализму» в его произведениях, о чем Варламов не упоминает. Факт сотрудничества с неомарксистским журналом «Литературный критик» также никак не проанализирован. А. Рясков приводит различные примеры из «Чевенгура» и из отдельных статей А.П. Платонова, не позволяющие говорить об их авторе как об ортодоксальном большевике, пусть даже он сам определял свои взгляды как большевистские: «Еле зацветшие растения они вырвали прочь и засеяли почву мелкими злаками бюрократизма. <...> После снесенного сада революции его поляны были отданы под сплошной саморастущий злак» или «Мы накануне наступления масс, самих масс, без представителей, без партий, без лозунгов»².

С другой стороны, недоброжелательные к биографу критики справедливо констатировали желание автора представить своего героя как «продукт эпохи», хотя, повторим, А.Н. Варламов крайне редко выступает с какими-либо однозначными формулировками, избегает категоричности. Например, приводя цитаты двух исследователей – современников Платонова, (которые, что характерно для советского литературоведения, используют как раз вполне однозначно трактуемые предложения содержащие, во-первых (Н. Замошкин), попытки полностью отказать писателю в сатиричности и «записать» его в утописты,³ а во-вторых (Я. Черняк), обнаруживающие желание накрепко «привязать» его к эпохе⁴) Варламов употребляет конструкции с оговорками, хотя и почти не аргументируемыми: «Всё это так (хотя удержать Платонова под куполом социализма все равно что запереть ветер) <...>»⁵.

¹ Рясков А. Платонов: идеология, язык, бытие // Новое литературное обозрение. 2002. № 1. С. 327.

² Там же.

³ «Не желчь бьет ключом из его произведений, а тоска, нетерпеливая тоска по социалистической жизни, понята им не через организацию, а через мечтательность» (цит. по: Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 113).

⁴ «Даже комическое, даже «злое» в его повести звучит только под куполом нашей эпохи, только в круге наших идей и чаяний» (цит. по: Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 113).

⁵ Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 113.

Тем не менее при анализе биографии в целом становится очевидным стремление А.Н. Варламова соотносить произведения Платонова с датами их создания, что влечет за собой привязку исключительно к политико-социальному прочтению текстов без обращения внимания на важнейший их пласт – бытийный, метафизический. Думается, именно этот глубинный пласт явился тем источником, благодаря которому проза писателя получает безусловный статус классической в XX веке.

Современная рецепция Платонова подтверждает идеи М.М. Бахтина, говорившего об интенсивности существования литературного произведения в большом историческом времени¹, и развивавшего его положения об открытости произведения У. Эко². Писательский гений А.П. Платонова шире любых рамок, в том числе и в первую очередь временных, ибо гений и определяется, условно говоря, «хронотопически», т.е. тем, насколько его творения «раздвигают» пространственные и временные границы, «перерастая» эпохи и «прорастая» в иных локусах. А конкретным текстам Платонова, в частности, «Городу Градову», свойственна не «мечтательность», а вера, которая, по Тертуллиану и приписываемому ему постулату-парафразу «Верую, ибо абсурдно», может быть неверно истолкована как «мечтательность» или утопизм. А.Н. Варламов склонен видеть в поздних произведениях А.П. Платонова не веру, а Бога, что, с нашей точки зрения, спорно.

Основываясь на работе В. Лепехина³, биограф развивает идею о христианских мотивах и образах, которыми насыщаются произведения писателя довоенного трехлетия (с 1938 по 1941 гг.): «<...> само явление

¹ «В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде. Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения. Проблема большого времени» (Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 373).

² «Открытость, понимаемая как принципиальная неоднозначность художественного сообщения, характерна для любого произведения в любое время» (Эко У. Открытое произведение / Эко, пер. с ит. А. Шурбелева. СПб.: Академический проект, 2004 С. 9).

³ Лепехин В.В. Икона в творчестве Андрея Платонова // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Вып. 3-й. СПб, 2004. С. 61-82.

иконы, пусть даже прочитанной так, сквозь призму отчаяния и ощущения Богооставленности <...>»¹. А.Н. Варламов обнаруживает в образах Ольги («На заре туманной юности»), Эриха Зуммера («По небу полуночи»), Васи Рубцова («Корова») христианское начало. Более всего оно проявляется в смысле объективации главных христианских добродетелей, по мнению автора, в «платоновских детях»²: «Платонов утверждает правоту и первенство детского взгляда и детского отношения к самым важным сущностям»³.

А. Рясов указывает на характерный для биографических книг Варламова серии «ЖЗЛ» метод сопряжения жизни и творчества А.П. Платонова, рассматривая вопрос возможности возникновения христианской проблематики в текстах писателя. Исследователь говорит о том, что биограф фактически на основе присутствующего в его произведениях мотива «богооставленности» выстраивает творческий и жизненный путь своего героя как человека и художника «от коммунизма пришедшего (или даже возвратившегося) к православию»⁴. Тем самым А.Н. Варламов, считает А. Рясов, следует сложившимся в платоноведении стереотипам, поскольку отталкивается от расхожего объяснения воплощения социалистических идей в произведениях 1930-х гг. фактором сострадания писателя к народу. Как пишет биограф на финальных страницах книги, «В военные годы стремление к воцерковленности у Платонова представляется очевидным <...> Эта церковность передавалась и прозе, проникала в ее состав»⁵. В интервью Варламов также прямо говорит об этом: «<...> платоновская проза, начиная со второй половины 30-х годов, – абсолютно христианская; вряд ли он к этому сознательно стремился, но больше всего христианского существа в советской литературе было именно в Андрее Платонове»⁶. Однако данная гипотеза

¹ Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 449.

² Там же. С. 449.

³ Там же. С. 450.

⁴ Рясов А. Платонов: идеология, язык, бытие // Новое литературное обозрение. 2002. № 1. С. 328.

⁵ Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 484–485.

⁶ Хорькова М., Пахомова Е. Андрей Платонов – неоткрытая планета [Электронный ресурс] / М. Хорькова // Татьянин день, 22.09.2009. – Режим доступа: URL: <http://www.taday.ru/text/218674.html> (Дата обращения: 26.11.2019).

представляется сомнительной относительно, по крайней мере, текстов Платонова в силу того, что религиозная тематика у него может быть представлена весьма многопланово: помимо христианских – апокрифических, здесь можно наблюдать гностические (как мы уже видели ранее) и языческие мотивы.

Если говорить о христианской составляющей произведений, то у Платонова явного тяготения именно к православию мы не найдем, скорее, имея в виду примеры из художественных текстов и записных книжек, он был близок к старообрядческой и апокрифической традиции (вспомним казаков-старообрядцев из рассказа «Иван Жох» или высказывание «Старообрядчество, это серьезно, это всемирное принципиальное движение <...>»¹). Исследователь А.А. Дырдин настаивает на том, что язык произведений Платонова во многом восходит к житийным и апокрифическим интонациям; указывает на «последовательное утаение первородного имени героя» (новые имена крестьян-чевенгурцев, Саши Дванова, Москвы Честновой) как на маркер соотнесения с апокрифами. Проза Платонова сближается с апокрифами и в философском плане: «Разительно сходство образов-идей писателя с раннехристианскими апокрифами, опубликованными после его смерти: Евангелие от Фомы, Деяния апостолов. <...> их смысловой отблеск, как некая культурная галлюцинация, проявляется в универсальной космогонии художника-мыслителя»² (ср. пересказ апокрифической притчи о двух грешниках в записных книжках³). Исследователь находит точки соприкосновения апокрифических описаний мироздания в неканоническом евангелии от Филиппа и воссоздании образа вселенной у писателя.

Трудно не заметить присущее Платонову стремление к постоянному переосмыслению языческих и христианских аспектов. Так, исследователи

¹ Платонов А. Деревянное растение. Из записных книжек. М.: Правда, 1990. С. 26.

² Дырдин А.А. Горизонты странствующего духа. Андрей Платонов и апокрифическая традиция [Электронный ресурс] // Русская национальная философия в трудах ее создателей. Режим доступа: URL: http://www.hrono.ru/proza/platonov_a/dyrdin4.html (Дата обращения: 26.11.2019).

³ Платонов А. Деревянное растение. Из записных книжек. М.: Правда, 1990. С. 5–6.

А. Булыгин и А. Гушин предлагают рассматривать «Котлован» сквозь призму традиционного христианства и революционного язычества, базируясь на мистической составляющей имени «получеловека-полумедведя», и характеризуют поведение героя как языческое противоборство с христианским ветхозаветным богом¹.

Неотъемлемо у Платонова отношение к жизни с верой, и это отношение фиксировалось в его произведениях. Неизменна вера писателя в социализм и коммунизм, который воспринимался им как вечная субстанция. Он существовал «до» (как в ранней, уже упоминавшейся статье «Питомник нового человека») и вернется с возвращением «новых старых людей». С этой верой связывалась уверенность в победе России в войне и чаяние воскрешения мертвых, опиравшееся на философию Н. Федорова, её интерпретации в русской мысли после 1917² и соответствовавшее собственному мироощущению писателя. Отсюда и постоянный интерес художника к пороговым состояниям человека и изображение его между жизнью и смертью, оттого и отношение к мертвым, как к живым («Взыскание погибших», «Неодушевленный враг», «Броня» и др., а также ранние «Река Потудань», «Мусорный ветер» и др.), отношение к умершему сыну как к живому. Так, рассказ «Взыскание погибших» поистине «пронизан <...> собственным авторским горем. Из воспоминаний о Платонове известно, как однажды после боя, на поле которого остались лежать мертвыми молодые советские солдаты, Андрей Платонович бросился к ним и в исступлении стал целовать умерших в губы»³; «Писал он и сыну – туда, по ту сторону бытия, и дарил умершему свои книги. “Моему сыну – в знак вечной памяти о нем: да сохранится его образ в сердцах лучших людей. Он тайно для всех и явно для меня участвует в моей работе, и в этой книге, всегда <...>»⁴.

¹ Булыгин А., Гушин А. Плач об умершем Боге. Повесть-притча Андрея Платонова «Котлован». Москва–Мюнхен: «Im werden Verlag», 2004. С. 93–139.

² Семенова С. «Идея жизни» А. Платонова // А. Платонов. Чевенгур. М.: Художественная литература, 1988. 413 с.

³ Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 470.

⁴ Там же. С. 473.

В послевоенный год в рассказе «Возвращение» А.П. Платонов снова после «Фро» и «Реки Потудани» делает шаг к волновавшей его с юности теме преобразования человека. В «Возвращении» Платонов касается вопроса о самой специфике человеческой природы, пропитанной эгоизмом, но способной к просветлению через преодоление индивидуализма. Как считает А.Н. Варламов, центральным элементом, выражающим «платоновское вероисповедание»¹, в этот период творчества являются слова персонажа рассказа Петруши: «У нас есть дело, жить надо»². И эта вера тем драгоценнее для биографа, что автор «Возвращения» уже давно был провозглашен советской критикой «певцом смерти». В другом месте Варламов очень верно отмечает: «Смерть была для него важнее, главнее, сокровеннее даже, нежели революция»³. Тем не менее сокровенный смысл смерти в текстах Платонова фактически не раскрывается биографом в силу упорного рассмотрения их именно «под куполом социализма». Между тем отечественной гуманитарной наукой определены подходы к рассмотрению смерти и как структурного элемента художественного текста (Ю.М. Лотман⁴), и как специфической философской категории, «квазиобъектного фантома, существенного в бытии, но бытийной сущностью не обладающего»⁵ (К.Г. Исупов). Например, котлован у Платонова заключает в себе символический смысл человеческого бытия как такового, т.е. далеко не просто модель казарменного устройства общественной жизни. Опыт бесконечных гибелей героев в жерле котлована приобретает символическое, небуквальное значение. Этот особый вектор восприятия произведений Платонова также обозначил упоминаемый нами не раз в данной подглаве исследователь А. Рясков: «Платонова неизменно

¹ Там же. С. 501.

² Там же. С. 501.

³ Там же. С. 196.

⁴ Лотман Ю.М. Смерть как проблема сюжета // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 417-430.

⁵ Исупов К.Г. Танатология [Текст] / К.Г. Исупов // Культурология. XX век. Энциклопедия. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 245.

интересовала непостижимость сокровенного смысла: страшный опыт смерти в его книгах является и опытом бессмертия»¹.

К сожалению, А.Н. Варламов в своей биографии практически не обращается к теме уникальности языка А.П. Платонова, апеллируя к абсолютно неприемлемым для анализа его произведений гипотезам о том, что язык существует для писателя лишь на уровне создания художественности. Такой подход в корне не верен и объясняется, собственно, малым вниманием автора к платоновской метафизике, что сужает взгляд биографа на писателя. Приводя в качестве примера слова самого Платонова («Надо писать отныне не словами, выдумывая и копируя живой язык, а прямо кусками самого живого языка (“украденного” в тетрадь), монтируя эти куски в произведение»), биограф практически не комментирует цитату, несмотря на то, что, по его словам, в ней содержится «ключ к тому уникальному платоновскому языку, над разгадкой которого бьется не одно поколение филологов»². Тем не менее, здесь важно то, что бытийное и языковое взаимообусловлены у Платонова, представляют единое целое. Особая лексическая наполненность произведений Платонова не столько вызвана задачами отражения коммуникативной ситуации или создания эстетического эффекта, сколько важна как стремление прикосновения к тайнам бытия и мироздания.

Таким образом, подводя итоги, заметим, что рассмотренное издание на сегодняшний день остается важным источником информации о жизни А.П. Платонова, оно аккумулирует большинство вышедших на момент его создания источников, способствующих постижению связей между жизнью и творчеством великого писателя XX в., и открывает убедительные перспективы их дальнейшего изучения.

¹ Рясов А. Платонов: идеология, язык, бытие // Новое литературное обозрение. 2002. № 1. С. 327. Интересной в контексте данного параграфа диссертации представляется еще одна мысль А. Рясова: «Не являются ли смерть, любовь, революция, Бог, прогресс для Платонова чем-то нераздельным – попыткой приблизиться к той стирающей все противопоставления Пустоте, языком которой пытались заговорить его герои?»

² Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 87.

3.3. «Шукшин» как нарративный «мост» через художественно-документальное пространство пяти книг А.Н. Варламова

Вероятно, в процессе развития замысла написания последней на сегодняшний день своей книги серии «ЖЗЛ» (она посвящена В.М. Шукшину) – у А.Н. Варламова сформировалось понимание роли писателя-биографа как художника, осуществившего связь между «берегами-антагонистами»¹ литературных эпох, персонифицированных в А.П. Чехове и А.П. Платонове. В статье «Русский разлом», на которую обратил внимание и критик В. Бондаренко, рецензировавший предшествующее «Шукшину» биографическое повествование, Варламов отмечает, что именно В.М. Шукшин «примирил» этих двух писателей. В. Бондаренко в отзыве на биографию «Андрей Платонов» перефразировал это утверждение, назвав Шукшина «мостиком» между ними², имея в виду некое «противостояние Чехова-скептика Платонову-энтузиасту» в основных экзистенциальных вопросах, в частности в вопросе возможности революции на российской земле, что и уловил А.Н. Варламов. «Ибо как раз читая Шукшина, веришь и в Чехова, и в Платонова, и видишь какую-то странную взаимосвязь»³, – считает биограф.

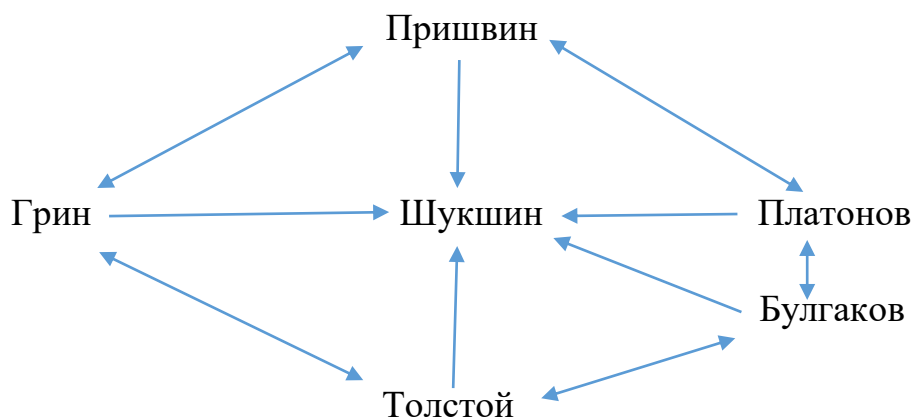
На наш взгляд, приблизительно то же самое можно сказать о пяти писательских портретах, созданных А.Н. Варламовым и рассмотренных в данной диссертации: между ними существует вполне очевидная нарративная связь, а обобщает и завершает творческо-биографическую картину образ В.М. Шукшина, выведенный в шестом повествовании. В упомянутой выше работе А.Н. Варламов использует в рассуждении о трех писателях в едином контексте знаменитую гегелевскую триаду «тезис – антитезис – синтез», которую можно представить с взаимозаменяемыми компонентами как «Чехов – Платонов –

¹ Бондаренко В. Незаметный гений незаметно светит и после [Электронный ресурс] // Лики истории и культуры, 08.06.2011. Режим доступа: URL: http://www.library.ru/2/like/sections.php?a_uid=154 (Дата обращения: 26.11.2019).

² Там же.

³ Варламов А. Русский разлом // Дружба народов. 2010. № 1. С. 200.

Шукшин». В свою очередь, сфокусировавшись на анализируемых в настоящей диссертации биографических произведениях, мы можем модифицировать триаду и раздвинуть ее границы так, как показано на схеме.

На схеме представлен характер взаимодействия элементов триады – героев биографий. Как уже неоднократно отмечалось нами на страницах данной работы, А.Н. Варламов делает упор на внутреннем родстве писателей, избранных им в качестве «замечательных людей» для серии литературных портретов, вышедших в издательстве «Молодая гвардия». Так, уже можно отметить, что (как последовательно и настойчиво утверждает автор) пять его героев-писателей: Пришвин, Грин, Толстой, Булгаков, Платонов – обнаруживают сходство на разных уровнях. Они в определенной степени принадлежат к одной эпохе (каждый из них – своего рода «осколок» Серебряного века), А.Н. Варламов решительно утверждает этот факт в отношении первых четырех («Андрей Платонов» ко времени выхода цитируемого интервью еще не был написан, но очевидно, что этот автор не выпадает из плеяды героев¹): «с точки зрения истории литературы

¹ А.П. Платонов начал публиковать свои поэтические произведения в 1918 г., а первый рассказ был напечатан с дореволюционной орфографией, т.е. не позднее 1917 г. (См. Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 16–35).

– все это Серебряный век, опрокинутый в советское время»¹; далее биограф добавляет важную мысль: «Бросили и сказали: выживай. Вот о том, как они жили до и после революции, я и написал»². Это последнее опять же связывает названных писателей, но уже как антагонистов, заметно или частично пересекающихся друг с другом во взглядах, мировоззренческих моментах, творческих идеях, наконец, каких-либо аспектах быта.

Пришвин и Булгаков как авторы более тяготеют к Серебряному веку, отсюда и отмеченная нами попытка А.Н. Варламова сблизить их. Если первый лишь задумывался о соблазнах, специфичных для уходящего периода истории русской культуры, то второй прошел через все характерные искушения и испытания. Пришвин сам творил свою жизнь, Булгакова вела судьба. Грин – «сжигатель» жизни – выступает антиподом Пришвина-«жизнетворца». Булгаков – проповедник неконъюнктурного творчества противопоставлен Толстому, нередко предпочитавшему идти на компромисс. Платонов отказывался воспринимать Пришвина как писателя, относился к нему резко отрицательно³.

К Шукшину стягиваются мотивы книг об остальных пяти писателях прежде всего потому, что он «воплотил самое страшное, что было в советской истории – уничтожение крестьянства, геноцид собственного народа»⁴. Предшествующие авторы рассмотрены Варламовым в калейдоскопе революционных событий, их отношение к революции в чем-то схоже, в чем-то кардинально разнится. А.П. Платонов, по мнению биографа, настоящий убежденный большевик, целиком принявший революцию, А.Н. Толстой видел в революции «горькое лекарство для

¹ Прилепин З. Алексей Варламов. Нашему народу надо просить у Неба не справедливости, а милосердия. Беседа Захара Прилепина с писателем [Электронный ресурс] / З. Прилепин. – Режим доступа: URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/aleksej-varlamov-.html> (Дата обращения: 26.11.2019).

² Там же.

³ «Платонов отрицал пришвинскую “лживую натурфилософию” ухода от действительности, обличал писателя в эгоизме и нежелании “преодолевать в ряду со всеми людьми несовершенства и бедствия современного человеческого общества”» (Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 389).

⁴ Мизеркин Д. «ЖЗЛ»: Василий Шукшин – вождь несостоявшегося крестьянского восстания [Электронный ресурс] / Д. Мизеркин // Пиши-читай, 29.10.2015. Режим доступа: URL: <http://write-read.ru/news/4485>. (Дата обращения: 26.11.2019).

приведения России в чувства»¹. М.М. Пришвин, изначально не проникшийся революционными идеями, в итоге одобряет революцию, хотя и с существенными оговорками. А.С. Грин остался равнодушен к революции, хотя, как мы видели, долгое время принимал в ней активное участие. М.А. Булгаков, будучи, по А.Н. Варламову, индивидуалистом, не мыслил такими глобальными категориями, как Платонов или Толстой; ему претили все потрясения и катаклизмы, которые несла в себе революция. Весь исторический ракурс произошедшего в 1917 г. можно полностью осознать, лишь обретя временную дистанцию, потому В.М. Шукшин может выступать здесь неким «катализатором» восприятия революции де-факто, а, главное, всего событийного спектра, сопряженного с советской действительностью.

Первое столкновение с ней произошло у будущего писателя и кинорежиссера в раннем детстве и наложило, по мысли А.Н. Варламова, отпечаток на всю его жизнь. В 1933 г. двадцатиоднолетнего Макара Шукшина расстреляли в числе 72 участников т.н. «антиколхозного заговора». Отца В.М. Шукшин знал только по материнским рассказам, но «почему-то любил его»: «Эта сыновья любовь есть самое главное, самое сокровенное и таинственное в Шукшине»². Такое утверждение, сделанное на первых страницах жизнеописания, становится одним из важнейших в книге и многое объясняет в личности героя. Биограф предлагает читателю совершенно «ошеломительный», как определяет его П. Басинский в своем отзыве на книгу, вывод, извлекаемый из всей жизни и творчества В.М. Шукшина³. По А.Н. Варламову, В.М. Шукшин был человеком «внутреннего проекта», т.е. всё, что он делал в жизни, имело зримую цель, которая коренится в его родовой истории, связанной с отцом. Отрекшись от отца в 1955 г. при вступлении в партию (скрыл, что тот был расстрелян)⁴,

¹ Вознесенская Е. Почему Алексей Варламов считает Булгакова и Алексея Толстого антиподами // Российская газета. 2016. № 142. С. 9.

² Варламов А.Н. Шукшин. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 11.

³ Басинский П. Шукшин, принц датский // Российская газета. 2015. № 235. С. 9.

⁴ Ранее от мужа отреклась мать, выйдя замуж и оставив сыну фамилию Попов. Однако и это отречение Шукшин мог воспринимать как первое неосознанное собственное.

Шукшин затем укрепляется «в мысли, что только личной победой, личным успехом, прославлением родовой фамилии он сможет этот грех искупить, как если бы погибший отец взывал о таком отмщении к своему Гамлету, ответившему, как известно, злодею и убийце через творчество»¹. Варламов, конечно, не сводит все в Шукшине к т.н. «гамлетовскому комплексу», не умаляет масштаба его многогранной личности как художника. Но для биографа важно понять причины одного из основных противоречий своего героя: почему тогда он остался в партии, не стал диссидентом, но в то же время не пытался заигрывать с властью, «от самых острых вопросов жизни никогда не уклонялся и глаз на них не закрывал»². Потому и на закономерный вопрос о тематической направленности книги о Шукшине А.Н. Варламов дает резонный ответ: «тема “Шукшин и власть”, “Шукшин и государство” – одна из ключевых <...>»³.

Проблема «симбиоза» писателей – героев Варламова – и государственной машины в лице функционеров властных структур снова сосредоточивается в образе В.М. Шукшина в силу более длительного временного промежутка, отделяющего период жизни героя от непосредственных событий октября 1917 г. и связанного с утверждением и закреплением нового типа правления. Взаимоотношения с властью часто определялись отношением к жизни и к собственной деятельности, а возможность существования писателя в литературе напрямую зависела от этих взаимоотношений. По-разному сложилась жизнь и неразрывно связанная с ней судьба произведений героев биографических книг А.Н. Варламова. Фигура М.А. Булгакова, не способного писать по лекалам, что явилось одной из причин прекращения публикации его текстов; связанные с отказами в издательствах мучительные контакты со Сталиным, с указания которого писателя не выпускали за границу, – всё это антитетично

¹ Варламов А.Н. Шукшин. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 108.

² Там же. С. 111.

³ Алексей Варламов: «От первого лица» [Электронный ресурс] // ЛитИнститут, 16.09.2015. Режим доступа: URL: <http://new.litinstitut.ru/content/aleksey-varlamov-ot-pervogo-lica> (Дата обращения: 26.11.2019).

фигуре А.Н. Толстого, наоборот, возвратившегося на родину и ставшего «красным графом», первым в ряду советских писателей. Не сравнимое ни с чем чудовищное решение власти воздействовать на А.П. Платонова-художника путем приговора сыну не повлекло тем не менее за собой его отречения от коммунистической идеологии¹. Именно в В.М. Шукшине сконцентрирован экзистенциальный диссонанс, касающийся его позиции в диалоге с властью, суть которого можно представить как обобщенный вариант, типизирующий отношения с правящим классом остальных героев варламовских биографий: «<...> сын расстрелянного крестьянина, похороненный на Новодевичьем кладбище вместе с советской элитой; человек, который говорил, что ненавидит большевиков, и при этом член Коммунистической партии...»².

Второй отмечаемый А.Н. Варламовым не менее значимый момент для понимания личности В.М. Шукшина (после глубинного «гамлетовского комплекса») – это, условно говоря, жажда отмщения за разоренное и униженное большевиками русское крестьянство. Если руководствоваться такой гипотезой, то объясняются другие факты, в частности, почему Шукшин писал роман о Степане Разине («Я пришел дать вам волю»), почему всю жизнь мечтал снять фильм об этом руководителе крестьянского восстания. Еще до выхода книги о М.А. Булгакове А.Н. Варламов в радиопередаче, посвященной публикации «Алексея Толстого», сообщил о том, что считает деревенскую прозу «очень несоветской», а В.М. Шукшина наиболее «острым» по сравнению с В.Г. Распутиным, В.И. Беловым, В.П. Астафьевым, Е.И. Носовым и др. По мнению А.Н. Варламова, Шукшин «не столько пытался сохранить эту уходящую русскую деревню и разглядеть русское начало, которое пробивается сквозь советские формы, он именно пытался этот гибрид русского и советского, деревня – город, эти все

¹ Малыгина Н.М. Андрей Платонов и литературная Москва. М; СПб: Нестор – История, 2018. 592 с.

² Алексей Варламов: «От первого лица» [Электронный ресурс] // ЛитИнститут, 16.09.2015. Режим доступа: URL: <http://new.litinstitut.ru/content/aleksey-varlamov-ot-pervogo-lica> (Дата обращения: 26.11.2019).

переходные моменты исследовать»¹. В главе «Люто ненавидел советский строй, или Жмут, мерзавцы!» анализируемой книги, приводится выдержка из воспоминаний первой жены Шукшина В.М. Софроновой: «Он люто, до скрежета зубовного ненавидел советский строй, полагая – и как мы сегодня понимаем, имея на то более чем достаточные основания, – что большевики уничтожили русскую деревню, основу российской государственности»². Соглашаясь, в общем, с этим решительным заявлением, А.Н. Варламов предполагает, что его герою мог импонировать вполне утопический тип общественного устройства, представляющий собой «крестьянскую вольницу» (так в книге), расположенную в загадочной местности Беловодье на Алтае, т.е. весьма удаленную от центральной России и не зависящую от государства. В.М. Шукшин долгое время верил в способность народа жить на разумных началах без всякого управления и государственных институтов. Утопическое мировосприятие как таковое сближает В.М. Шукшина с А.П. Платоновым, утопичность взглядов которого в ранний период не вызывает сомнений, как мы помним по его публицистике (см. предшествующий параграф настоящей работы).

В.М. Шукшин в интерпретации А.Н. Варламова «зло противостоял»³ Коммунистической партии по двум указанным выше причинам (из-за отца и крестьянства), но не стремился вступать в открытую конфронтацию с властью, избрав иной вариант поведения. Он всеми силами старался «использовать государство»⁴, ограбившее крестьянство и репрессировавшее отца, причем прежде всего не в материальном плане (хотя он и получил с него свой «шерсти клок»⁵ в виде квартиры, премий, финансирования своих кинопроектов). «Его призвание заключалось в том, чтобы власть обхитрить, <...> как честно признавал он в разговоре с Лидией Александровой, суметь

¹ Алексей Толстой серии ЖЗЛ [Электронный ресурс] // Эхо Москвы, Книжное казино, ведущий К. Ларина. 02.12.2007. Режим доступа: URL: <http://echo.msk.ru/programs/kazino/56740/> (Дата обращения: 26.11.2019).

² Варламов А.Н. Шукшин. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 188.

³ Там же. С. 195.

⁴ Там же. С. 195.

⁵ Там же. С. 195.

сказать все, что он хочет сказать, но сделать это – здесь и сейчас, сказать открыто и максимально широко (а не в сам- или тамиздате, что выбрал Солженицын)»¹.

Критик Лев Пирогов, рассматривая варламовский и шукшинский текст и контекст, предлагает весьма интересную интерпретацию писательского творчества Шукшина, утверждая, что автор «тоже был своим собственным персонажем»², но вовремя «сбежавшим» от своей возможной судьбы: «Если б не сбежал в Москву от первой жены, стал бы непутёвым зятем при крепком хозяйстве, “чудиком”». Затем исследователь добавляет, что у каждого есть т.н. свой несбывшийся путь, который можно было бы пройти, если бы обстоятельства сложились иначе. Судя по дальнейшим словам Л. Пирогова, Шукшин-литератор даже «тосковал» по «другому себе», «как по оторвавшейся половинке»³, и эта тоска выливалась в произведения.

Действительно, анализируя факты биографии В.М. Шукшина, А.Н. Варламов указывает, например, на параллели с текстом его романа «Любавины», во второй части которого содержится явно автобиографический сюжет, отсылающий к событиям, связанным с отцом писателя и вступлением в КПСС⁴. Герой романа Петр Ивлев с целью получения партбилета идет на обман о своих репрессированных родителях, но не выдерживает мук совести и рассказывает впоследствии в парткоме, кто на самом деле его мать и отец. Такой поворот в романе А.Н. Варламов считает «инвариантом судьбы» Шукшина, «это то, что не произошло, но могло бы с ним произойти»⁵.

¹ Там же. С. 195.

² Пирогов Л. Живые позавидуют мёртвым [Электронный ресурс // Свободная пресса, 04.03.2014. Режим доступа: URL: <http://svpressa.ru/culture/article/81676/> (Дата обращения: 26.11.2019).

³ Там же.

⁴ Варламов А.Н. Шукшин. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 107.

⁵ Стоит заметить, что неоднократно упоминаемый в тексте биографии кинооператор, фотохудожник, писатель, друг и соратник В.М. Шукшина Анатолий Заболоцкий приводит несколько эпизодов, по его мнению, фиктивных или неверно переданных А.Н. Варламовым (среди которых, Например, случай с нахождением Шукшина в уголовной среде) (Заболоцкий Анатолий. Кому в угоду перелопачивают Шукшина? Вопрос издателям // Наш современник. № 3. 2017. С. 266–273.)

Привычная формальная структура варламовских биографий в последнем на сегодняшний день созданном писателем жизнеописании в целом сохранена, хотя и имеет свои отличительные черты. Особую роль в раскрытии замысла биографа играет паратекст, сочетающий перитекст и эпитекст (см. параграф об А.Н. Толстом данной диссертации). Специфика названий глав (и, соответственно, характер содержания) кардинально изменена А.Н. Варламовым в «Шукшине» по сравнению с остальными пятью жизнеописаниями. Объем глав значительно уменьшен, за счет чего увеличивается их количество (94, что не свойственно для варламовских биографий).

Читатель, знакомый с творчеством В. Шукшина, без труда обнаружит явные параллели между отдельными наименованиями глав рассматриваемой книги и рассказов писателя. Номинации глав содержат структурные, синтаксические, фонетические и др. аллюзии, парафразы и пародии на Шукшина. Среди примеров можно выделить восклицательные и вопросительные конструкции (ср., «Врать буду!» – «Верую!»; «Шукшина избили!» – «Мой зять украл машину дров!»; «Вот что бы снять!» – «Даешь сердце!»; «А жениться обязательно?» – «Вы Платона читали?» и пр.). Легко заметна лексическая и смысловая переключка варламовских и шукшинских заглавий (ср. «Василий подконвойный» – «Алешка бесконвойный»; «Он ворует книги из школьного шкафа» – «Мой зять украл машину дров!», «Како веруеши?» – «Верую!», «Па-де-де с комсомольским задором» – «Миль пардон, мадам!», «Не отрезал» – «Срезал»). Более сложно определяются семантические аналогии, когда строение фразы-заголовка, ее синтаксис не прямо повторяет шукшинское название (ср. «Иногда он сам приносил водку» – «А поутру они проснулись»; «Я у них учусь» – «Как я понимаю рассказ» и пр.).

Прослеживается номинативная коммуникация и на другом уровне – с названиями произведений героев предыдущих биографий: «Усомнившийся Макарыч» (ср. А.П. Платонов, «Усомнившийся Макар»), «Театральный

роман» (ср. одноименный текст М.А. Булгакова), что говорит об умышленном или безотчетном стремлении А.Н. Варламова обратить внимание на внутреннюю текстуальную связь всех своих литературных портретов.

Помимо видоизмененных названий произведений писателей-персонажей биографий Варламова, названиями глав стали заголовки текстов других авторов: «Весенний крик ястреба» (И.А. Бродский «Осенний крик ястреба»), «Так говорил Шукшин» (Фридрих Ницше «Так говорил Заратустра»), «Пир во время холеры» (А.С. Пушкин «Пир во время чумы»), «Уроки русского» (В.Г. Распутин «Уроки французского»).

Таким образом, все данные сопоставления нужны А.Н. Варламову не просто как структурно-композиционный метатекстовый элемент и формальный художественный прием. Между автором-писателем и героем-писателем происходит своего рода диалог, в который включается читатель – тогда текст становится «звучащим», полифоничным, что позволяет Варламову достигать иных, более масштабных целей по сравнению с паратекстуальными возможностями предшествующих биографий. Автографический перитекст не только выступает в качестве информативного источника о тексте, но через него биограф «нажимает» на основные рычаги воздействия на читателя, связанные с интуитивными и бессознательными психическими ресурсами.

Нововведением в сфере перитекста в «Шукшине» также представляется возникновение, кроме традиционной для «ЖЗЛ» двойной глянцевої фотовставки, ряда иллюстраций, в основном с подписями, расширяющими и дополняющими текст, полнее раскрывающими смысл глав, в которые они включены, и – шире – тематически и контекстуально углубляющие книгу. Так, в ней собраны репродукции афиш главных фильмов периода 1964–1975 гг. Шукшина-режиссера («Живет такой

парень», «Печки-лавочки», «Калина красная») и Шукшина-актера («Они сражались за Родину»)¹.

Анатолий Заболоцкий и здесь обнаруживает ряд нестыковок; в частности, о сделанном на съемках фильма «Они сражались за Родину» фотопортрете, подписанном «Последняя прижизненная фотография Шукшина», он говорит как о последней, произведенной им самим, подчеркивая, что существует еще несколько фотопортретов, сделанных после другими людьми².

Книга «Шукшин» имеет два эпиграфа, но не из художественных произведений в узком смысле, как к «Михаилу Булгакову» из «Возмездия» А. Блока, а, в соответствии с широтой спектра деятельности, отличавшей самого героя, из публицистики и кино.

Первый – высказывание В. Распутина о В. Шукшине как о россияnine по «духу и лику», единственном человеке, способном «судить о характере народа»³. Приблизительно так же выразил А.Н. Варламов свое отношение к нему в одной из бесед: «тот поразительный русский человек, который вобрал в себя все бездны, все провалы и все высоты, все достижения своего времени»⁴. Но в открывающей книгу главке, которую вполне можно считать предисловием к биографии, рассуждает о нем как о человеке, вызывающем у разных людей целую палитру эмоций, суждений и прогнозов «если бы»: «Одно невозможно – Шукшина не заметить <...>, выбросить из русской истории, объявить устаревшим, ненужным <...>»⁵. Второй – расхожая цитата из фильма «Калина красная»: «Да не люблю я, когда с биографии сразу начинают. Биография – это слова, ее всегда можно выдумать»⁶. Тем не

¹ Режиссер – С.Ф. Бондарчук (1975 г.).

² Заболоцкий Анатолий. Кому в угоду перелопачивают Шукшина? Вопрос издателям // Наш современник. № 3. 2017. С. 266–273

³ Варламов А.Н. Шукшин. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 5.

⁴ Алексей Варламов: «Без Василия Шукшина сегодня невозможно представить русскую картину мира» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края, 26.07.2014. Режим доступа: URL: http://www.altaregion22.ru/region_news/aleksei-varlamov-bez-shukshina-segodnya-nevozmozhno-predstavit-russkuyu-kartinu-mira_356071.html (Дата обращения: 26.11.2019).

⁵ Варламов А.Н. Шукшин. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 7.

⁶ Там же. С. 5.

менее А.Н. Варламов в процессе воссоздания событий жизни В.М. Шукшина руководствовался в целом, как мы видели, противоположными высказыванию принципами, специфичными для произведений своей биографической серии.

Выводы главы

По словам А.Н. Варламова, важным критерием для него при написании биографий всегда являлось отношение героя к вере и Церкви¹. Этот фактор был поставлен во главу угла при работе над биографией «Михаил Булгаков». Проблема веры и безверия и ее реализация в творчестве неразделимы у Варламова с мотивами судьбы и случая, что проступает в тексте биографии с самого начала (в качестве эпиграфа к произведению фигурирует строфа из «Возмездия» А.А. Блока, несущая смысловую нагрузку, связанную с приоритетом духовного в человеке ввиду фатальности бытия). А.Н. Варламов поэтапно рассматривает причины отхода М.А. Булгакова от веры, находя возможные предпосылки в детстве писателя. Духовное происхождение Булгакова, как ни парадоксально, в определенной степени провоцирует его отрыв от Церкви и, параллельно с этим, некую «разорванность судьбы»². Можно заметить, что Варламов преследует цель репрезентации героя в последовательном отступлении от религии и вхождении во власть судьбы (конфликты с матерью в детстве и юности на почве отношения к вере, первая женитьба практически вне церковных канонов, наркотический опыт писателя, вынужденная служба у С. Петлюры, невозможность выехать из России сначала вследствие болезни, затем из-за фактического запрета властей и т.п.).

Полемизируя с исследователями и критиками (Н. Никоновым, М. Чудаковой и др.) Варламов размышляет о факторах, повлиявших на т.н. перерождение Булгакова-медика в Булгакова-писателя. Отрицая расхожее

¹ Бег от судьбы. Алексей Варламов об авторе «Мастера и Маргариты». Беседовал Виталий Каплан // Фома. №11(67). Ноябрь 2008. С.95-98,100.

² Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 9.

мнение о главенствующей роли морфия при этом, автор определяет доминанту в плане литературного становления Булгакова – его пребывание в петлюровских войсках.

Особое значение приобретает для Варламова созданная им концепция «кода судьбы», связующая воедино мотивы тяготевшего над писателем рока и его вероотступничества (возникновение Булгакова-писателя происходит на Сретение, разговор со Сталиным – в Страстную пятницу, смерть – в Прощенное воскресенье). Специфично для Варламова сопоставление Булгакова с предшествующими героями биографий М.М. Пришвиным и А.Н. Толстым.

Выход книги «Андрей Платонов», над которой А.Н. Варламов работал более трех лет, сопровождался рядом отрицательных оценок и негативных отзывов, поскольку ожидания многих критиков не оправдались (Н. Боровко, Е. Яблоков и др.). Авторы нейтральных или положительных рецензий (А. Гришин, А. Рясков) указывают прежде всего на то, что это первый опыт создания целостного биографического текста об А.П. Платонове (ранее предпринимались попытки освещения лишь отдельных сторон его жизни и творчества). Главная претензия формулировалась в разрезе недостаточной научной обоснованности А.Н. Варламовым фактических сведений о писателе, отсутствия собственного взгляда на героя. Притязания исследователей конкретизировались, недостатки обнаруживались как на формальном, так и на содержательном уровнях, хотя некоторые рецензенты объективно указывали на то, что специфика книги в стремлении автора систематизировать уже имеющиеся знания о Платонове, и книга не претендует на статус фундаментального научного труда (об этом до момента издания говорил и сам А.Н. Варламов).

Однако в книге есть некоторые содержательные недостатки. Так, выше уже отмечалась спорность трактовок творчества Платонова только в идеологическом ключе, настойчивая «привязка» произведений и их автора исключительно к советским реалиям, к советской эпохе; отсутствие при

интерпретации указания на связи платоновских текстов с апокрифической, гностической и языческой традицией, слабый учет глубокого философского, метафизического и мистического подтекста произведений, малое внимание к теме уникальности языка писателя с точки зрения бытия языка как такового.

Между тем, повторим еще раз, книга «Андрей Платонов» представляет один из немногих (наряду с книгами Н. Корниенко¹ и Н. Малыгиной²) источников разнообразных данных о писателе; систематизированный свод информации о его жизни и творчестве, актуализирующий необходимость продолжения углубленного исследования соответствующих материалов.

Анализ последней на сегодняшний день биографической книги А.Н. Варламова о В.М. Шукшине базируется на факте внутренней связи пяти литературных портретов, своеобразным нарративным «мостом» через художественно-документальное пространство которых и является названное издание.

Взаимодействие возникает на разных формально-содержательных уровнях; для разбора нами избраны тематический, образный и паратекстуальный. Тематический спектр всех книг Варламова о писателях актуализируется благодаря магистральному значению образов героев. Все пять персонажей (Пришвин, Грин, Толстой, Булгаков, Платонов) принадлежат в плане временных рамок зарождающейся и укрепляющейся советской эпохе, Шукшин же становится «катализатором», воплотившим в своем творчестве и жизни все отрицательные и положительные моменты советской действительности. Образ Шукшина является обобщающим для тематического ракурса биографий, который можно обозначить как «герой и власть» (аспект «сотрудничества-использования» государства,

¹ Корниенко Н.В. Пролетарские писатели А. Платонов и Д. Бедный // Кипарисовый ларец: альманах. М., 2012. С. 257–312.

² Малыгина Н.М. Андрей Платонов и литературная Москва. М; СПб: Нестор – История, 2018. 592 с.

сопряженный со всеми героями-писателями книг серии «ЖЗЛ» А.Н. Варламова и проблемой литературного ремесла).

Дотекстовые и затекстовые элементы книги структурно модифицированы: увеличено число глав, получивших названия, коррелирующие с названиями рассказов Шукшина структурно и содержательно; помимо характерной для изданий «ЖЗЛ» двойной глянцевой фотовставки имеется иной иллюстративный материал, расширяющий содержание издания.

Итак, специфика формальных и содержательных сторон всех шести книг о писателях А.Н. Варламова приближает нас к обобщенному восприятию анализируемых документальных романов как единого текста.

Заключение

В процессе работы над диссертацией были проанализированы шесть биографий писателей, созданные А. Варламовым, произведены конкретные научные наблюдения, систематизируя которые можно представить ряд существенных выводов.

Среди важнейших особенностей авторского стиля А.Н. Варламова-биографа нами выделены следующие. Основу биографического метода писателя составляет тщательное исследование жизненного и творческого пути героя, абсолютизация факта, доскональный анализ документов, соотнесение их друг с другом, изучение способов внедрения их в текст произведения. Биографический жанр привлекал А.Н. Варламова и до непосредственного его обращения к этой литературной форме. Документальные сведения присутствуют и в его беллетристических произведениях. Биографические книги писателя хронологически выстроены и документально выверены в соответствии с реальными событиями; к тому же в некоторых случаях, помимо работы с фактическими данными, возможно живое общение с информантами – родственниками и свидетелями жизни русских писателей.

Идиостилю А.Н. Варламова свойственна актуализация единого тематического пространства биографий, что предполагает воссоздание портрета писателя на фоне эпохи, в окружении известных личностей.

В композиционном центре биографии находится образ героя, он же является общим знаменателем ключевых тем. Они таковы: 1) «герой и революция», тема предполагает экспликацию точки зрения героя на соответствующие события; 2) «герой и власть», репрезентирует аспекты взаимодействия с властью, проблему компромиссов и тактик сосуществования; 3) «герой и ремесло писателя», раскрывает специфику творчества, писательской профессии; 4) «герой и литературная среда, герой и критика»; 5) «личная жизнь героя».

Биографическая проза А.Н. Варламова несет на себе отпечаток стилистических приемов и жанровых модификаций, присущих литературе XX в. как в родовом, так и в видовом ее восприятии. Обоснована особая роль сильных позиций как фундаментальной текстовой базы при интерпретации биографий. Номинационные атрибуты заглавий канонической и начальной редакций произведения (тропоцентризм, интертекстуальность, универсализация) «активизируют» читательский интерес и служат источником толкования текста («Пришвин», «Алексей Толстой»). Например, первоначальное журнальное название книги об А.Н. Толстом «Красный шут», помимо отсылки к перифразу, прозвучавшем в известной речи В.М. Молотова, наводит на символические ассоциации, сочетающие психологические и идеологические моменты. Также интертекстуальный смысл заголовка вызывает аллюзии с творчеством А. Белого (Маскарад, «Праздник», «Петербург»). Все это расширяет интерпретационное пространство биографии.

Кроме того, потенциал паратекстуальных элементов (подписи к фотографиям, вступления, эпиграфы, номинации глав и др.) выступает как ключ к интерпретации исторических, культурных, событийных пластов текста, раздвигающей границы его читательской и исследовательской рецепции («Пришвин», «Алексей Толстой», «Михаил Булгаков», «Шукшин»). Так, прием создания параллелей названий глав последней книги и рассказов В.М. Шукшина необходим и как метатекстовый компонент, и как способ диалога автора и читателя.

Характер биографической нарратологии А.Н. Варламова определяется спецификой авторского стиля, особенности которого указаны выше. Однако т.н. аспект «нетождества» реального героя и героя повествования может выходить на первый план, когда в объектив биографа попадают детали субъективного порядка, вводящие, в свою очередь, элемент оценочности в жизнеописание («Александр Грин»). Например, в попытке достичь абсолютного сходства А.С. Грина – персонажа биографии и А.С. Грина –

реального человека А.Н. Варламов полностью погружается в психологию творческого акта последнего, что предполагает определенную субъективность и даже критику в рассуждениях на темы реализма и романтизма в произведениях писателя, его алкоголизма и пр.

Концептуальность текстопорождения выражается в полемическом подходе к критической литературе, установлении причинно-следственных связей религиозных воззрений героев и их жизни и судьбы, сопоставлении данного конкретного героя и остальных персонажей как отдельной книги, так и других биографий («Михаил Булгаков»). Так, идея «кода судьбы», в соответствии с которой возникает единый мотивный комплекс рока, довлеющего над героем и связанного с ним его отхода от веры и Церкви, имеет основополагающее и сюжетообразующее значение для произведения.

Замечена некоторая «одномерность» трактовок творчества писателей в отдельных моментах, касающихся их тематического и жанрово-родового диапазона и принадлежности к тому или иному литературному направлению («Александр Грин»). Также выявлены нетипичные для А.Н. Варламова тенденции к рассмотрению творчества писателя в отрыве от ряда глубинных культурных, философских и эзотерических традиций, и стремление «сузить» масштаб героя до временных рамок конкретной эпохи («Андрей Платонов»). Так, мнение А.Н. Варламова относительно атеизма и последующего глобального поворота к христианству и православию в творчестве А.П. Платонова спорно. Пристальный анализ хронологических черт текстов А.П. Платонова приводит к мысли о свойственных его прозе апокрифических, гностических и языческих мотивах.

Факт внутренней связи биографических текстов А.Н. Варламова подчеркивается формально-содержательными особенностями последнего на сегодняшний день произведения («Шукшин»). Магистральные коллизии героев исследованных произведений в обобщенном виде представлены в этом тексте, сочетающем все структурно-содержательные, жанровые и стилистические характеристики предыдущих биографий. Так, интерес к

избранным А.Н. Варламовым фигурам определяется в том числе их известным отношением к Серебряному веку, в силу чего для них характерны поиски новых способов самовыражения. А в образе В.М. Шукшина специфично персонифицируются жизненные коллизии пяти писателей на переломе исторических и культурных эпох.

В процессе анализа биографических произведений А.Н. Варламова, сопоставлении их с его интервью сделан вывод, что термин «биографизм» как характеризующий его исследовательский и художественный метод, должен быть принят в качестве ключевого. В связи с этим документальную прозу А.Н. Варламова можно рассматривать как единое художественное полотно, фиксирующее понимание автором литературного процесса XX в. Подобного рода проблематика может стать базовой для дальнейшего филологического изучения нехудожественного творчества А.Н. Варламова.

Список использованной литературы

1. Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография [Текст] / С.С. Аверинцев // Образ античности. – СПб: Азбука-классика, 2004. – С. 225–465.
2. Агатов Ю.М. Алексей Толстой. Об авторах ваших книг [Текст] / Ю.М. Агатов. – М.: Молодая гвардия, 1972. – 654 с.
3. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2-х т. Т. I [Текст] / Ю. Айхенвальд. – М.: Республика, 1994. – 589 с.
4. Акимов Ю. Алексей Николаевич Толстой [Текст] / Ю. Акимов. – М.: Знание, 1954. – 40 с.
5. Акимов Ю.Л. Алексей Николаевич Толстой [Текст] / Ю.Л. Акимов. – М.: Знание, 1998. – 40 с.
6. Алексей Варламов: «Без Василия Шукшина сегодня невозможно представить русскую картину мира» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края, 26.07.2014. – Режим доступа: URL: http://www.altairegion22.ru/region_news/aleksei-varlamov-bez-shukshina-segodnya-nevozmozhno-predstavit-russkuyu-kartinu-mira_356071.html (Дата обращения: 26.11.2019).
7. Алексей Варламов: «От первого лица» [Электронный ресурс] // ЛитИнститут, 16.09.2015. – Режим доступа: URL: <http://new.litinstitut.ru/content/aleksey-varlamov-ot-pervogo-lica> (Дата обращения: 26.11.2019).
8. Алексей Толстой серии ЖЗЛ [Электронный ресурс] // Эхо Москвы, Книжное казино, ведущий К. Ларина. 02.12.2007. – Режим доступа: URL: <http://echo.msk.ru/programs/kazino/56740/> (Дата обращения: 26.11.2019).
9. Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. [Текст] / Сост. Н.В. Корниенко, Е.Д. Шубина. – М.: Современный писатель, 1994. – 497 с.
10. Андрей Платонов. Мир творчества [Текст] / Сост. Н. Корниенко и др. – М.: Современный писатель, 1994. – 432 с.

11. Андрей Платонов: Исследования и материалы [Текст] / Сост. В.А. Никонова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. – 193 с.
12. Анненская А.Н. Н.В. Гоголь: Его жизнь и литературная деятельность [Текст] / А.Н. Анненская. – СПб: тип. Ю.Н. Эрлих, 1903. – 79 с.
13. Аннинский Л. Путь Василия Шукшина [Текст] / Л. Аннинский // Тридцатые – семидесятые. – М.: Современник, 1978. – 234 с.
14. Арнаутов М. Психология литературного творчества [Текст] / М. Арнаутов. – М.: Прогресс, 1970. – 654 с.
15. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста [Текст] / И.В. Арнольд // Иностранные языки в школе, 1978. – №4. – С. 23–31.
16. Архив А.П. Платонова. Кн. 1. [Текст] / Под ред. Н. Корниенко. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 709 с.
17. Бабицкая В. Валерий Попов. Довлатов [Электронный ресурс] / В. Бабицкая // OpenSpace.ru, 05.10.2010. – Режим доступа: URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/18107/> (Дата обращения: 26.11.2019).
18. Бабичева М.Е. Писатели второй волны русской эмиграции: Биобиблиогр. очерки [Текст] / М.Е. Бабичева – М.: Пашков дом, 2005. – 450 с.
19. Баранов В. Взлёты и падения А. Толстого [Текст] / В. Баранов // Литература в школе. – 1989. – №6. – С. 19–27.
20. Баранов В. Революция и судьба художника. А. Толстой и его путь к социалистическому реализму [Текст] / В. Баранов. – М.: Советский писатель, 1983. – 456 с.
21. Барахов В.С. Литературный портрет (истоки, поэтика, жанр) [Текст] / В.С. Барахов. – Л.: Наука, 1985. – 312 с.
22. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Текст] / Р. Барт. – М., 1994. – 616 с.
23. Басинский П. Горький [Текст] / П. Басинский. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 464 с.

24. Басинский П. Шукшин, принц датский [Текст] / П. Басинский // Российская газета. – 2015. – № 235. – С. 9.
25. Бахтин М.М. Античная биография и автобиография [Текст] // М.М. Бахтин. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 58–74.
26. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук [Текст] // М.М. Бахтин. Собрание сочинений. Т. 5. – М.: Русские словари, 1997. – 732 с.
27. Бахтин М.М. Проблема автора [Текст] // М.М. Бахтин. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 206–226.
28. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 444 с.
29. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности [Текст] // Собрание сочинений в 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов / М.М. Бахтин. – М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. – С. 69–264.
30. Бег от судьбы. Алексей Варламов об авторе «Мастера и Маргариты». Беседовал Виталий Каплан // Фома. – №11(67) – ноябрь 2008. – С.95-98,100.
31. Беленький И.Л. Биографика в системе наук о человеке: становление, этапы развития и междисциплинарный контекст отечественного биографоведения [Текст] / И.Л. Беленький. – М.: ИНИОНРАН, 1999. – 219 с.
32. Беленький И.Л. Биография как историко-культурная проблема (К историографии темы в отечественной литературе) [Текст] / И.Л. Беленький // Ист. биография: Сб. обзоров: к XVII междунар. конгрессу ист. наук. – М., 1990. – С. 136–164.
33. Бендерский Я. М. Борис Акунин – литературный проект или ловкая мистификация [Электронный ресурс] / Я.М. Бендерский. Режим доступа: http://world.lib.ru/b/benderskij_j_m/yakov_be.shtml. (Дата обращения: 26.11.2019).
34. Беспалова Ю.М. Западносибирские предприниматели второй половины XIX – начала XX вв.: имена биографии, судьбы (качественные исследования в

- социологии культуры) [Текст] / Ю.М. Беспалова. – Тюмень: ТюмГУ, 2002. – 154 с.
35. Биография глазами биографа (По материалам круглого стола). Вступительная статья, подготовка публикации и послесловие А.Холикова [Текст] // Вопросы литературы. – 2008. – Ноябрь – декабрь. – С. 31–40.
36. Биография как вид исторического исследования: Сб. науч. тр. [Текст] / Редкол.: И. Г. Серегина (отв. ред.) и др. – Тверь: ТГУ, 1993. – 179 с.
37. Бобкова Ю.З. Особенности субъектно-речевой структуры художественной биографии [Текст] / Ю.З. Бобкова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2009. – № 1. – С.45–49.
38. Боборыкин В.Г. Михаил Булгаков [Текст] / В.Г. Боборыкин. – М.: Просвещение, 1991. – 206 с.
39. Бондаренко В. Незаметный гений незаметно светит и после [Электронный ресурс] / В. Бондаренко // Лики истории и культуры, 08.06.2011. – Режим доступа: URL: http://www.library.ru/2/like/sections.php?a_uid=154 (Дата обращения: 26.11.2019).
40. Бонецкая Н.К. Проблемы методологии анализа образа автора [Текст] // Методология анализа литературного произведения: Сб. статей / Отв. ред. Ю.Б. Борев. – М.: Наука, 1988. – С. 60–85.
41. Борев Ю.Б. Судьбы художника и произведения как ключ к его смыслу. Биографический подход [Текст] // Борев Ю.Б. Искусство интерпретации и оценки: Опыт прочтения «Медного всадника». – М.: Советский писатель, 1981. – С. 56–61.
42. Борисов Н.С. Отечественная традиция исторической биографии [Текст] // Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г / Под ред. Д. Ю. Арапов, Н. С. Борисов, Л. Н. Вдовина и др. – Т. 4. – Москва, 2015. – С. 153–162.
43. Боровиков С. Алексей Варламов. Красный шут. Биографическое повествование об Алексее Толстом. [Текст] / С. Боровиков // Знамя. – 2006. – № 9. – С. 220–224.

44. Боровиков С. Алексей Толстой. Путь к народу. [Текст] / С.Г. Боровиков. – М.: Советская Россия, 1980. – 512 с.
45. Боровиков С. Шукшин минус Шукшин: Литературная критика [Текст] / С. Боровиков // Волга. – 1989. – №12. – С. 177–187.
46. Боровко Н. Бедный Платонов [Электронный ресурс] / Н. Боровко // Проза.ру, 10.08.2011. – Режим доступа: URL: <http://www.proza.ru/2011/08/10/951> (Дата обращения: 26.11.2019).
47. Буганов В.И. Отечественная история в серии «Жизнь замечательных людей» [Текст] / В.И. Буганов // Вопросы истории. №1. – 1984. – С. 20–34.
48. Бугрина Н.А. Документальность биографического повествования и его жанры [Текст] // Факт, домысел, вымысел в литературе: Межвуз. сб. науч. тр. – Иваново: ИвГУ, 1987. – С. 117-131.
49. Булгаков М.А. Жизнь господина де Мольера [Текст] / М. Булгаков. – М.: Молодая гвардия, 1980. – 175 с.
50. Булыгин А., Гуцин А. Плач об умершем Боге. Повесть-притча Андрея Платонова «Котлован» [Текст] / А. Булыгин, А. Гуцин. – Москва–Мюнхен: «Im werden Ferlag», 2004. – 145 с.
51. Бунин И.А. Окаянные дни [Текст] / И.А. Бунин. – М.: Советский писатель, 1990. – 128 с.
52. Бурсов Б.И. Писатель как творческая индивидуальность [Текст] // Проблемы социалистического реализма. – М.: Советский писатель, 1961. – С. 206–280.
53. Быков А.А. И. Лойола: Его жизнь и общественная деятельность [Текст] / А.А. Быков. – СПб: типография товарищества «Общественная Польза», 1890. – 106 с.
54. Быков Д.Л. Борис Пастернак [Текст] / Д.Л. Быков. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 896 с.
55. Валевский А.Л. Методологические основания биографии: дисс. канд. филос. наук [Текст]. – Киев, 1990. – 147 с.

56. Валевский А.Л. Основания биографики [Текст] / А.Л. Валевский. – Киев: Наукова думка, 1993. – 110 с.
57. Варламов А. Висельная дорога Михаила Пришвина [Электронный ресурс] / А. Варламов // Топос, 06.02.2013 – Режим доступа: URL: <http://www.topos.ru/article/711> (Дата обращения: 26.11.2019).
58. Варламов А. Красный шут. Биографическое повествование об Алексее Толстом [Текст] / А.Н. Варламов. – Москва, 2005, – № 7–9.
59. Варламов А. Пришвин, или Гений жизни. Биографическое повествование [Текст] / А. Варламов // Октябрь. – 2002. – № 1–2.
60. Варламов А. Русский разлом [Текст] / А. Варламов // Дружба народов. – 2010. – № 1. – С. 199–201.
61. Варламов А. Чистить мысли, как зубы, надо ежедневно [Текст] / А. Варламов // Аргументы Недели. – 2015. – № 30. – С. 5.
62. Варламов А.Н. Александр Грин [Текст] / А.Н. Варламов. – М.: Молодая гвардия, 2008 (а). – 591 с.
63. Варламов А.Н. Алексей Толстой [Текст] / А.Н. Варламов. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 591 с.
64. Варламов А.Н. Андрей Платонов [Текст] / А.Н. Варламов. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 546 с.
65. Варламов А.Н. Апокалиптические мотивы в русской прозе конца XX века: автореферат дисс. ... кандидата филологических наук. [Текст] / А.Н. Варламов. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 16 с.
66. Варламов А.Н. Жизнь как творчество в дневнике и художественной прозе М.М. Пришвина: диссертация ... доктора филол. наук: 10.01.01 [Текст] / А.Н. Варламов. – Москва, 2003. – 424 с.
67. Варламов А.Н. Купавна [Текст] / А.Н. Варламов // Новый мир. – 2000. – №10, 11.
68. Варламов А.Н. Михаил Булгаков [Текст] / А.Н. Варламов. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 840 с.

69. Варламов А.Н. Шукшин [Текст] / А.Н. Варламов. – М.: Молодая гвардия, 2015. – 400 с.
70. Варламов Алексей. Михаил Пришвин: жив человек [Текст] / Алексей Варламов // Фома – 2013. – 2. – С. 66–71.
71. Варламов А.Н. Григорий Распутин-Новый [Текст] / А.Н. Варламов. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 852 с.
72. Варламов А.Н. Пришвин [Текст] / А.Н. Варламов. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 548 с.
73. Васильев В.В. Андрей Платонов. Очерк жизни и творчества [Текст] / В.В. Васильев. – М.: Современник, 1982. – 230 с.
74. Вдовин А. Миф Александра Грина (К 120-летию со дня рождения) [Текст] / А. Вдовин // Урал. – 2000. – № 8. – С. 56–64.
75. Вейнберг П.И. Генрих Гейне: Его жизнь и литературная деятельность [Текст] / П.И. Вейнберг. – СПб: типография Ю.Н. Эрлих, 1903. – 112 с.
76. Венкстерн Н.А. Жорж Санд [Текст] / Н.А. Венкстерн. – М.: Журнально-газетное объединение, 1933. – 136 с.
77. Вильсон А. Биография как живое лицо [Текст] / А. Вильсон. – М.: Высшая школа, 1970. – 118 с.
78. Виноградов А.К. Байрон [Текст] / А.К. Виноградов. – М.: Журнально-газетное объединение, 1936. – 302 с.
79. Виноградов Б.С. Ознакомление учащихся с творческой лабораторией писателя [Текст] // В помощь учителю литературы. – Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство, 1964. – С. 31–40.
80. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
81. Винокур Г.О. Биография и культура [Текст] / Г.О. Винокур. – М.: ЛКИ, 2007. – 96 с.
82. Вознесенская Е. Почему Алексей Варламов считает Булгакова и Алексея Толстого антиподами [Текст] / Е. Вознесенская // Российская газета. – 2016. – № 142. С. 9.

83. Волынская А. Г. Биографический дискурс в русской литературе XIX–XX веков (от реалистического романа к модернистскому): препринт WP20/2013/02 [Текст] / А. Г. Волынская; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 56 с.
84. Воронский А.К. Гоголь [Текст] / А.К. Воронский. – М.: Молодая гвардия, 1934. – 416 с.
85. Воронцова Г.Н. Алексей Николаевич Толстой [Текст] / Г.Н. Воронцова // Литература в школе. – 2003. – № 6. – С. 22–27.
86. Воспоминания о Михаиле Булгакове [Текст] / Сост. В. Лосев. – М.: АСТ, 2006. – 688 с.
87. Воспоминания о Михаиле Пришвине [Текст] / Сост. Я.З. Гришина, Л.А. Рязанова. – М.: Советский писатель, 1991. – 368 с.
88. Галич А.А. Современная художественная документально-биографическая проза. Проблемы развития жанров: автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / А.А. Галич. – Донецк: Донецкий государственный университет, 1984. – 181 с.
89. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
90. Гамсун и Пришвин [Электронный ресурс] // Непрошедшее время, Эхо Москвы, 09.08.2009. – Режим доступа: URL: <http://echo.msk.ru/programs/time/609682-echo/?=top> (Дата обращения: 26.11.2019).
91. Гаспаров Б.М. Новый Завет в произведениях М.А. Булгакова [Текст] // Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. – М.: Наука, 1994. – С. 83–123.
92. Геллер М.Я. Андрей Платонов в поисках счастья [Текст] / М.Я. Геллер. – Париж: Ymca Press, 1982. – 408 с.
93. Гинзбург Л. О психологической прозе. О литературном герое [Текст] / Л. Гинзбург. – СПб.: Азбука, 2016. – 704 с.
94. Головина Т.И. Мемуары как источник культурологического исследования: автореф. дисс. ... канд. культурол. наук [Текст] / Т.И. Головина.

- СПб: Санкт-Петербургская государственная академия культуры, 1998. – 21 с.
95. Голофаст В.Б. Концепции индивида и пространство биографий [Текст] / В.Б. Голофаст // Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. Чтения памяти Вениамина Иофе. – СПб.: Норд-Вест 2003. – С. 5–17.
96. Гордин Я. Возможен ли роман о писателе? [Текст] // Вопросы литературы. – 1975. – № 9. – С. 190–211.
97. Горн В.Ф. В. Шукшин: Штрихи к портрету [Текст] / В.Ф. Горн. – М.: Просвещение, 1993. – 129 с.
98. Грин А. Я пишу вам всю правду. Письма 1906 – 1932 годов [Текст] / А. Грин. сост. Л. Варламова, Н. Ялова. – Феодосия: Коктебель, 2012. – 224 с.
99. Гришаев В. Несколько строк в биографию Шукшина [Текст] / В. Гришаев // Сибирские огни. – 1983. – №4. – С. 165–175.
100. Гришин А. Тайна за семью печатями [Текст] / А. Гришин // Нева. – 2011. – № 8. – С. 194–198.
101. Гришунин А.Л. Автор как субъект текста [Текст] // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1993. – № 4. – С. 12–19.
102. Гром К.Н. Роман-биография в творчестве С. Цвейга: Курс лекций [Текст] / К.Н. Гром. – Ташкент, 1990. – 130 с.
103. Громова А.В. Жанр беллетризованной биографии в литературе русского Зарубежья (произведения Б.К. Зайцева) [Текст] // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2008. – № 2. – С. 48–58.
104. Гроссман Л. Достоевский [Текст] / Л. Гроссман. – М.: Молодая гвардия, 1962. – 543 с.
105. Гроссман Л.П. Пушкин [Текст] / Л.П. Гроссман. – М.: Молодая гвардия, 1939. – 648 с.
106. Губайловский В. Формула Мандельштама [Текст] / В. Губайловский // Арион. – 2002. – № 4. – С. 34–47.

107. Гудзий Н.К. Лев Толстой: критико-биографический очерк. [Текст] / Н.К. Гудзий. – М.: Художественная литература, 1960. – 215 с.
108. Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. В двух книгах. 1828–1890 [Текст] / Н.Н. Гусев. – М.: Гослитиздат, 1958. – 1600 с.
109. Гюнтер Х. По обе стороны утопии: контексты творчества А. Платонова [Текст] / Х. Гюнтер. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 216 с.
110. Далеко раздвигался горизонт: воспоминания о В. М. Шукшине [Текст] / Сост. И.Ф. Шевцова. – Бийск: АСТ, 1995. – 64 с.
111. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 кн. Кн. 1. [Текст] / В.И. Даль. – М.: Дрофа, 2011. – 546 с.
112. Дейч А.И., Зозуля Е.Д. Свифт [Текст] / А.И. Дейч, Е.Д. Зозуля. – М.: Журнально-газетное объединение, 1933. – 166 с.
113. Демченко А.А. Научная биография писателя как тип литературоведческого исследования (Статья первая) [Текст] / А.А. Демченко // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Филология. Журналистика. – 2014. – Т. 14. Вып. 3. – С. 52–61.
114. Демченко А.А. Научная биография писателя: Пробл. изуч.: Учеб. пособие по спец. курсу для студентов филологического факультета [Текст] / А.А. Демченко. – Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1994. – 70 с.
115. Денисова О.Н. Метафизика любви в дневниковом и художественном дискурсе М.М. Пришвина: диссертация ... канд. филол. наук: 10.01.01 [Текст] / О.Н. Денисова. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2015. – 188 с.
116. Дырдин А.А. Горизонты странствующего духа. Андрей Платонов и апокрифическая традиция [Электронный ресурс] / А.А. Дырдин // Русская национальная философия в трудах ее создателей. – Режим доступа: URL: http://www.hrono.ru/proza/platonov_a/dyrdin4.html (Дата обращения: 26.11.2019).

117. Ершов Г.А. Михаил Пришвин: Жизнь и творчество [Текст] / Г.А. Ершов. – М.: Художественная литература, 1973. – 189 с.
118. Жижка М.В. Радищев [Текст] / М.В. Жижка. – М.: Молодая гвардия, 1934. – 204 с.
119. Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками [Текст] / Сост.: В. Ковский. – Феодосия: Коктебель, 2012. – 560 с.
120. Жуков Д.А. Биография биографии. Размышления о жанре [Текст] / Д.А. Жуков. – М.: Советская Россия, 1980. – 135 с.
121. Заболоцкий Анатолий. Кому в угоду перелопачивают Шукшина? Вопрос издателям [Текст] / Анатолий Заболоцкий // Наш современник. – № 3. – 2017. – С. 266–273.
122. Зверев А. Набоков [Текст] / А. Зверев. – М.: Молодая гвардия, 2001. – 453 с.
123. Иванов С.В. Лермонтов [Текст] / С.В. Иванов. – М.: Молодая гвардия, 1938. – 344 с.
124. Иванова Е.А. Жанр «новой биографии» в творчестве Эмиля Людвига [Текст] / Е.А.Иванова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Иваново, 2014. – 24 с.
125. Иванова Е.А. Теоретические основы и актуальные проблемы жанра биографии [Текст] / Е.А. Иванова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2012. – № 3. – С. 43–49.
126. Иванов-Разумник Р.В. Великий Пан [Текст] / Р.В. Иванов-Разумник // Творчество и критика. Статьи критические 1908–1922. Пг.: Колос, 1922. – С. 11–24.
127. Иконникова С.Н. История культурологических теорий [Текст] / С.Н. Иконникова. – СПб: Питер, 2005. – 474 с.
128. Интересные факты о серии книг «Жизнь замечательных людей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://diletant.media/articles/28697779/> (Дата обращения: 26.11.2019).

129. Исупов К.Г. Танатология [Текст] / К.Г. Исупов // Культурология. XX век. Энциклопедия. – СПб.: Университетская книга, 1998. – С. 245.
130. Казанцева Г.В. Беллетризованные биографии В.П. Авенариуса «Пушкин» и «Михаил Юрьевич Лермонтов»: история, теория, поэтика жанра: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. [Текст] / Г.В. Казанцева. – Йошкар-Ола, 2004. – 239 с.
131. Казанцева Г.В. К проблеме «Автор – герой» в биографии писателя («Александр Сергеевич Пушкин» П.А. Плетнева и «Материалы для биографии Пушкина» П.В. Анненкова [Текст] / Г.В. Казанцева // Вестник Военного университета. – 2011. – № 2 (26). – С. 58–64.
132. Казаркин А.П. Демиурги и апокалиптики А. Платонова (к проблеме «Платонов и гностицизм») [Текст] / А.П. Казаркин // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2016. – 3 (12). – С. 31–47.
133. Калинин М.И. Избранные произведения [Текст] / М.И. Калинин. – М.: Политиздат, 1975. – 448 с.
134. Каменев Л.Б. Чернышевский [Текст] / Л.Б. Каменев. – М.: Журнально-газетное объединение, 1933. – 193 с.
135. Кандауров О.З. Автопортрет как исповедальный жанр [Текст] // Красная книга культуры. – М.: Искусство, 1989. – С. 189–201.
136. Карпеева Т.А. Авторское «я» в биографическом повествовании [Текст] / Т.А. Карпеева // Филология и культура. – 2012. – № 3. – С. 136–139.
137. Касько И. Интервью с Алексеем Варламовым [Электронный ресурс] / И. Касько // livejournal, 17.07.2010. – Режим доступа: URL: <https://kritik-1972.livejournal.com/5579.html> (Дата обращения: 26.11.2019).
138. Коваленко С.А. Анна Ахматова [Текст] / С.А. Коваленко. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 344 с.
139. Код судьбы [Текст] // Российская газета. – 2008. – № 4598. – С. 10.
140. Козлова Н.Н. Методология анализа человеческих документов [Текст] / Н.Н. Козлова // Социологические исследования. – 2004. – № 1. – С.14–26.

141. Коновалов В.Н. Система жанров биографической прозы [Текст] // Документальное и художественное в литературном произведении: межвуз. сб. науч. тр. / Редкол. В. В. Тихомиров (отв. ред.) и др. – Иваново: ИвГУ, 1994. – С. 148–158.
142. Корниенко Н.В. Пролетарские писатели А. Платонов и Д. Бедный [Текст] // Кипарисовый ларец: альманах. – М., 2012. – С. 257–312.
143. Корниенко Н.В. «Сказано русским языком...» Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в русской литературе [Текст] / Н.В. Корниенко. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 533 с.
144. Коробов В.И. Шукшин: Вещее слово [Текст] / В.И. Коробов. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 420 с.
145. Красноперов В.И. Историческая наука и исторический портрет [Текст] / В.И. Красноперов. – Пермь: Слово, 1986. – С. 6.
146. Кржижановский С.Д. Поэтика заглавий [Текст] / С.Д. Кржижановский. – М.: Никитинские субботники, 1931. – 36 с.
147. Кривцун О.А. Биография художника как культурно-историческая проблема [Текст] // Человек. – 1997. – № 4, 5.
148. Кумок Я.Н. Биография и биограф [Текст] // Вопросы литературы. – 1973. – № 10. – С. 18–32.
149. Курбатов В.Я. Михаил Пришвин: Жизнеописание идеи [Текст] / В.Я. Курбатов. – М.: Советский писатель, 1986. – 222 с.
150. Курдюмова Т.Ф. Как рассказать о биографии писателя [Текст] // Первое сентября (Литература в школе). – 2006. – № 3. – С. 6–7.
151. Лангерак Томас. Андрей Платонов: Материалы для биографии 1899–1929 гг. [Текст] / Томас Лангерак. – Амстердам: Пегасус, 1995. – 354 с.
152. Левитская Н.А. Пособие по новейшей русской литературе [Текст] / Н.А. Левитская. – М.: ГБОУ Педагогическая академия, 2012. – 211 с.
153. Лекманов О.А. Осип Мандельштам [Текст] / Олег Лекманов. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 255 с.

154. Лепяхин В.В. Икона в творчестве Андрея Платонова [Текст] / В.В. Лепяхин // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Вып. 3-й. –СПб.: Наука, 2004. – С. 61-82.
155. Лепендин П. Алексей Варламов: жизнь Андрея Платонова окутывают мистика и тайна [Электронный ресурс] / П. Лепендин // Культура ВРН, 10.03.2011. – Режим доступа: URL: <http://culturavrn.ru/person/3692> (Дата обращения: 26.11.2019).
156. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: В 4 т. [Текст] / Сост.: М.А. Цявловский, Н.А. Тархова. – М.: СЛОВО/SLOVO, 1999. – 660 с.
157. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: 1821–1881: В 3 т. [Текст] / Сост. Якубович И.Д., Орнатская Т.И. – СПб: Академический проект, 1993. – 563 с.
158. Литвинцева Н.А. Психологический автопортрет [Текст] / Н.А. Литвинцева. – М.: Интел-синтез, 1996. – 303 с.
159. Лихачев Д.С. О точности литературоведения [Текст] // Литературные направления и стили. – М.: МГУ, 1976. – С. 14–17.
160. Лихачев Д.С. Текстология: краткий очерк [Текст] / Д.С. Лихачев. – М.: Наука, 2006. – 166 с.
161. Личманова Т.О. Художественная концепция личности в прозе А.Н. Варламова, М.П. Шишкина, О.О. Павлова: дис. ... кандидата филологических наук [Текст] / Т.О. Личманова. – Армавир, 2016. – 175 с.
162. Лосев Л.В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии [Текст] / Л.В. Лосев. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 446 с.
163. Лосиевский И.Я. Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии [Текст] / И.Я. Лосиевский. – Харьков: Крок, 1998. – 424 с.
164. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя [Текст] / Ю.М. Лотман. Л.: Просвещение, 1983. – 274 с.
165. Лотман Ю.М. Биография живое лицо [Текст] / Ю.М. Лотман // Новый мир. – 1985. – №2. – С. 228–236.

166. Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) [Текст] / Ю.М. Лотман // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. – Тарту, 1986. – Вып. 683. – С. 106–121.
167. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста [Текст] / Ю.М. Лотман // Структура и семиотика художественного текста: труды по знаковым системам. – М.: Гнозис, 1992. – С. 3–7.
168. Лотман Ю.М. Смерть как проблема сюжета [Текст] / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 417-430.
169. Малыгина Н.М. Андрей Платонов и литературная Москва [Текст] / Н.М. Малыгина. – М; СПб: Нестор – История, 2018. – 592 с.
170. Малыгина Н.М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения» [Текст] / Н.М. Малыгина. – М.: ТЭИС, 2005. – 336 с.
171. Малыгина Н.М. Он знает, что похож на деда. Малоизвестные факты из жизни семьи Андрея Платонова [Текст] / Н.М. Малыгина // Литературная газета. – 2009. – № 47–48.
172. Мальцева Ю.В. Попытка дефиниции современного «литературного проекта» [Текст] / Ю.В. Мальцева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Филология. Журналистика. – 2016. – №3. – С. 64–66.
173. Манн Т. Русская антология [Текст] // Т. Манн. Художник и общество: Статьи и письма. – М.: Радуга, 1986. – 440 с.
174. Манн Ю. Жанр больших возможностей [Текст] // Вопросы литературы. – 1959. – № 9. – С. 41–59.
175. Маслаков Д. Алексей Варламов: «В либеральной ассоциации я готов занимать правое место, в патриотическом объединении – левое» [Электронный ресурс] / Д. Маслаков // Гильдия словесников, 12.04.2016. – Режим доступа: URL: <https://slovesnik.org/kopilka/intervyu/aleksej-varlamov-v-liberalnoj-assotsiatsii-ya-gotov-zanimat-pravoe-mesto-v-patrioticheskom-obedinenii-levoe.html> (Дата обращения: 26.11.2019).

176. Мейлах Б.С. Биография как методологическая основа [Текст]/ Б.С. Мейлах // Человек науки. – М.: Наука, 1974. – С. 7–18.
177. Мейлах Б.С. Психология художественного творчества: предмет и пути исследования [Текст]/ Б.С. Мейлах// Психология процессов художественного творчества. – Л.: Наука, 1980. – С. 5–23.
178. Мейлах Б.С. Талант писателя и процессы творчества [Текст] / Б.С. Мейлах. – Л.: Наука, 1969. – 450 с.
179. Мендельсон М.О. Марк Твен [Текст] / М.О. Мендельсон. – М.: Журнально-газетное объединение, 1939. – 272 с.
180. Метелева Н. Романтизм как признак инфантильности: Попытка литературного психоанализа личности Александра Грина [Текст] / Н. Метелева // Бинокль: Вятский культурный журнал. – 2000. – № 6. – С. 54–60.
181. Мизеркин Д. «ЖЗЛ»: Василий Шукшин – вождь несостоявшегося крестьянского восстания [Электронный ресурс] / Д. Мизеркин // Пиши-читай, 29.10.2015. – Режим доступа: URL: <http://write-read.ru/news/4485>. (Дата обращения: 26.11.2019).
182. Минаева И.А. Автор и герой в художественных биографиях Б.К. Зайцева «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов»: дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / И.А. Минаева. – Ростов н/Д: РГУ, 2005. – 194 с.
183. Миндлин. Э Молодой Булгаков [Текст] // Воспоминания о Михаиле Булгакове / Сост. Е.С. Булгакова, С. А. Ляндрес. – М.: Советский писатель, 1988. – С. 145-156.
184. Михаил Михайлович Пришвин [Текст] // Из Русской думы. Т. 2. / Сост. Ю.И. Селиверстов. – М.: Роман-газета, 1995. – 512 с.
185. Михаил Пришвин и русская культура XX века: Сб. науч. ст. [Текст] – Тюмень: Вектор Бук, 1998. – 189 с.
186. Михайлова Л. Александр Грин: Жизнь, личность, творчество [Текст] / Л. Михайлова. – М.: Художественная литература, 1972. – 192 с.

187. Мокульский С.С. Мольер [Текст] / С.С. Мокульский. – М.: Журнально-газетное объединение, 1936. – 366 с.
188. Моруа А. Литературные портреты [Текст] / А. Моруа. – Ростов н/Д.: Феникс, 1997. – 512 с.
189. Мотяшов И.П. Михаил Пришвин: Критико-биографический очерк. [Текст] / И.П. Мотяшов. – М.: Советский писатель, 1965. – 248 с.
190. Мошкова Г.Ю. Биографический метод и проблема психологии личности [Текст] // Вопросы психологии. – 1994. – № 2. – С. 131–141.
191. Нейман А.М. Биография в истории экономической мысли и опыт интеллектуальной биографии Дж. М. Кейнса [Текст] // Диалог со временем – 2002 – №8. – С. 330–368.
192. Некрасов В.П. Дом Турбиных [Текст] / В.П. Некрасов // «Новый Мир» – 1967. – № 8. – С132-142.
193. Непомнящая Т.Ф. Книги о замечательных людях как тип издания: (Серия ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия»): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1969. – 17с.
194. Огрызко В.В. Русские писатели: современная эпоха: Лексикон: Эскиз будущей энциклопедии [Текст] / В.В. Огрызко. – М.: Литературная Россия, 2004. – 560 с.
195. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
196. Орлова О.М. Газданов [Текст] / О.М. Орлова. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 275 с.
197. Осипов Геннадий. Правда о наших потерях в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] / Геннадий Осипов // Око планеты, 27.04.2010. – Режим доступа: URL: <https://oko-planet.su/history/historysng/print:page,1,36759-pravda-o-nashix-poteryax-v-velikoj-otechestvennoj.html>. (Дата обращения: 26.11.2019).

198. Острогорский В.П. Двадцать биографий образцовых русских писателей [Текст] / В.П. Острогорский. – М.: Вузовская книга, 1999. – 112 с.
199. Паевская А.Н. Виктор Гюго: Его жизнь и литературная деятельность [Текст] / А.Н. Паевская. – СПб: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1890. – 96 с.
200. Панин С.В. Жанр биографии в русской литературе XVIII – первой трети XIX вв.: Истоки, формирование, типология: дисс. ... канд. филологических наук: 10.01.01. [Текст] / С.В. Панин – М.: РАН ИМЛИ им. М.Горького, 2002. – 247 с.
201. Паустовский К.Г. Близкие и далекие [Текст] / К.Г. Паустовский. – М.: Молодая гвардия, 1967. – 400 с.
202. Пахомова М.Ф. Михаил Михайлович Пришвин [Текст] / М.Ф. Пахомова. – Л.: Просвещение, 1970. – 128 с.
203. Петелин В.В. Жизнь Булгакова [Текст] / В.В. Петелин. – М.: Центрполиграф, 2000. – 766 с.
204. Петров А. Горьковской линейке биографий «Жизнь замечательных людей» – 75 лет. Интервью. [Электронный ресурс] / А. Петров // – Режим доступа: URL: <http://www.govoritmoskva.ru/articles.php?id=3047&cat=6> (дата обращения: 26.11.2019).
205. Пиксанов Н.К. Творческая история «Горя от ума». 2-е изд. [Текст] / Н.К. Пиксанов. – М.: Просвещение, 1971. – 400 с.
206. Пинаев С. Максимилиан Волошин [Текст] / С. Пинаев. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 672 с.
207. Пирогов Л. Живые позавидуют мёртвым [Электронный ресурс] / Л. Пирогов // Свободная пресса, 04.03.2014. – Режим доступа: URL: <http://svpressa.ru/culture/article/81676/> (Дата обращения: 26.11.2019).
208. Писатель Алексей Варламов – о феномене русского XX века [Электронный ресурс] // Литературная премия «Ясная Поляна», 20.12.2015. – Режим доступа: URL: http://www.yppremia.ru/novosti/pisatel_aleksey_varlamov__o_fenomene_russkog_o_xx_veka/ (Дата обращения: 26.11.2019).

209. Платонов А. Деревянное растение. Из записных книжек [Текст] / А. Платонов. – М.: Правда, 1990. – 48 с.
210. Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии [Текст] / А.П. Платонов. – М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. – 426 с.;
211. Платонов А. Избранные произведения: Рассказы. Повести [Текст] / А. Платонов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.
212. Платонов А. Хлеб и чтение [Электронный ресурс] / А. Платонов // Андрей Платонов. Режим доступа: URL: <http://platonov-ap.ru/stories/hleb-i-chetnie> (Дата обращения: 26.11.2019).
213. Платонов А. «... Я прожил жизнь». Письма, 1920-1950 гг. [Текст] / А. Платонов; сост. и вступ. ст. Н. Корниенко. – Москва: Астрель, 2014. – 685 с.
214. Подчиненов А.В., Снигирева Т.А. Литературная биография: Документ и способы его включения в текст [Текст] / А.В. Подчиненов, Т.А. Снигирева // Филология и культура. – 2012. – №4 (30). – С. 152–155.
215. Померанцева Г.Е. Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощение серии [Текст] / Г.Е. Померанцева. – М.: Книга, 1987. – 335 с.
216. Попов В.Ф. Довлатов [Текст] / В.Ф. Попов. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 368 с.
217. Праздников Г. Биография и творчество. Введение в проблематику [Текст] // Искусство и эстетическая культура. – СПб.: РАН Институт философии, 1992. – С. 77–93.
218. Прилепин З. Алексей Варламов. Нашему народу надо просить у Неба не справедливости, а милосердия. Беседа Захара Прилепина с писателем [Электронный ресурс] / З. Прилепин. – Режим доступа: URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/aleksej-varlamov-.html> (Дата обращения: 26.11.2019).
219. Прилепин З. Леонид Леонов [Текст] / З. Прилепин. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 569 с.

220. Пришвин М.М. Дневник. Т. 1. 1914–1917 гг. [Текст] / М.М. Пришвин. – М.: Московский рабочий, 1991. – 432 с.
221. Пришвин М.М. Дневник. Т. 2. 1918–1919 гг. [Текст] / М.М. Пришвин. – М.: Московский рабочий, 1994. – 383 с.
222. Пришвин М.М., Пришвина В.Д. Мы с тобой. Дневник любви [Текст] / Подгот. текста и коммент. Л. Рязановой. – СПб: Росток, 2003. – 256 с.
223. Прохоров Е.П. Александр Грин [Текст] / Е.П. Прохоров. – М.: Просвещение, 1970. – 119 с.
224. Розанов И.Н. Литературные репутации [Текст] / И.Н. Розанов. – М.: Советский писатель, 1990. – 485 с.
225. Романова Р.М. Александр Твардовский: труды и дни [Текст] / Р.М. Романова. – М.: Водолей Publishers, 2006. – 764 с.
226. Роскин А.И. Судьба писателя-фабулиста [Текст] / А.И. Роскин // Художественная литература. – 1935. – № 4. – С. 4–9.
227. Рыбников Н.А. Изучение биографии (темы семинария, указатель литературы) [Текст] / Н.А. Рыбников. – М.: Б. и., 1922. – 14 с.
228. Рясов А.Платонов: идеология, язык, бытие [Текст] / А. Рясов // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 1. – С. 325-331.
229. Савинич Б. Литературные течения: А. С. Грин [Текст] / Б. Савинич // Утро России. – 1915. – 25 апреля.
230. Сараскина Л.И. Достоевский [Текст] / Л.И. Сараскина. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 824 с.
231. Свительский В.А. Андрей Платонов вчера и сегодня: Статьи о писателе. [Текст] / В.А. Свительский. – Воронеж: Русская словесность, 1998. – 216 с.
232. Сегень А. «В них сила, хотя их и мало...». Книги серии «ЖЗЛ» о писателях [Электронный ресурс] / А. Сегень // Столетие. – Режим доступа: URL: http://www.stoletie.ru/kultura/v_nih_sila_khota_ih_i_malo_2010-10-13.htm (Дата обращения: 26.11.2019).
233. Селезнев Ю.И. Достоевский [Текст] / Ю.И. Селезнев – М.: Молодая гвардия, 1981. – 543 с.

234. Семенова С. «Идея жизни» А. Платонова [Текст] // А. Платонов. Чевенгур. – М.: Художественная литература, 1988. – 413 с.
235. Сент-Бёв Ш. Литературные портреты. Критические очерки [Текст] / Ш. Сент-Бёв. – М.: Художественная литература, 1970. – 585 с.
236. Сивогривова А.А. Биографические жанры в литературе. История и теория: уч. пособие [Текст] / А.А. Сивогривова. – Ростов н/Д.: РГПИ, 1989. – 86 с.
237. Скабичевский А.М. А.С. Пушкин: Его жизнь и литературная деятельность [Текст] / А.М. Скабичевский. – СПб: Изд. Ф. Павленкова, 1924. – 80 с.
238. Скабичевский А.М. М.Ю. Лермонтов: Его жизнь и литературная деятельность [Текст] / А.М. Скабичевский. – СПб: тип. газ. «Новости», 1891. – 100 с.
239. Скарлыгина Е.Ю. Рецензия на книгу: Варламов А.Н. Александр Грин (ЖЗЛ) [Текст] / Е.Ю. Скарлыгина // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 78. – С. 432–435.
240. Слепнева И. От первого лица: Алексей Варламов [Электронный ресурс] / И. Слепнева // Культура Москвы. – Режим доступа: URL: <http://litinstitut.ru/content/aleksey-varlamov-ot-pervogo-lica> (Дата обращения: 26.11.2019).
241. Снигирева Т.А., Подчиненов А.В. Проект «ЖЗЛ» как опыт национально-культурного мифотворчества [Текст] / Т.А. Снигирева, А.В. Подчиненов // Национальный миф в литературе и культуре: материалы всероссийской научной конференции, 4 – 7 мая 2009 г. – Казань: ТГГПУ, 2009. – С. 76 – 87.
242. Соболев Ю.В. Чехов [Текст] / Ю.В. Соболев. – М.: Журнально-газетное объединение, 1934. – 336 с.
243. Соболевская О.В. Биография [Текст] // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: Интелвак, 2003. – 800 с.

244. Соколов Б. Булгаковская энциклопедия [Текст] / Б. Соколов. – М.: Локид; Миф, 1996. – 586 с.
245. Соколов Б.В. Три жизни Михаила Булгакова [Текст] / Б.В. Соколов. – М.: Эллис Лак, 1997. – 549 с.
246. Споры об Андрее Платонове [Электронный ресурс] // Радио Свобода, 29.04.2011. – Режим доступа: URL: <https://www.svoboda.org/a/16797510.html> (Дата обращения: 26.11.2019).
247. Степанович С. Рец. на кн.: Грин А.С. Позорный столб. Собр. соч.: В 3 т. СПб, 1913. Т. 3 [Текст] / С. Степанович // Новая жизнь. – 1914. – № 3. – С. 152–153.
248. «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. –М: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000–2005. Вып. 4–6;
249. Сухотин П.С. Бальзак. [Текст] / П.С. Сухотин. – М.: Журнально-газетное объединение, 1934. – 368 с.
250. Счастливецва Ю.А. Проза Алексея Варламова 1980–1990-х гг.: жанрово-стилевое своеобразие: дис. кандидата филол. наук [Текст] / Ю.А. Счастливецва. – Магнитогорск, 2007. – 184 с.
251. Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. – СПб.: Наука, 2000–2008. Вып. 2–4.
252. Теория литературы: учеб. пособ. в 2 т. Т.1. / Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман; под ред. Н. Д.Тамарченко. – М.: Академия, 2004. – 512 с.
253. Терпугова А.В. Биографический текст как объект лингвистического исследования: автореферат дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / А.В. Терпугова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2011. – 27 с.
254. Терпугова А.В. Современный биографический текст: к вопросу о текстообразующих элементах [Текст] / А.В. Терпугова // Традиционная культура. – 2009. – №4. – С. 21–29.
255. Толстая Е.Д. Дёготь и мёд [Текст] / Е.Д. Толстая. – М.: РГГУ, 2006. – 696 с.

256. Толченова Н. Слово о Шукшине [Текст] / Н. Толченова. – М.: Современник, 1982. – 160 с.
257. Томашевский Б. Писатель и книга: Очерк текстологии [Текст]. Л, 1928.
258. Томашевский Б.В. Литература и биография [Текст] / Б.В. Томашевский // Книга и революция. – 1923. – №4. – С. 16–19.
259. Тюпа В. И. Художественный дискурс. Введение в теорию литературы [Текст] / В. И. Тюпа. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 80 с.
260. Тынянов Ю.Н. Литературный факт [Текст] // Ю.Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 255–269.
261. Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции [Текст] // Ю.Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 270–281.
262. Уртминцева М.Г. Литературный портрет в русской литературе второй половины XIX века: генезис, поэтика, жанр: монография [Текст] / М.Г. Уртминцева. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2005. – 232 с.
263. Федорова Т.А. Поэтика прозы Алексея Варламова: автореф. дис. кандидата филол. наук [Текст] / Т.А. Федорова. – Астрахань, 2012. – 17 с.
264. Фокина Н. О В.М. Шукшине [Текст] / Н. Фокина // Искусство кино. – 2003. – №11. – С. 56–64.
265. Хализев В.Е. Теория литературы [Текст] / В.Е. Хализев. – М.: Академия, 2009. – 432 с.
266. Харчев В.В. Художественные принципы романтики А.С. Грина [Текст] / В.В. Харчев // Ученые записки Горьковского государственного педагогического института. – 1966. – Вып. 54. – С. 42–59.
267. Ходасевич. В.Ф. Державин [Текст] / В.Ф. Ходасевич. – М.: Книга, 1988. – 385 с.
268. Холиков А.А. Биография писателя как жанр: учебное пособие [Текст] / А.А. Холиков. – М.: Либроком, 2010. – 96 с.
269. Холиков А.А. Биография писателя как теоретико-литературная проблема (на примере жизни и творчества Д.С. Мережковского с 1865 по

- 1919 год): автореферат дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / А.А. Холиков. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. – 22 с.
270. Хорькова М., Пахомова Е. Андрей Платонов – неоткрытая планета [Электронный ресурс] / М. Хорькова // Татьяна день, 22.09.2009. – Режим доступа: URL: <http://www.taday.ru/text/218674.html> (Дата обращения: 26.11.2019).
271. Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы [Текст] / М.Б. Храпченко. – М.: Знание, 1977. – 446 с.
272. Худенко Е.А. Жизнетворчество Мандельштама, Зощенко, Пришвина 1930–1940-х гг. как метатекст: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01 [Текст] / Е.А. Худенко. – Барнаул: Алтайский государственный ун-т, 2012. – 32 с.
273. Чалмаев В.А. Андрей Платонов: К сокровенному человеку [Текст] / В.А. Чалмаев. – М.: Советский писатель, 1989. – 144 с.
274. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова [Текст] / М.О. Чудакова. – М.: Книга, 1988. – 672 с.
275. Чудакова М.О. Рукопись и книга [Текст] / М.О. Чудакова. – М.: Просвещение, 1986. – 173 с.
276. Шагинян М.С. А.С. Грин [Текст] / М.С. Шагинян // Красная новь. – 1933. – № 5. – С. 171–173.
277. Шайтанов И.О. Современный эрос, или Обретение голоса [Текст] / И.О. Шайтанов // Арион. – 2005. – № 4. – С. 45–47.
278. Шарифова С.Ш. Типы документально-художественного романа [Текст] // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 271–277.
279. Шейман Л.А. Изучение биографии писателя [Текст] // Методика преподавания русской литературы в национальной школе. – Л.: Просвещение, 1983. – С. 75–86.
280. Шемякина М.К. Человек и мир в дневниках И.А. Бунина и М.М. Пришвина: дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / М.К. Шемякина. – Белгород: Белгородский государственный университет, 2004. – 236 с.

281. Шукшин В.М. Из рабочих записей [Текст] / В.М. Шукшин // Смена. – 1980. – № 16.
282. Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина [Текст] / П.Е. Щеголев. – М.: Журнально-газетные объединения, 1936. – 398 с.
283. Эйхенбаум Б.М. Основы текстологии [Текст] // Редактор и книга. Вып. 3. – М.: Искусство, 1962. – 59 с.
284. Эко У. открытое произведение [Текст] / Эко, пер. с ит. А. Шурбелева – СПб.: Академический проект, 2004 – 384 с.
285. Эльсберг Я.Е. Салтыков-Щедрин [Текст] / Я.Е. Эльсберг. – М.: Журнально-газетное объединение, 1934. – 203 с.
286. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX - XX веков [Текст] / М.Н. Эпштейн. – М.: Советский писатель, 1988. – 416 с.
287. Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству [Текст] // Зарубежная эстетика и теория литературы 1920 вв.: Трактаты, статьи. –М.: Молодая гвардия, 1987. – 214–231.
288. Юркин В. Интеллектуальный феномен [о серии «Жизнь замечательных людей»] [Текст] / В. Юркин // Студенческий меридиан. – 2005. – № 2. – С. 70–73.
289. Яблоков Е. Алексей Варламов. Андрей Платонов [Электронный ресурс] / Е. Яблоков // OpenSpace.ru, 16.03.2011. Режим доступа: URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/21142/?expand=yes#expand> (Дата обращения: 26.11.2019).
290. Яблоков Е.А. А.С. Грин в жизни и творчестве [Текст] / Е.А. Яблоков. – М.: Русское слово, 2013. – 112 с.
291. Яновская Л.М. Записки о Михаиле Булгакове [Текст] / Л.М. Яновская. – М.: Текст, 2007. – 416 с.
292. Яновская Л.М. Творческий путь Михаила Булгакова [Текст] / Л.М. Яновская. – М.: Советский писатель, 1983. – 455 с.

293. Clifford J.L. From puzzles to portraits: problems of literary biographer [Text] / J.L. Clifford. – Chapel Hill, North Carolina: University of North Carolina Press, 1970. – 151 p.
294. Edel L. Writing Lives: Principia biographica [Text] / L. Edel. – Norton, 1987. – 270 p.
295. Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation [Text] / G. Genette, trans. by J.E. Lewin. – Cambridge, 1997. – 427 p.
296. Holroyd M. Lytton Strachey: the new biography [Text] / M. Holroyd. – New York, 1994. – 600 p.
297. Kendall P.H. The art of biography [Text] / P.H. Kendall. – N.Y.: W. W. Norton and Company, INC., 1965. – 158 p.
298. Oryshchuk N. Official Representation of the Works by Alexander Grin in the USSR: Constructing and Consuming Ideological Myths [Text] / N. Oryshchuk. – Canterbury: University of Canterbury, 2006. – 298 p.